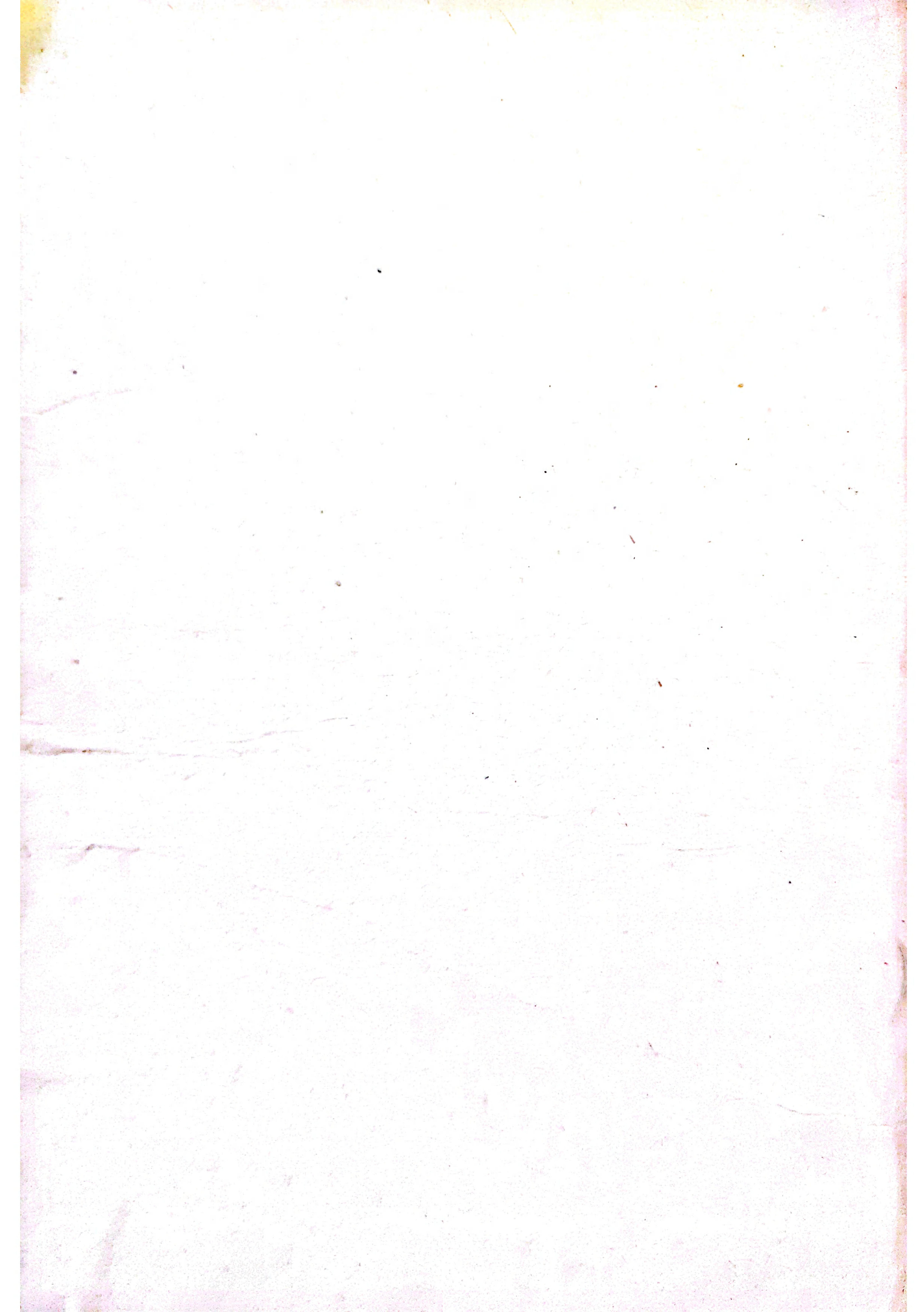


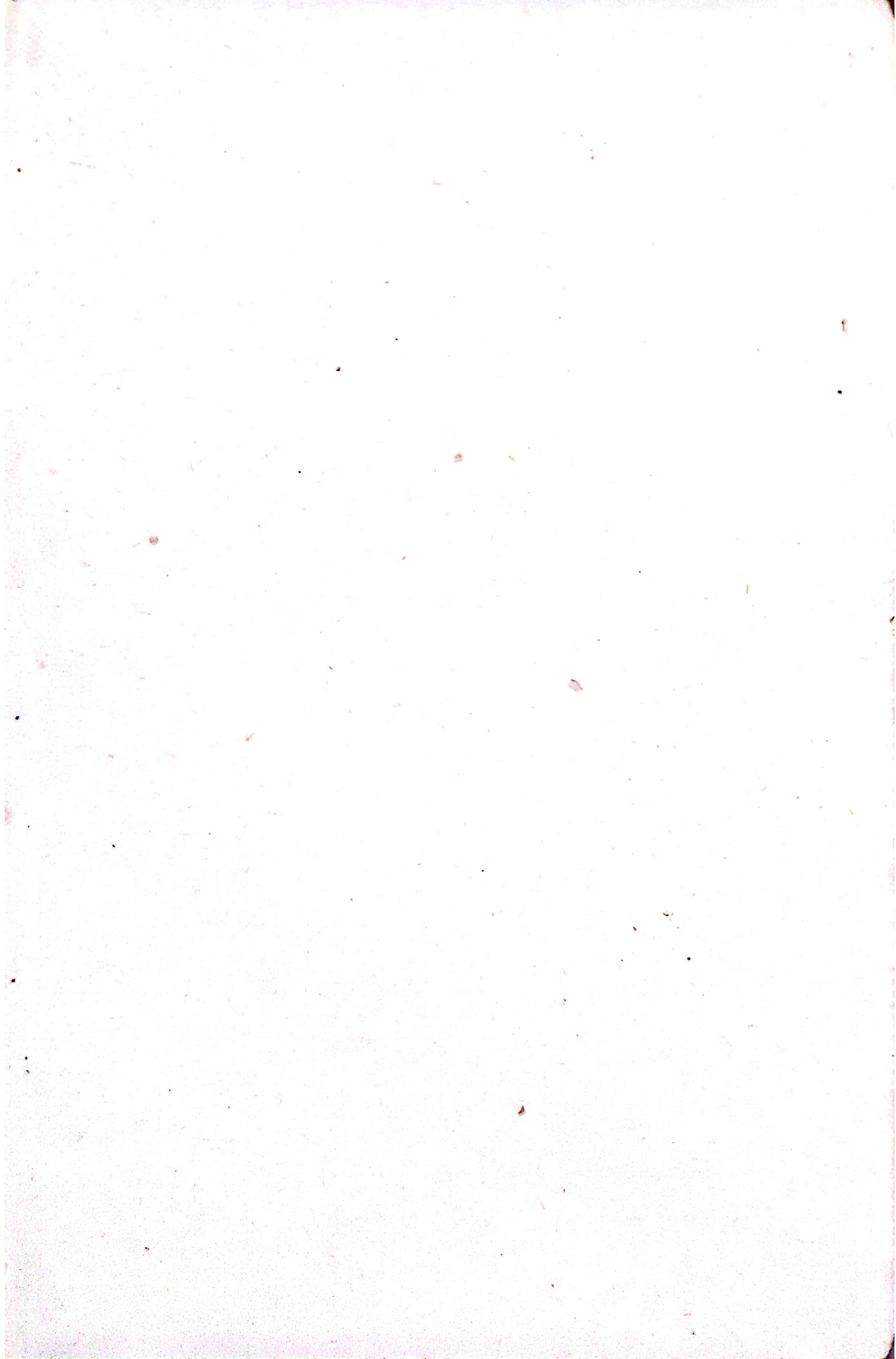


ИВАН ГОЛОВЧЕНКО

Роман

ШЕКИСТА







ИВАН ГОЛОВЧЕНКО

Записки
ЧЕКИСТА



„РАДЯНСЬКИЙ ПИСЬМЕННИК“

КИЕВ — 1958

Сборник рассказов И. Головченко посвящен трудовым будням работников наших органов госбезопасности.

Располагая обширным материалом подчас запутанных и сложных дел, хорошо зная специфику своей темы, автор увлекательно рассказывает о вполне реальных событиях, имевших место на территории УССР в послевоенные годы.

Рассказы И. Головченко выгодно отличаются от других произведений этого жанра прежде всего убедительностью фактов, глубокой логичностью мотивировок, волнующей и поучительной жизненностью событий.

ОТ АВТОРА

Настоящий сборник рассказов написан на фактическом материале. Автор не увлекался построением замысловатых сюжетов; их продиктовала сама жизнь. Некоторые отступления от истины допущены только там, где этого требовали понятные читателю причины: в книге изменены фамилии действующих лиц, названия городов и сел, в которых происходили описываемые события, опущены подробности, не представляющие для широкого читателя особого интереса.

Цель сборника — ознакомить читателя, в меру возможного, с трудной, ответственной и почетной работой, которую ведут советские чекисты, свято охраняющие труд и жизнь наших людей, интересы нашей социалистической Родины.

Факты доказывают, что сила наших органов безопасности, руководимых Коммунистической партией, в их неразрывной связи с народом, детищем которого они являются. Именно благодаря постоянной активной помощи народа, — многие преступления, затеянные врагом, были своевременно распознаны и пресечены, а виновники совершенных злодеяний, несмотря на все их усилия замести следы, были привлечены к суровому ответу.

Отбрасывая «романтику» так называемой детективной литературы, в которой работники органов, как правило, наделяются необычными, даже «таинственными» чертами, автор стремился показать своих героев такими, какими наблюдал их в жизни, а в жизни некоторые из них не были лишены и отрицательных черт.

Эти примеры, как положительные, так и отрицательные, могут быть поучительны не только для широкого круга читателей, но и для наших молодых сотрудников органов Государственной безопасности. Эти рядовые примеры показывают, какой глубокой вдумчивости, проницательности, настойчивости, а подчас и личной отваги требует суровый и скромный труд людей, призванных оберегать безопасность нашего социалистического государства, какую требовательность должны постоянно проявлять эти люди к себе, чтобы оправдать высокое доверие партии и народа.



ПОД ЧУЖИМ ИМЕНЕМ

Лидочка собиралась в школу...

Был вечер, и до той заветной минуты, когда перед нею впервые откроются двери школьного класса, оставалась еще целая ночь и беспокойное утро,— но Лидочке не терпелось. Шуточное ли дело — впервые собираться в школу! Тут важно не забыть, например, тетрадку. И ручку... И чернильницу... И карандаш. И важно, чтобы новый портфель был чистеньким,—ни пылинки. А туфли, платице, голубая лента в косичках,— все должно выглядеть так, чтобы каждый, кто встретит Лидочку завтрашним утром, сказал:

— Эта девочка спешит в школу!..

Она не могла не заметить, что и отец ее — председатель сельсовета — Савелий Иванович Косачев, и мать — Софья Петровна Косачева были настроены в этот вечер торжественно. Маленькое событие в семье всем им казалось

значительным, и, настроенный мечтательно, отец сказал:

— Так и годы пролетят, — не заметишь. Давно ли, Софья, мы радовались ее первому шагу? А ведь может и такое случиться, что годиков этак через пятнадцать войдет в нашу квартиру дипломированный врач, или агроном... или учительница, — Лидия Савельевна Косачева!..

Мать улыбнулась:

— Много еще воды утечет!..

— И все же верится, — сказал Косачев, наблюдая, как дочь примеряла перед зеркалом платье. Черные глазенки ее сияли от счастья, разгоряченные после купанья щеки налились ярким румянцем. Новое голубенькое платьице в горошек ей очень нравилось, и не меньше нравился портфель, — деловитый и важный, с блестящим замком, и коричневые туфельки, стоявшие у кровати. Если бы сейчас, в эту минуту в школу! Но придется еще раздеваться и лечь в постель, и только утром мама разбудит ее и скажет:

— Ну, девонька, пора...

В какой уже раз Лидочка представляла себе, как она выбежит на крыльцо, — нет, не выбежит, — выйдет вполне спокойно, спустится по ступенькам и, неся в правой руке портфель, а в левой букет левкоев, — любимых маминых цветов, пройдет под окнами соседей, и те обязательно выглянут, конечно, и скажут:

— Подумать, еще так рано, а девочка уже идет в школу!..

Но разве она пойдет одна? У соседей есть злая собака Рябчик. Хорошо, если калитка закрыта и Рябчик привязан. А если нет? Оза-

боченная этой непредвиденной опасностью, Лида спросила:

— Мама, ты тоже со мной пойдешь?

— Ну, как же! Обязательно провожу тебя...

— А потом ты уйдешь, а я одна останусь?..

— Нет, девочка, нас встретит учитель. Там соберется много таких же малышей, как ты, и он будет с вами заниматься.

— Я знаю учителя! — радостно воскликнула Лида. — Он близко от нас живет...

— И еще у вас будет учительница. Зоей Васильевной ее зовут. Не знаешь? Ну, ничего, завтра познакомишься, — ребята ее очень уважают...

— Еще бы не уважать! — пошутил Косачев. — Не будешь слушаться, — сразу подавай ей уши... Крепко надерет!

Лида удивленно взглянула на отца:

— А вот и нет! Мама говорила, что в школе за уши не дерут.

— Это послушных не дерут, — продолжал поддразнивать Косачев. — А ведь ты частенько не слушаешься ни меня, ни мамы...

Заметив веселые искорки в глазах отца, Лида захлопала в ладоши:

— И совсем ты выдумываешь! Зою Васильевну я буду слушаться...

На улице стемнело, и Софья Петровна зажгла лампу. Мгла дождливого осеннего вечера за окнами еще больше сгустилась. Стали виднее мелкие брызги дождя, осевшие на стеклах. Черная ветка акации зябко тянулась к окну. Ветер настороженно шумел над крышей... И от этой непроницаемой мглы за окном, и от шороха ветра в комнате казалось особенно светло и уютно.

— Ну, хватит, девонька, чепуриться, — сказала мать. — Снимай платице, будем ужинать.

Стоя посреди комнаты, Лида с усилием развязывала пояс. Савелий Иванович по-прежнему смотрел на дочь, мысленно повторяя: — И все же не верится! — Вспоминался партизанский отряд, в котором он познакомился с Софьей. Казалось, все это было совсем недавно. Однако дочери уже семь лет.

— Долго ты, школьница, с поясом возишься, — молвил он чуть насмешливо. — Может, учительницу позвать, чтобы помогла?

Девочка облегченно вздохнула:

— А вот и развязала! Я же не виновата, что он затянулся в узелке...

Захватив подол платица, Лида вскинула ручонки, чтобы снять школьный наряд, невольно шагнула к отцу и вдруг оступилась. Грянул выстрел. Девочка пошатнулась, привстала на носках и рухнула на пол.

Еще не понимая, что произошло, боясь поверить в страшное несчастье, Косачев бросился к дочери и подхватил ее на руки. Он чувствовал, как холодеет ее тело... Лицо девочки было залито кровью. Узенькая, черная струйка сбегала по новой ленте. В комнату вбежала Софья Петровна. Недоумение сменилось ужасом в ее глазах.

А за окном все так же монотонно постукивал дождь. Крупные капли смутно поблескивали в свете лампы, и стекла казались заплаканными. Ветер сторожко шуршал над крышей. Сквозь разбитую шибку в комнату тянуло осенней сыростью, запахом мокрой земли.

* * *

Уполномоченный районного аппарата КГБ майор Мехеда медленно шагал по комнате, время от времени глотая соду и брезгливо морщась. Сода несколько облегчала неприятное ощущение изжоги, но каждый раз, доставая новую таблетку, Мехеда кривился от непреодолимого отвращения.

Склонившись над чемоданом, жена Мехеды укладывала все необходимое в дорогу.

— Цветную рубашку возьмешь? — спросила она тем терпеливым тоном, каким обычно говорят с больным.

Мехеда безразлично кивнул и снова отхлебнул из стакана.

— А эту, голубую?

Мехеда молча согласился: боль под ложечкой разрасталась, и он не особенно прислушивался к вопросам жены. Давно страдавший болезнью желудка, Мехеда в этот вечер собирался выехать на лечение в Кисловодск. Получив разрешение начальника управления на отпуск, он еще утром передал дела своему заместителю, взял билет на поезд, отправлявшийся в три часа ночи, и теперь собирался в дорогу.

— Все, кажется? — не совсем уверенно спросила жена. и после некоторого колебания осторожно закрыла крышку чемодана.

— А, не все ли равно! Вот, только не забудь...

Телефонный звонок прервал Мехеду.

— Вот только бритву не забудь, — окончил он, уже беря трубку телефона.

Звонил районный прокурор.

— Убийство? — испуганно переспросил Мехе-

да.— В Подлесном? Так. Ясно... Стреляли в окно? Хорошо, сейчас выхожу, подъезжай.

Жена застыла у чемодана и удивленно смотрела на мужа.

— А билет на поезд, а путевка?

— Понимаешь, убийство! В районе столько времени нет даже случаев хулиганства, а тут убийство,— взволнованно пояснил он, поспешно облачаясь в свой рабочий форменный костюм.

Спустя час районный прокурор и уполномоченный КГБ уже были на месте трагического происшествия и внимательно изучали обстоятельства преступления. Пуля прошла сквозь голову девочки, отклонилась в сторону, пролетела мимо сидевшего на стуле Косачева и застряла в раме противоположного окна.

Баллистические данные ее полета давали основание думать, что выстрел был направлен прямо в грудь сидевшему на стуле Косачеву. Лида, стоявшая посреди комнаты и снимавшая свое новое платье, очевидно, шагнула вперед как раз в тот момент, когда преступник спустил курок. Пуля поразила ее случайно.

Отстрелянной гильзы у окна найти не удалось. Розыскная собака, приведенная на место убийства, сразу же взяла след от окна, у которого стоял преступник. Она повела проводника на огороды, дошла до заросшей осокой речки и остановилась у самого берега. Лапы ее вязли в топком иле. Собака металась, рычала, разгребала когтями и мордой болотный ил.

Засунув руку по локоть в грязь, проводник вытащил какой-то бесформенный, облепленный глиной предмет.

— Галоша! — закричал он, высоко поднимая свою находку.

Дальнейший след преступника скрылся под водой, и собака его уже не взяла.

Вытащенная из грязи галоша не была единственной находкой сегодняшнего дня. Недалеко от дома Косачева майор Мехеда поднял раскисший от дождя окурок папиросы, на котором еще можно было разобрать фабричный штамп «Шахтерские».

Вернувшись к себе в отдел, Мехеда долго рассматривал обе эти находки. Казалось, не было в них ничего примечательного, ничего особенного, определяющего индивидуальность убийцы. Многие советские люди курят папиросы «Шахтерские», многие носят галоши тринадцатого размера, как и эта, лежавшая на столе. И все же это могли быть важные улики в руках того, кто умело поведет розыск!

Интересно, правильны ли его предположения относительно извлеченной из подоконника пули? Уже, пожалуй, можно позвонить эксперту.

Мехеда снял телефонную трубку, набрал нужный номер.

— Капитан Савельев? Да, именно по этому поводу я и звоню... Ага, так я и думал.

Экспертиза показала, что пуля калибра 7,92 выпущена из нарезного оружия. Выстрел мог быть произведен из винтовки немецкого образца.

Еще одна важная улика!

* * *

Прошли недели и месяцы. Наступила весна. Но майор Мехеда все еще не сумел проникнуть в тайну гибели маленькой Лиды.

Возникало и было проверено множество версий, предположений и догадок, однако все они ни к чему не привели. Напасть на след преступника не удавалось.

А это значило, что нужно было снова искать, в корне изменив самый метод поисков.

Из опыта майор Мехеда знал, что в случаях, когда напасть на след преступника сразу же не удается, приходится действовать путем своеобразного отсчета: приближаться к истине методом исключения невозможного и ограничения возможного. Иначе говоря, вопрос приходилось ставить на первый взгляд странно: кто из окружающих не мог бы пожелать председателю сельсовета Косачеву плохого?

Таким образом, круг тех, кто был бы способен на подобное преступление, все сужался.

Трудный и долгий путь! С Косачевым ежедневно соприкасались сотни людей. В сложной обстановке руководства крупным сельским советом не единичны случаи, когда отдельные люди считают себя обиженными и бывают чем-либо недовольны.

Значит, в окружении Косачева следовало выявить тех, кто мог затаить против него недоброе чувство, пристально присмотреться к каждому такому человеку, убедиться, способен ли «обиженный» на преступление?

Мехеда изо дня в день изучал окружающих

Косачева односельчан и, хотя все его усилия оказывались потраченными впустую, испытывал чувство облегчения.

— Нет, этот не мог стрелять из-за угла!

Одновременно его не покидало и чувство горечи. Кто же тогда смог? Все, на кого падала малейшая тень подозрения, оказались честными, хорошими людьми. Некоторые из них могли вспылить, в пылу спора сказать резкое слово, но, спаянные общим делом, люди быстро забывали свои мелочные счёты: совершенное преступление казалось им непонятным и тем более страшным. Нет, никто из окружения Косачева не был способен на убийство. Где же искать преступника?.. Возможно, им был кто-то из прежних односельчан Савелия Ивановича? Не мешает проверить, кто уехал из села и при каких обстоятельствах.

И снова начинались поиски, осторожные распросы — кропотливая, незаметная и такая напряжённая работа.

Постепенно удалось собрать сведения почти о всех выбывших из села, сколько-нибудь знакомых ранее с Косачевым.

И снова он испытывал чувство тревожной досады: неужели опять время было потрачено впустую?

— Нет, не впустую! — говорил он себе. Круг людей, которых можно было заподозрить в убийстве маленькой Лиды, все время суживался.

Чтобы проверить себя, Мехеда решил еще раз навестить семью Косачевых.

Увидев майора, Софья Петровна побледнела:

— Снова о том же? Только больные раны тревожите...

— Нет, нет, я к вам проездом, мимоходом, — ответил Мехеда смущенно. — Все же, мы — знакомые. Вот и решил навестить...

Софья Петровна вздохнула и устало опустилась на стул. Лицо ее за зиму еще больше осунулось, уголки когда-то яркого рта опустылись, у глаз тонкой сетью легли морщинки. Печать безысходной тоски лежала и на лице Савелня Ивановича. Вяло пожав майору руку, он пригласил его присесть, предложил папиросу, с видимым усилием задал несколько ничего не значащих вопросов и угрюмо замолчал, погруженный в свои невеселые мысли.

Появление майора Мехеды с новой силой воскресило в его памяти образ дочери. Вот кружится она радостная, возбужденная по комнате, расправляя складки нового платья; черные косички залетают то вперед, то назад, и вплетенные в них банты мелькают у оживленного личика девочки, словно две большие порхающие бабочки... До сих пор он не мог вспомнить подробности той минуты, когда прозвучал выстрел. В памяти сохранилась только лента и тонкая алая струйка на ней, только неподвижность и странная тяжесть холодеющего тельца.

Стараясь казаться спокойным, Косачев отвернулся к окну.

Выждав, пока он немного успокоится, Мехеда предложил:

— Может быть, выйдем, пройдемся?

Косачев молча встал и направился к выходу.

Весеннее солнце уже прогрело почву, и земля покрылась мягкой зеленью муравы. Зацветали сады. На посаженных вдоль улицы тополях раз-

ворачивались первые клейкие листочки. Это радостное пробуждение жизни так не вязалось с тем, о чем думали и Косачев и Мехеда. Некоторое время оба они молчали.

Здесь, на улице, Мехеда еще отчетливее приметил, как изменился за зиму председатель сельсовета. Он шел сгорбившись, понуро опустив голову, тяжело передвигая ноги. Чувство щемящей жалости к этому убитому горем человеку укором отдалось в сердце майора. Нет, он найдет убийцу Лиды, во что бы то ни стало найдет, какие бы трудности перед ним не стояли, сколько бы времени это не потребовало!

— Если не ошибаюсь, Савелий Иванович, — начал Мехеда издали, — вы коренной здешний житель? Здесь и родились?

— Родился-то здесь, — вяло отозвался Косачев, — а вырос, можно сказать, безбатченком... Отца в гражданскую убили, мне тогда три годика было. Вскоре и мать умерла. Так и рос, как бурьян у дороги, пастушком у богатых людей. А жизнь пастушка, да еще сироты круглого, знаете, какая была.

Косачев загляделся на дальнюю степь и умолк, но лицо его несколько оживилось: мимолетное воспоминание о далеком прошлом несколько отвлекло его от неотвязных тяжелых мыслей. Вскоре он снова заговорил:

— Теперь-то вспоминаю, и даже не верится, как выжил. Да, наверное, и не выжил бы, если бы не организовался у нас колхоз и меня в колхозные подпаски не забрали. Правда, на первых порах тоже приходилось несладко. Жил на конюшне с конюхами, одежонка хоть и получше,

но все же не ахти какая, только и того, что голод не донимал. Ну, а потом наш колхоз начал крепнуть, организовали при нем для таких, как я, интернат, определили учиться. Жадно потянулся я к учебе. И вот что интересно: начал жизнь пастушком и по этой же линии пошел — на зоотехника решил учиться. В сороковом году получил диплом и, можно сказать, крепко на ноги стал! Сначала заведовал животноводческой фермой, а потом избрали меня председателем сельсовета. Я до работы, как и до учебы, жадный был, — жить бы да работать! А тут треклятая война грянула, как гром с ясного неба. И пришлось мне новое дело осваивать: тонкую и сложную методику партизанской борьбы.

Увлеченный воспоминаниями, Косачев неуловимо изменился: плечи его выпрямились, вся фигура стала как-то собраннее, голос окреп и глаза смотрели веселее.

— Сначала мы только «пощипывали» врага: там загорится склад со снаряжением, здесь исчезнет полицай или фашистский солдат, в другом месте мина разворотит рельсы на железнодорожных путях. Но постепенно силы партизанского отряда крепили. Не буду рассказывать о тех операциях, которые мы провели. Вы, конечно, знаете, как действовали партизаны в тылу противника. Одно было ясно: мы так напугали гитлеровцев, что наши силы стали не то что двойтсся, — четвериться у них в глазах. Каратели за карателями налетали на село, прочесывали леса, которые поблизости, хватали всех, кто казался им подозрительным. Однажды схватили и меня... Мехеда вздрогнул. Чутье разведчика подска-

зывало ему, что именно в этом периоде биографии Косачева таится какой-то, неизвестный ему самому секрет, — причина совершенного злодеяния.

Продолжая беседу прежним, спокойным тоном, не выдавая особой заинтересованности, он спросил:

— Простите, Савелий Иванович, а при каких обстоятельствах захватили вас гестаповцы?

— Этого я и до сих пор не могу понять, — сказал Косачев. — Мы были хорошо законспирированы. Людей в подпольной организации было немного, и все народ проверенный, — я за каждого поручиться готов. И все же гестапо напало на след... Возможно, это была чистая случайность...

— Кто же, все-таки, входил в организацию?

Косачев указал на братскую могилу в центре села. Голос его дрогнул:

— Вот они... Все здесь, кроме меня и Софьи.

Мехеда свернул за ограду и подошел к братской могиле. Близоруко щуря глаза, он силился прочитать надпись на скромном постаменте.

«А. О. Сы-тен-ко...» — прочитал он по слогам.

Сзади приблизился Косачев. Он пояснил:

— Первый, Андрей Онуфриевич... Бригадиром полеводческой бригады у нас работал. По наказу партизанского штаба остался в селе, и немцы его старостой назначили. А эти пять фамилий, что пониже — все наши сельские комсомольцы, кто семь, кто девять классов окончил. Дети почти, а вот умерли, как герои! Тут, снизу, мы еще Цивку приписали. Он раньше в

кооперации работал. Тоже, бедняга, лютой смертью погиб — гитлеровцы его повесили еще раньше, чем этих расстреляли... Да, не думали мы, когда к заданию готовились, что все так трагически кончится. Еще хорошо, что Софья дней за пять до этого на связь с партизанским отрядом ушла. Иначе и ей бы здесь лежать...

— Это вы о Софье Петровне?

— О ней, конечно... Породнились мы с ней в партизанском отряде, а теперь нас еще крепче, чем любовь, общее горе связало....

Косачев снова помрачнел и на все дальнейшие вопросы Мехеды отвечал неохотно, короткими фразами. Видимо, его утомил этот разговор, который он считал бесполезным.

— Ну, а в чем состояло ваше последнее задание? — немного помолчав, спросил Мехеда.

— Задание обыкновенное: нужно было поджечь амбары и сарай, где хранился собранный для гитлеровцев хлеб. Запасли горючее, разработали план. Сытенко как староста запланировал в вечер поджога собрать совещание полицейских, тех, кто охраняли зерно. Два члена группы выделялись для наблюдения за помещением старосты. Остальные пять, — я возглавлял эту пятерку, — должны были бесшумно снять оставшуюся охрану и поджечь зернохранилище. Пароль, чтобы можно было поближе подойти, мне заранее сообщил староста. Выполнив задание, все мы должны были уйти на соединение с партизанским отрядом в лес. В селе приказано было остаться только Сытенко. Как староста он не мог оказаться под подозрением, и через него мы рассчитывали поддерживать

дальнейшую связь между селом и партизанским отрядом.

Мехеда внимательно слушал рассказ председателя и с тоскою думал, что опять ничего существенного не узнал. Ни малейшей, самой тоненькой ниточки, за которую можно было бы ухватиться! Однако с упорством человека, решившего во что бы то ни стало докопаться до истины, он продолжал задавать вопросы.

— Значит, поджечь зернохранилище вы так и не успели? Похоже, что гитлеровцы заранее узнали о ваших планах и сумели вам помешать?

— В том-то и дело, что меня арестовали за день до того, как мы должны были поджечь склады. А еще через день в камеру ко мне бросили окровавленного Цивку. О судьбе остальных я узнал позже, когда всю нашу группу повели на расстрел.

— Какое же обвинение лично вам предъявили гестаповцы?

— Обвинение в том, что я возглавлял нашу подпольную организацию. Требовали, чтобы я указал местонахождение партизанского отряда. Ну, и, конечно, связных. Сначала даже не очень били, больше улещивали. Купить, гады, хотели. Ну, а когда увидели, что я на их посулы не пойду... да что там говорить! Сами знаете, как в гестапо допрашивали.— Косачев поднес спичку к потухшему окурку.— Да, досталось нам тогда с Цивкой! Нас, конечно, допрашивали каждого отдельно, но с его слов я знаю, что и от него требовали того же: «Скажи, где партизаны, кто связным работает?» Им, видно, и невдомек было, что и про партизанский отряд, вернее место,

где он базируется, и кто наш связной, знал только я... Вскоре Цивку снова увели на допрос, и в камеру он больше не вернулся. Начальник гестапо угрожал мне потом, что и меня побесит, как Цивку. Но, как видно, не вышел еще срок моей жизни...

Мехеда слушал, не задавая вопросов, не решаясь прервать эту цепочку воспоминаний, в которой, возможно, таилось какое-то решающее важное для следствия звено.

— Срок моей жизни... — с чуть приметной усмешкой повторил Косачев. — Сам я эти слова произнес и сам их отвергаю. Пустые слова! Нет у человека срока, отпущенного ему судьбой. Правда, в первые минуты и меня словно бы подавила апатия, молчаливая покорность судьбе. В человеке иногда проявляется такое: мол, ничего не поделаешь, смирись... А человеку, оказывается, до самого последнего мгновения нельзя надежды терять, и не на кого-то другого, а на себя надеяться нужно.

Он скомкал окурок, наступил на него носком сапога.

— Так вот, вначале и меня словно пришибло. Уж больно все страшным и неотвратимым показалось, когда глубокой ночью неожиданно разбудили меня и вывели во двор. Темень вокруг, тишина, и только один тусклый фонарь качается на столбе от ветра. Эта пустынная площадка двора, обнесенная высоким дощатым забором, смутно освещенная единственным фонарем, почему-то зловещей мне показалась. А тут, в полумраке, эсэсовцы с автоматами заметались: толкают прикладами каких-то людей,

выстраивая их в колонну по двое, что-то выкрикивают на непонятном языке — не то подают команду, не то ругаются. Меня с силой толкнули к тем, которых строили в колонну, и я с размаху налетел на Сытенко. «Значит, и его арестовали!» — ужаснулся я, и тут же успел рассмотреть другие знакомые лица... Тут меня словно молотком по голове ударили!.. «Как же могло случиться, что все наши в тюрьме?» Ну, наконец, построили нас и повели. Я очутился в паре с Колей Панченко, нашим первым гармонистом и весельчаком. Сжал он мою руку, пытается что-то сказать, но голос его срывается, и весь он, чувствую, дрожит. «Держись, Коля!» — шепчу ему и все сильнее сжимаю его пальцы. Вижу, начинает успокаиваться парень, словно это крепкое пожатие силы ему придало. А у меня в голове мысли мечутся. «Неужели, конец? — спрашиваю себя. — Да, конец, — сам себе отвечаю, — надежды на спасение нет!» И такая тоска по жизни меня охватила, что каждый звук, каждый запах неповторимо дороги мне стали, — будто хлынуло мне в душу все, что в жизни нашей есть. «Нет, — думаю, — не отдам я вам своей последней радости — умереть, как птица, на лету!» И уже забрезжила у меня надежда: «А что, если попытаться? Бежать?» Мы как раз вышли из села. Темнота ночи стала еще непрогляднее. Эсэсовцы зажгли ручные фонарики, освещают то дорогу, то нашу колонну смертников, будто щупальцами по нас шарят. Я нарочно сгорбился, иду, еле ноги передвигаю, а сам все прикидываю, где овраг начинается. Весь расчет построил на неожиданности: брошусь

вдруг на цепь солдат, скачусь в овраг, а тогда — либо пуля на лету, либо воля... И вот, видите, пуля не догнала. Еще три долгих года я воевал с оккупантами, два боевых ордена от правительства имею.

Незаметно Мехеда и Косачев прошли к самому краю села. Солнце уже клонилось к закату, с полей потянуло прохладой. К аромату распускающихся тополей, цветущих садов, молодой зелени примешивался горьковатый запах дымка: хозяйки начинали топить печи. Наблюдая за легким дымком, оседавшим в прозрачном весеннем воздухе, Мехеда перевел задумчивый взгляд на крыши домов, и глаза его потеплели:

— Слушал я вашу страшную повесть, Савелий Иванович, а сам новым селом вашим любовался. Вот, хотя бы эти дома — их уже не назовешь хатами! Да, невольно хочется сказать: «Жизнь побеждает!» Ведь что нам враг оставил? Развалины, а подчас и пустое место. И вот — отстроились, и не только отстроились, — вперед шагнули. Взять хотя бы вон ту хату. Нет, нет, правее, тут уже можно говорить об архитектуре. Чем не дача где-нибудь на южном берегу Крыма! Широкая застекленная веранда, большие окна, крыша из ребристого шифера...

— Будущее нашего села. Со временем откажемся от соломенных крыш, — уверенно сказал Косачев.

— Но, я вижу, у вас не одна хата шифером крыта?

— По решению правительства всем семьям погибших подпольщиков такие дома поставили.

Их прежние хаты гитлеровцы сожгли вместе с имуществом.

— А дальше, я вижу, хата старая, а крыша новая.

— Баба Домаха живет, мать Цивки. Только одну ее хату немцы и оставили. Пощадили больную старуху.

— У всех сожгли, а бабу Домаху пощадили?

— Упросила она их, в ногах валялась. Ну, потыкали, потыкали эсэсовцы ей в лицо пистолетом и пошли. Люди рассказывают, долго она с перепугу хворала.

Постояв еще некоторое время на околице села, Косачев и Мехеда тронулись в обратный путь. Савелий Иванович молча курил, Мехеда сосредоточенно о чем-то думал. Машинально похлестывая гибким ивовым прутком, он замедлил у братской могилы шаги.

— Значит, здесь и похоронены все, расстрелянные в ту ночь у оврага?

— Да. После войны перевезли их останки сюда, а сначала в овраге зарыли, тайком от гитлеровцев.

— А как же узнали, что их расстреляли у оврага? Ведь вас, единственного свидетеля, не было тогда в селе?

— После расстрела они для устрашения объявили фамилии казненных. Ну, а где искать их тела, в селе все знали, — не иначе, как у крутого обрыва.

— И тело Цивки здесь нашли? Его, вы говорили, раньше повесили?

— Вот насчет Цивки получилась неясность. Говорят, не нашли его. Но когда мы памятник

ставили, так и решили сообща: люди за одно дело головы сложили, значит, в память потомкам, все они на одной траурной доске должны быть обозначены.

Мехеда хотел задать еще какой-то вопрос, но, взглянув на своего собеседника, промолчал. Вид братской могилы, очевидно, напомнил Косачеву другую свежую могилку. Он снова сгорбился, стал грустен и молчалив.

Не заходя к Савелию Ивановичу на квартиру, Мехеда попрощался, сказав, что ему надо еще кое с кем поговорить, и направился в сторону сельсовета, где оставил свою машину.

Теперь, оставшись один, он мог спокойно разобрататься во всем, что сегодня услышал, подумать о тех еще не ясных ему самому подозрениях, которые у него возникли.

Казалось странным, что всю подпольную группу гитлеровцы арестовали одновременно. И особенно странно, что они арестовали и старосту, который, по-видимому, был у оккупантов вне подозрений. Правда, он созвал совещание полицейских как раз в тот вечер, когда партизаны собирались поджечь зернохранилище. Но ведь такие совещания с полицейскими староста проводил неоднократно и раньше в силу своих служебных обязанностей. Пароль сторожевой охраны он сообщил лично Косачеву. Другие члены группы этого пароля не знали. Значит, проговориться о том, что староста рассекретил пароль, никто не мог. И все же Сытенко был арестован в одну ночь со всеми...

«Очень похоже, — думал Мехеда, — что всю

группу подпольщиков кто-то предал. Но кто? Кто мог это сделать? Ведь всех подпольщиков гитлеровцы расстреляли. В живых остались только Косачев и Софья, да и то лишь случайно. Косачеву удалось спастись бегством, а Софья ушла на связь с партизанским отрядом. Правда, дней за пять до провала группы она была в селе. Ну и что же из этого? Ведь уже тогда она любила Косачева, а предавая группу, она прежде всего предала бы и любимого человека. Да и весь облик Софьи Петровны и ее деятельность в партизанском отряде говорили о том, что она не могла быть предательницей...»

Взгляд Мехеды снова остановился на новой шиферной крыше бабы Домахи.

«Цивка... Остается Цивка. Он исчез из камеры и больше не появлялся. Косачев уверен, что гитлеровцы повесили его. Однако об этой казни стало известно со слов эсэсовца, который допрашивал Косачева. Возможно, конечно, что Цивка пал первой жертвой палачей. Его могли вывести из села и где-нибудь, без свидетелей, расстрелять. Сколько таких безвестных могил разбросано в степях Родины! А что, если допустить другое? Предположим, Цивку намеренно посадили в камеру с Косачевым с провокационной целью. Гестаповцев особенно интересовали сведения о месте расположения партизанского отряда, а дать их мог только человек, возглавлявший подпольную группу. Видя непреклонность Косачева, гестаповцы и решили использовать для этой цели Цивку. Тогда становится понятной и гуманность, проявленная ими к бабе Домахе. Все хаты подпольщиков

они сожгли, грудного ребенка Сытенко на улице выбросили, а тут вдруг старуху пощадил. Угрожать ей револьвером они могли для отвода глаз... Итак, предположим, что Цивка не был расстрелян, а скрылся, боясь разоблачения. Скрылся временно, в ожидании, когда все члены сельской подпольной организации будут расстреляны. Надежды его не оправдались: Косачеву удалось бежать. Таким образом, остался человек, который мог догадаться о его преступной роли. Единственный человек! Умри он, и все будет «шито-крыто», Цивка может безбоязненно разгуливать по белу свету, даже вернуться в родное село. Так, так, так... вот и ниточка, которая может привести к человеку, покушавшемуся на жизнь Косачева и убившему Лиду!»

У Мехеды даже лоб вспотел от волнения. Он, конечно, понимал, что и эта, новая версия, может оказаться ложной, но какое-то внутреннее чувство подсказывало ему, что именно сегодня он близок к раскрытию преступления.

«Зайду к бабе Домахе!» — решил Мехеда, и, минуя сельсовет, направился к ее хате, на ходу обдумывая благовидный предлог в объяснение своего визита.

Он вошел в сени и сквозь открытую в кухоньку дверь увидел подвижную худощавую старуху, возившуюся возле печи. Морщинистое ее лицо покраснелось. Она ловко орудовала чаплицей, то засовывая сковороду в печь, то вынимая. В хате стоял приятный запах печеного теста и растопленного коровьего масла.

Увидев незнакомого человека, старуха отста-

вила сковороду и, вытирая руки о передник, вопросительно взглянула на Мехеду.

— Я, бабушка, из собеса... Прислали меня проверить, аккуратно ли в вашем селе получают пенсионеры переводы,— пояснил Мехеда.

— Да вы садитесь, садитесь. — приветливо пригласила старуха и придвинула табурет, предварительно вытерев его ладонью. — Что ж стоя разговаривать! В ногах, люди говорят, правды нет... Кстати и блинчиков моих отведайте... Видимо, недаром пекла, чуяла, что гость будет!

Поставив на стол тарелку с горкой блинов, баба Домаха и сама присела у стола, напротив гостя. На вопросы Мехеды отвечала она охотно, и вскоре между нею и «представителем собеса» завязалась непринужденная беседа. Хозяйка рассказала, что свою пенсию она получает исправно, поблагодарила государство, которое не забыло ее в ее сиротстве, посетовала на свой преклонный возраст и одиночество.

— Трудно, товарищ хороший, на старости лет в одиночестве век коротать. Ох, трудно! И не голодаю будто, и не холодаю, а все равно словно неприкаянная брожу. Правду люди говорят, что материнским слезам век не высохнуть...

В голосе старой женщины послышались слезливые нотки, но лицо ее, — как заметил Мехеда, — оставалось спокойным, и глаза не отражали глубокой материнской скорби. В жесте, которым старушка поднесла уголок платка к глазам, майору тоже почудилось что-то фальшивое.

— Это ваш погибший сын? — Мехеда указал глазами на большую фотографию, висевшую на стене среди множества других фотокарточек.

— Он, сердечный... Он, голубчик мой! — Сняв раму с гвоздя, баба Домаха вытерла концом занавески стекло, прикрывающее фотографию, и ласково провела над портретом рукой. Мехеда устыдился своих недавних мыслей и в душе упрекнул себя за излишнюю подозрительность.

Однако по дороге домой прежние подозрения овладели им с новой силой. «Нет, к старухе надо обязательно и пристально присмотреться», — решил он.

* * *

Наблюдение, установленное за бабой Домашой, выявило одно странное обстоятельство. Несмотря на свои шестьдесят пять лет, она регулярно, два раза в месяц, ходила в районный центр, за восемь километров от своего села.

— Мало ли чего ходит, — рассуждал лейтенант Коваль, которому было поручено проследить за старухой.

— Надобность есть, вот и идет. В кооперацию, на базар, а может, просто богу помолиться — ведь церковь есть только в райцентре...

Однако в настроении лейтенанта вскоре произошла перемена. И в магазины, и на базар, и помолиться старуха никогда не заходила — разве что перекрестится, проходя мимо церкви. Зато неизменно она посещала почту: дойдет до местного отделения связи, бросит в почтовый ящик письмо и сейчас же трогается в обратный путь, спешит к себе домой.

«Странно, — рассуждал Коваль, — в селе есть почтовый ящик, почта выбирается регулярно

каждое утро и вечер, а она за восемь километров ходит лишь для того, чтобы бросить в ящик письмо. Конечно, встречаются такие недоверчивые старики, что во всем опасаются обмана и подвоха. Может, у старухи какие-нибудь нелады с местным почтальоном, вот и боится она, что письмо ее не дойдет. Но, все же, кому она может так регулярно писать? И почему так дорожит своими письмами? В ее возрасте отмахать восемь километров туда и обратно — не так уж просто. Похоже, что совсем она не безобидная бабушка, а весьма хитрая и, может быть, даже вредная старуха. Что ж, посмотрим, кому она пишет, — решил Коваль. — Тогда и объяснятся странности ее поведения».

Разгадкой этого вопроса и занялся Коваль. Как на зло, баба Домаха то ли прихворнула, то ли ленилась последнее время писать — во всяком случае в течение двух недель из села она никуда не отлучалась. Лейтенант уже начинал нервничать. Не такое это веселое и увлекательное занятие, следить за тем, когда старуха соберется в дорогу, и следовать так, чтобы это никому не бросилось в глаза. Но условия работы уже приучили молодого лейтенанта сдерживать нетерпение. Проклиная и старуху, и того, кому она писала, он терпеливо ждал, и терпение его, наконец, вознаградилось. Однажды утром он увидел, что баба Домаха, одетая в дорогу, показалась с большим замком в руках на пороге, и поспешил в районный центр, к отделению связи.

Удача в этот день сопутствовала лейтенанту во всем. В момент, когда появилась баба Домаха,

он стоял у почтового ящика и старательно выводил адрес на положенном на блокнот конверте. Его белую безрукавку шевелил ветерок, спутанные пряди белокурых волос свисали на глаза. Пытливо взглянув на растрепанного молодого человека, поглощенного письмом, и, по всей вероятности, убедившись в его безобидности, старуха вынула из кармана потертого мужского пиджака конверт и, прежде чем бросить его в ящик, еще раз принялась перечитывать написанный крупным, корявым почерком адрес. Лейтенант Коваль скосил глаза и успел прочитать:

«Донбасс. Город Енакиево,
артель «Коммунар»,
техноруку Панченко Николаю».

Спустя час лейтенант уже докладывал майору Мехеде о добытых им сведениях.

Выслушав доклад Коваля, майор вскочил из-за стола.

— Да ты понимаешь, какие сведения ты раздобыл! Первейшей важности сведения! Ведь Николай Панченко вместе со всеми подпольщиками расстрелян немцами. И труп его односельчане опознали. По левой руке, на которой не было указательного пальца, отрезанного силосорезкой. Я специально опросил недавно всех, кто присутствовал при опознании расстрелянных. А теперь выясняется, что старуха Цивка пишет Николаю Панченко письма да еще отправляет их с такими предосторожностями!..

Привыкший тщательно выверять каждый факт, майор вдруг усомнился: что если Коваль

не точно прочитал имя или фамилию? Ошибка в одной лишь букве может навести на ложный след. Это означало бы новые бесплодные поиски и новые разочарования.

Однако дополнительная проверка показала, что сведения лейтенанта были точны: баба Домаха действительно писала письма Николаю Панченко, прах которого покоился в братской могиле посреди села Подлесное.

* * *

Майор Мехеда сидел в отделе кадров артели «Коммунар» и изучал личные дела работников. Непривычный галстук жал ему шею, штатский костюм стеснял движения — все время казалось, будто пиджак сползает с плеч.

Работники отдела кадров холодно посматривали на этого неожиданно приехавшего из области ревизора, и в их взглядах читалось: «Почему вдруг ревизия? Смотри, да и придерется: мол, личные дела неправильно оформлены или еще что...»

Одной только девушке с пышным перманентом, отбравшей для просмотра личные дела ревизору, присутствие незнакомого, пусть даже немолодого мужчины доставляло видимое удовольствие. Она все время вертелась возле Мехеды, бросала на него выразительно-смущенные взгляды и кокетливо улыбалась.

«Экая надоедливая особа!» — с досадой думал Мехеда, стараясь оградить себя от заигрываний томной девицы подчеркнутой деловитостью. Он уже устал от груды просмотренных

папок. Как всегда, в минуты волнения, его начинала мучить изжога и тупая боль в подреберье. Чтобы скрыть свою заинтересованность единственным делом, ради которого он приехал, — документами Николая Панченко, — ему приходилось делать вид, будто он пристально изучает все личные дела сотрудников «Коммунара».

Наконец, в очередной стопке поданных девушкой личных дел он увидел то, что его интересовало. Под номером 1245 на папке красовалась четко выведенная надпись: «Панченко Николай Федорович».

С нарочитым безразличием взглянув на надпись, Мехеда вытащил портсигар, долго разминал папиросу, прикурил. Спасительная папироса, дающая возможность собраться с мыслями, овладеть своими чувствами! Теперь можно придвинуть папку к себе и открыть обложку. Мехеда неторопливо перевернул страничку и едва не вскрикнул от изумления, хотя именно этого ожидал: с фотографии, приклеенной на первом листке личного дела Николая Панченко, на него смотрело уже знакомое лицо Цивки. То самое лицо, которое он впервые увидел на портрете в хате бабы Домахи, то самое лицо, которое он досконально изучил по маленькой, тайком сделанной с этого портрета фотографии, лежавшей сейчас в кармане его пиджака.

«Цивка! Значит, дело об убийстве маленькой Лиды близится к концу. Все ясно. Провокатор Цивка покушался на жизнь Косачева, но убил его дочь!»

Когда поздно вечером Мехеда вышел из от-

дела кадров на улице, все небо было затянуто клочковатой дымкой облаков. С юга стремительно надвигалась черная грозовая туча. Время от времени ее пронизывали ломаные стрелы молний, издали доносились раскаты грома. Ветер свежел. Мехеда с жадностью вдыхал воздух, влажный, насыщенный запахом дождя, и в приближении грозы ему невольно чудилось дыхание могучей, очищающей силы, которая сметет с лица земли всю нечисть, подобную Цивке, все то, что порождает само понятие предательства и преступления.

* * *

Мехеда уже располагал достоверными данными о том, что по документам расстрелянного гитлеровцами партизана Николая Панченко проживает агент гестапо Цивка, в свое время предавший подпольную группу Косачева.

Дальнейшее расследование установило, что в ночь убийства Лиды Цивка на работе не был. Он попросился в отпуск, и пятидневный отпуск был ему предоставлен.

Получив санкцию районного прокурора на арест Цивки и обыск в его квартире, Мехеда срочно вызвал в Енакиево лейтенанта Ковалья.

— Ну, вот, лейтенант, ниточка из хаты бабы Домахи привела нас в Донбасс. Возможно, поведет и дальше. Думаю, что вы не прочь лично познакомиться с таинственным адресатом старухи, который доставил вам столько хлопот. На операцию отправляемся на рассвете.

Заметно взволнованный, Коваль спросил:

- Разрешите обратиться, товарищ майор?
- Слушаю вас, лейтенант.
- Операция может быть небезопасна, а ваше личное участие...

— Выполняйте приказание, лейтенант! — строго прервал его Мехеда. Но, заметив растерянное, почти виноватое выражение его лица, смягчился. — Видите ли, лейтенант, — сказал он уже мягко, — меня все время мучило чувство вины перед маленькой Лидой. Только арестовав ее убийцу, я смогу вздохнуть спокойно! А вы предлагаете, чтобы в самую решающую минуту я был в стороне?..

Едва забрезжил рассвет, майор Мехеда и лейтенант Коваль уже стояли у дверей квартиры, в которой жил Цивка. Лейтенант постучал, — сначала тихонько, затем — громче. Цивка, очевидно, не спал, так как почти сразу же за дверью послышались шаги и несколько раздраженный голос:

— Кто там?

У Цивки могло быть оружие, и лейтенант решил соблюдать осторожность.

— Да открывайте же, вам вызов на работу... Гоняют в такую рань! — ворчливо отозвался он и старчески закашлялся.

Цивка с минуту помедлил, затем приоткрыл дверь.

Воспользовавшись этим, Коваль рывком распахнул дверную створку и, тесня растерянного Цивку назад, вошел в комнату. За ним вошел Мехеда.

— Гражданин Цивка, прошу не шуметь! Вот ордер на ваше задержание и обыск квартиры, —

сказал Коваль и многозначительно похлопал себя по краману брюк, где лежал револьвер.

Застывший было на месте Цивка, поняв значение этого жеста, бессильно опустился на стул. Он пытался что-то сказать, но губы его запрыгали, зубы начали выбивать мелкую дробь.

Мехеда прошел в глубь комнаты. Единственное ее окно было плотно завешено одеялом. Электрическая лампочка казалась тусклой из-за наполнявшего комнату пара — это кипел на электрической плитке чайник. Возле кровати, на тумбочке, лежала полупустая пачка папирос.

— «Шахтерские» курите? — спросил Мехеда, кивая на пачку.

— Ну, «Шахтерские»! А что, не по штату рабочему человеку? — вызывающе ответил Цивка.

— Так, между прочим спросил. Окурочек изволили неосторожно обронить возле хаты Косачева, — сказал майор насмешливо. Глядя в упор на Мехеду, Цивка приподнялся со стула.

— Сидеть! — крикнул лейтенант.

Арестованный вздрогнул. Вобрав шею в плечи, он опять опустился на стул.

— Только четыре часа утра, а уже чайк подогриваете? — спросил Мехеда и подошел к кипящему чайнику. На стуле, возле чайника, стоял стакан с водой. Только опытный взгляд майора мог заметить, что она имеет слегка рыжеватый оттенок. У стакана лежала тонкая лучинка, обмотанная на конце ватой.

«Ах, вон оно что!» — молниеносно пронеслось в голове Мехеды. Он не сомневался, что его догадка правильна. Круто повернувшись к преступнику, он приказал:

— Руки!

Цивка протянул дрожащие руки, сжатые в кулаки.

— Разожмите, лейтенант!

Коваль с силою сжал кисти Цивки, и пальцы его разжались. Мехеда внимательно их осмотрел.

— Так и есть! Осмотрите, лейтенант... Вот, еле заметный порез на пальце левой руки. Давно известный рецепт тайнописи иностранной разведки: капли крови, разведенные в воде... Кажется мне, Цивка, что мы вас можем обвинить не только в предательстве подпольной партизанской группы, не только в убийстве Лиды Косачевой, а и еще в одном тягчайшем преступлении.

Продолговатое испитое лицо Цивки стало пельно-серым.

— Где же письмо, которое вы готовили для своих хозяев?

Цивка молчал.

— Книга, товарищ майор!—сообщил Коваль, начавший обыск. Он только что вынул из-под матраца толстый том словаря Ушакова.

— В книге, очевидно, и лежит письмо. Ведь после того, как тайнопись нанесена, листок бумаги обрабатывают горячим паром, а затем отглаживают в книге. Правда, неплохо мы изучили вашу кухню, Цивка?

Преступник вскинул на майора исполненный ненависти взгляд.

— Есть, товарищ майор! Вот оно самое, это письмо,— торжествующе воскликнул Коваль и вытащил из книги еще влажный листок бумаги в клеточку.

— Все ясно! Бывший агент гестапо нашел себе новых хозяев, — резюмировал Мехеда, рассматривая находку Коваля. — Вот здесь нанесена тайнопись, а когда бумага просохнет, по этим линейкам он напишет обычное письмо, совсем невинное по содержанию. Вернее, уже не напишет, но собирался написать, какая досада, мы так невежливо помешали.

Обыск в квартире, где жил Цивка, дал еще много материала для полного изобличения преступника.

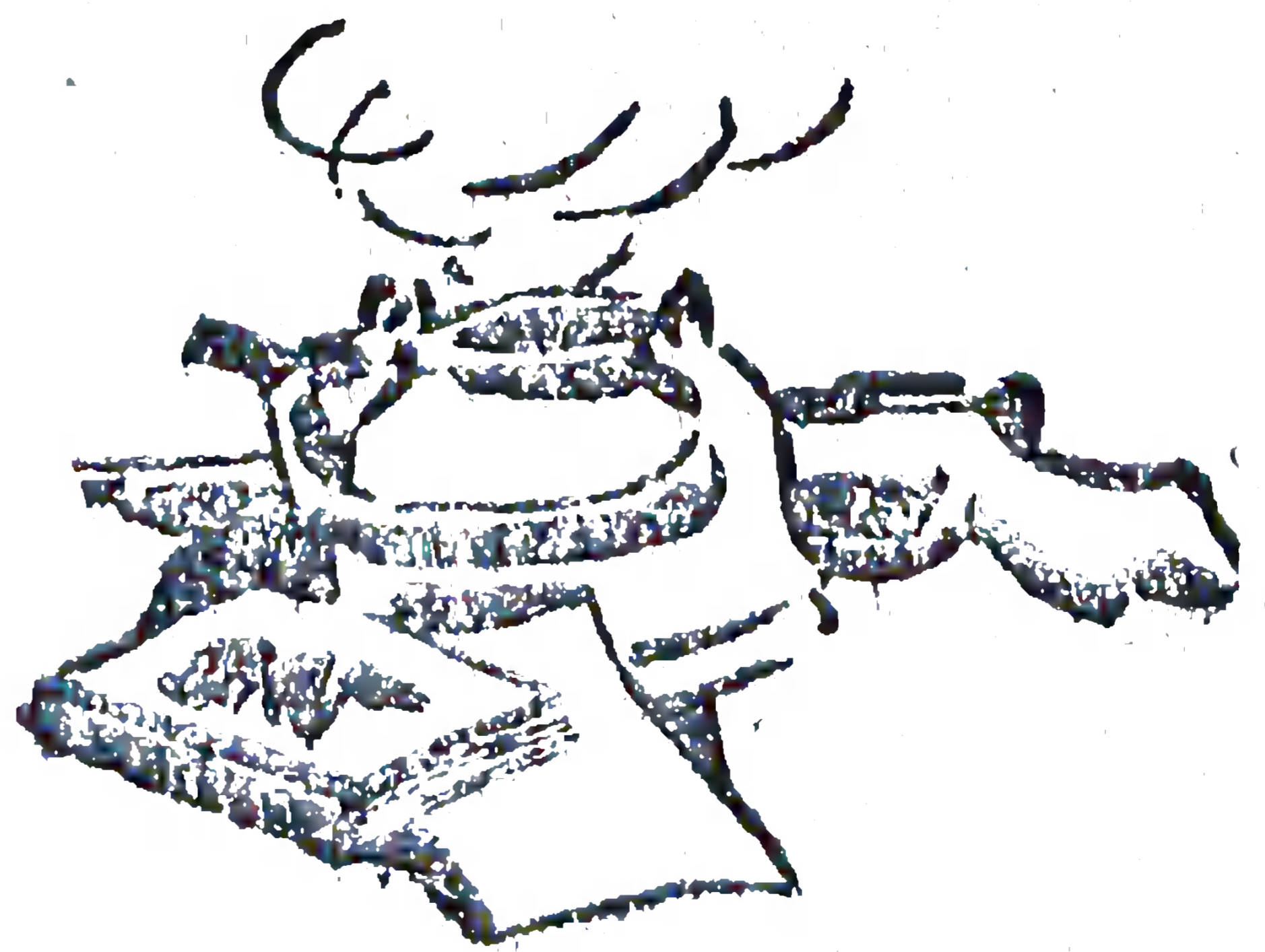
Из проявленного тайнописного письма, а затем из показаний шпиона-убийцы было установлено, что Цивка связан с разведкой одной из капиталистических стран. Он должен был поставлять шпионские сведения о военных и стратегических объектах на Украине. В последнее время патрон шпиона начал выражать недовольство работой своего агента. Он требовал, чтобы Цивка лучше законспирировался и развил более энергичную деятельность. Однако непреодолимый страх за свою шкуру не давал Цивке покоя, мешал работать. Встреча с Косачевым казалась ему неизбежной. Малейшая неосторожность матери — старой Домахи, живущей в одном селе с Косачевым, и Савелий Иванович узнает, что Цивка жив и, конечно, догадается о предательстве... Как проклинал он, предатель, самого себя, что однажды, в припадке сыновнего чувства, подал матери весточку о себе! Он настрого запретил ей отвечать на его письма. Но старая Домаха, догадываясь, что у сына имеются причины скрываться от односельчан, все же не понимала серьезности угрозы, кото-

рая над ним нависла. Впрочем, она была уверена в полной секретности своей переписки. Она продолжала писать.

Обдумывая свое положение, Цивка решил прочно обезопасить себя. Намеченный план представлялся ему несложным: убрать с дороги Косачева, переменить местожительство, сфабриковать новый паспорт, взамен похищенного у расстрелянного Николая Панченко, и навеки исчезнуть даже для старой Домахи.

Изобличенный в шпионаже, Цивка упорно отрицал свою вину в убийстве Лиды и в покушении на Косачева. Однако экспертиза показала, что характерные особенности изношенности га-loши, найденной в грязи на берегу реки, вполне соответствуют изношенности его ботинок, изъятых при обыске. Со дна реки был также извлечен обрез немецкой винтовки, брошенный туда Цивкой после выстрела в окно. Запутавшись в своих показаниях, припертый уликами, предатель был вынужден сознаться и в этих преступлениях.

И как напоминание о них, как немой призыв к бдительности на каждом житейском шагу высится в селе Подлесном скромный постамент над братской могилой партизан и зеленеет маленький холмик на сельском кладбище.





ЗАПУТАННОЕ ДЕЛО

Председатель завкома профсоюза Федор Иванович Банько в этот день, как и всегда, пришел на работу с небольшим опозданием.

В его просторном кабинете все сверкало чистотой и свежестью: нигде ни пылинки, в открытые окна струится утренняя прохлада, лучи еще нежаркого солнца мягкими бликами ложатся на пол, веселыми зайчиками вспыхивают на зеркальной поверхности хорошо отполированной мебели.

Федор Иванович снял пиджак, аккуратно повесил его на вешалке у входа и прошел в комнату отдыха. Стоя у большого зеркала, он поправил галстук, одернул белую отлично выглаженную сорочку, легко провел ладонью по щекам, и полбородку. Убедившись, что все в порядке и приглашать парикмахера нет надоб-

ности, Федор Иванович вернулся к себе в кабинет и сел за письменный стол.

В открытое окно вместе с потоком свежего воздуха врывался шум станков, звонкие удары молота в кузнечном. Скользнув взглядом по знакомым заводским корпусам, Федор Иванович привычным движением руки нажал кнопку электрического звонка. Вошла секретарша.

— Прессу! — бросил он ей привычную фразу. Секретарша подала пачку со свежей почтой и вышла.

Журналы «Большевик» и «Вопросы экономики» Федор Иванович сразу же отложил на угол стола. Здесь уже собралась порядочная стопка подобной литературы, отложенной для прочтения, но так и не прочитанной. Дело в том, что Федор Иванович не любил «сложной политики», его, как он говорил, волновали вопросы «острые», поэтому он внимательно следил только за тем, кого и за что критикуют.

Прочитав заголовок передовой «Правды», Федор Иванович пробежал глазами первые абзацы второй колонки. Обычно здесь идет речь о положении на местах. «Нет, сегодня, кажется, никого не «долбают»! Передовая сугубо установочного порядка, о техническом прогрессе в промышленности. Конечно, надо бы прочесть, но сначала поищем чего-нибудь остренького. Возможно, есть фельетончик...»

Федор Иванович перевернул страницу и бросил быстрый взгляд в ее верхний правый угол. Как раз то, что его интересует: фельетон. И автор подходящий, — умеет остро высмеивать людей, чуждых советскому обществу, прямо-таки

беспощадно сражает их. Вот и сегодня. Под орех, можно сказать, разделал самого руководителя крупного учреждения за черствое отношение к людям.

«Так и надо этому бюрократу!—удовлетворенно подумал Федор Иванович.—Забывают, что люди—наш ценнейший капитал...»

Размышления его прервал шум, донесшийся из приемной. Кто-то что-то доказывал, женский голос ему возражал. Были отчетливо слышны слова секретарши:

— Я вам уже говорила, товарищ Банько занят, он не может вас принять!

— Третий раз прихожу и все нельзя! Когда же он у вас не занят?

Федор Иванович недовольно поморщился. «Ну и люди,—подумал он,—не дадут газеты просмотреть».

Когда шум в приемной утих, Банько вызвал звонком секретаршу.

— Что у вас за безобразия творятся в приемной?—сердито спросил он.

— Снова, Федор Иванович, приходил Новацкий из механического.

— Опять с заявлением?

Секретарша вздохнула.

— Опять! Просил передать немедленно и лично вам...

Банько взял из ее руки ученическую тетрадь, густо исписанную карандашом, перелистал странички и, не читая, положил в толстую, распухшую от бумаг папку, лежавшую на краю стола.

— Хорошо, посмотрим,—сказал он и снова взялся за газеты, теперь уже местные. Однако

даже просмотреть их ему не удалось. Зазвонил телефон. Говорил директор завода Власюк.

— Федор Иванович, я же просил вас разобраться на месте, что там происходит в цехе с Новацким! Вот, жалуется, что предлагал какие-то усовершенствования и никто его даже выслушать не захотел.

— Новацкий рвач, разложившийся человек... Бросил семью, — пояснил Банько.

— То, что он бросил семью, конечно, плохо, но заявление его надо рассмотреть. Возможно, его действительно, как он утверждает, в цехе затирают. Прошу, разберитесь!

Директор повесил трубку.

— Разберитесь, — раздраженно проворчал Банько. — Возись с этим склочником! Есть, кажется, дела поважнее!

Прошел месяц. Неприятный разговор с директором был забыт. Банько занялся более важными, с его точки зрения, вопросами. Заявление Новацкого так и осталось лежать в толстой папке на столе у председателя завкома.

* * *

В пять часов вечера директор завода, Игнатий Павлович Власюк, начал прием рабочих по личным вопросам.

На прием записалось пятнадцать человек, и секретарь директора — Валя немного нервничала: успеет или не успеет она вовремя освободиться?

Назвав очередную фамилию по лежавшему перед нею списку, девушка прикидывала в уме, как долго задержится у директора тот или иной

посетитель, и когда ожидания ее не оправдывались, и разговор в кабинете затягивался, с тоской поглядывала на неумолимо движущуюся вперед стрелку часов.

«Конечно, прием опять затянется, и я снова опоздаю,— с горечью думала Валя.— И как это люди не поймут, что Игнатий Павлович не двуличный? Вот, хвалят Власюка за чуткое отношение к людям, он, мол, из рабочих и понимает нужды рабочего человека, а чтобы самим чуткость проявить... Нет! И видят же, должны понимать, что человек устал. Шутка ли! С пяти часов прием, а сейчас...»

Валя посмотрела на свои маленькие часики, потом перевела взгляд на большие настенные часы и, укоризненно покачав головой, вздохнула. Она знала, что к концу приема под умными, пронизательными глазами директора яснее обозначатся мешки и его энергичное лицо покажется постаревшим.

Наконец список стал приближаться к концу. Вскоре в нем осталась лишь одна фамилия.

— Новацкий, заходите, пожалуйста!— объявила Валя.

Со стула поднялся худощавый человек в рабочей стеганке и прошел в кабинет, плотно закрыв за собою массивную, обитую дерматином дверь.

Сразу повеселев, девушка закрыла футляром машинку и принялась было укладывать в ящик стола папки, но в приемной раздался звонок: вызывал директор.

«Какой неотесанный этот Новацкий, даже фуражки не снял! — мелькнуло у Вали, когда она

переступила порог кабинета.— И почему он стоит? Ведь Игнатий Павлович всегда предлагает посетителям сесть...»

Новацкий стоял у стола, глубоко засунув руки в карманы брюк, в какой-то вызывающе-небрежной позе. И выражение лица его было таким же вызывающим; он в упор смотрел на директора.

«Что это он такой страшный!» — подумала Валя и почувствовала, как сердце ее испуганно сжалось. Однако она тут же мысленно выругала себя за трусость, услышав привычно спокойный голос Власюка:

— Валя, пожалуйста, передайте заявление товарища Новацкого в завком профсоюза. И предупредите Банько: я очень прошу сообщить мне о результатах.

— Завтра же утром передам.

Взяв заявление, девушка вышла и, уже закрывая дверь кабинета, услышала:

— Повторяю, Новацкий, решить этого вопроса без предварительного расследования я не могу. И, пожалуйста, не угрожайте!

На улице темнело. Зажглись электрические фонари. Из расположенного возле заводоуправления садика в открытое окно потянуло прохладой и запахом матеолы.

«Ой, десять часов, Володя уже ждет! — нервничала Валя.— И дернуло же меня назначить свидание как раз в приемный день! Опять не поверит, что на работе задержалась... Хотя бы этот скорее ушел!»

Чтобы не терять времени, Валя вытащила из сумочки зеркальце и пудру и, нетерпеливо по-

смотря на дверь директорского кабинета, начала приводить себя в порядок. Она открылась так неожиданно и так хлопнула, что Валя вздрогнула и едва не выронила из рук пудреницу. Новацкий вышел еще более возбужденный, глаза его лихорадочно блестели.

— Бюрократы... бюрократы проклятые! Все одним миром мазаны! — злобно выкрикнул он и выскочил из приемной в коридор, снова изо всех сил хлопнув дверью.

Почти одновременно из кабинета донесся другой хлопок, похожий на удар книги о пол.

«Вот, сумасшедший! — рассердилась Валя. — Расхлопался! Не иначе как этажерка с книгами у директора завалилась...»

Поднявшись из-за стола, девушка взяла свою сумочку и закрыла ящики на ключ. Сейчас выйдет директор или позовет ее звонком и, как всегда, немного виновато улыбаясь, скажет: «Опять вас задержал, Валюша! Небось, в душе ругали? Ну, ничего, бегите домой». А может и пошутит, как в прошлый раз: «Видел, видел тебя с кавалером. Вроде, стоящий парень!»

Но дверь не открывалась и звонка не было слышно.

Валя прошла по комнате, села. Теперь, когда она осталась в приемной одна, ожидание казалось еще более томительным и обидным. Большая стрелка часов издевательски перепрыгивала с минуты на минуту. Вот она уже оббежала полкруга, поползла по циферблату вверх. Три четверти часа прошло с того момента, как вышел Новацкий. «Может, напомнить о себе? Попросить разрешения уйти? Нет, неудобно

как-то. Да и Володя, не дождавшись ее, наверное, ушел. А что, если все-таки ждет?»

Валя подошла к обитой дерматином двери и, тихонько повернув ключ автоматического замка, приоткрыла дверную створку. В кабинете было тихо, ни малейшего шороха. Директор сидел в кресле, склонив голову на левое плечо.

— Игнатий Павлович! — нерешительно окликнула Валя.

Власюк не отозвался, даже не повернул головы.

«Неужели заснул?» — удивилась Валя и подошла ближе к столу.

— Игнатий Пав... — позвала она снова, но голос ее прервался: из простреленного глаза Власюка медленно сплывала густая кровь.

Охваченная ужасом, Валя попятилась назад, силясь закричать, позвать на помощь. Ей и казалось, что она кричит. Станным было только то, что она не слышала собственного голоса. Наконец судорога, сжавшая ей горло, ослабела. Переведя дыхание, она стремглав бросилась в приемную, затем в коридор заводоуправления.

— По... по... помогите! — хрипло вырвалось у нее. — Ой, да помогите же!..

Уборщица, мывшая полы в коридоре, бросив тряпку, подбежала к девушке и схватила ее мокрыми руками за плечи.

— Опомнись, девонька! Да опомнись же, говорю! Ведь жива, здорова... Али испугалась?

— Там... там... директор... в кабинете. Ой, тетя Галя, зовите же кого-нибудь!

Из диспетчерской заводоуправления, привлеченные криком Вали, уже выбегали люди.

— Черт знает что! Мы не едем, а ползем, — подгонял шофера полковник войск госбезопасности Михаил Гордеевич Литовченко. — Ведь что может получиться? Набьется в кабинет народу, натопчут, все верх дном перевернут. И восстанавливай после этого картину убийства, ищи оставленные преступником следы!

— Так людей же на улице множество, — оправдывался шофер. — Мне тоже, товарищ полковник, не охота на скамью подсудимых сесть.

— А ты с оглядкой нажимай, на то ты и шофер первого класса.

Однако волновался полковник напрасно. Когда он с группой своих оперативных работников прибыл на завод, он убедился, что здесь были приняты необходимые меры. В приемной, у директорского кабинета, сразу же была выставлена охрана и никто из посторонних в кабинет не входил, не считая, конечно, Вали, которая первая обнаружила случившееся несчастье.

Девушка сидела сейчас на подоконнике и, всхлипывая, рассказывала:

— ...когда я уходила, я только услышала: «Вы не угрожайте!»! А потом почти сразу же вышел Новацкий и сильно хлопнул дверью... Я ждала вызова директора, не дождалась, зашла в кабинет и увидела...

Закрыв лицо руками, Валя умолкла, не в силах продолжать.

— Донянчились с этим Новацким! Он и мне угрожал, — слышался чей-то голос из группы рабочих.

— А ты, Банько, не обгоняй событий. Тут и без тебя разберутся,— строго заметил пожилой рабочий.

Как только посторонние разошлись, работники управления госбезопасности, прокуратуры и милиции приступили к осмотру места убийства.

Порядок в кабинете Власюка был образцовый. Строго поблескивал мрамор чернильного прибора, ровно сияли за стеклами шкафа кофешники, четкой линией протянулась между дверью и столом ковровая дорожка, мягкими складками спадали белые портьеры. Лишь у одного открытого окна портьера слегка шевелилась под дуновением легкого прохладного ветерка. Нет, ничто в этой комнате не говорило о предшествующей убийству борьбе. Наоборот, все свидетельствовало о том, что смерть сразила директора мгновенно. В его застывших пальцах, лежавших на развернутой папке, была зажата ручка, тело казалось сложенным над столом. И только совершенно не соответствовали и этой деловой обстановке, и виду занятого работой человека, — бессильно опущенная в сторону его голова, и кровавое зияние раны на месте левого глаза.

После того когда положение убитого было точно зафиксировано, тело Власюка осторожно перенесли на диван. В кабинет вошла молодая девушка — врач судебно-медицинской экспертизы. Тщательно осмотрев труп убитого, она начала диктовать: «Я, судмедэксперт, сего числа в 00 час. 30 минут засвидетельствовала смерть... Труп мужчины имеет пулевую рану...»

Пока следователь записывал заключение вра-

ча, полковник Литовченко вполголоса обсуждал с остальными обстоятельства убийства. И все время, пока шло это обсуждение, ему не давала покоя мысль о том, что вот здесь, в кабинете, всего час или два часа назад, за этим столом сидел человек, разговаривал, думал, к чему-то стремился. А теперь его творческая мысль была так же мертва, как и это безжизненное тело, обнаженное для осмотра во всей своей наготе, под взглядом чужих, незнакомых людей. «Как бессмысленна эта смерть и как страшны те темные силы, которые порождают преступление! Отсюда и огромная значимость, и гуманная сущность нашей работы, — думал Литовченко, — что мы, как врачи, призваны исцелять страшные язвы на теле человечества, только язвы моральные, не телесные...»

К утру оперативная группа опросила всех, кто находился в момент убийства в здании заводоуправления и собрала сведения о последних часах жизни Власюка. Майор Петренко докладывал полковнику о предварительных данных следствия:

— Опрос всех, кто мог пролить свет на это загадочное убийство, естественно, побудил нас обратить самое пристальное внимание на фигуру Новацкого. Новацкий буквально засыпал и дирекцию и завком профсоюза своими заявлениями. Он неоднократно бывал на приеме у директора, требуя внедрения своих предложений по переустройству цеха, где он работал. Вот заявление на имя Власюка, в котором содержится прямая угроза. Позвольте, я процитирую: «...если моя просьба не будет удовлетворена, вынуж-

ден буду принять другие меры...» Думаю, что сказано достаточно красноречиво. Кроме того, секретарь директора, Валентина Сидорчук, подтверждает, что Новацкий на приеме прямо угрожал Власюку. После этого посетителя никто ни в приемную, ни в кабинет директора не входил. Это также явствует из показаний Валентины Сидорчук. Таким образом, убийство Власюка, безусловно, дело рук Новацкого. Я предлагаю арестовать преступника.

Лейтенант Циба, проводивший опрос свидетелей и сейчас присутствовавший на докладе своего непосредственного начальника, положил перед майором какую-то бумагу и сказал что-то негромко.

— Что там у вас, лейтенант? — заинтересовался Литовченко.

Циба замялся:

— Мне думается, товарищ майор упустил одну существенную деталь.

— Доложите вы...

— Валентина Сидорчук говорит, когда Новацкий уходил и ударил дверь, в кабинете раздался хлопок... Ей показалось, что в кабинете с этажерки упала на пол книга. Но мы все осмотрели и никакой книги на полу не обнаружили.

— Странно, — согласился полковник. — Деталь, безусловно, важная, и ею следует заинтересоваться.

Лицо лейтенанта просияло откровенной, еще почти детской улыбкой. В органах госбезопасности он работал всего лишь год, однако уже успел зарекомендовать себя хорошим, дельным

работником. В нем развивалась наблюдательность, строгий подход к оценке материалов и событий. Циба знал и производство, так как незадолго до новой своей должности окончил механический техникум. Ободренный полковником, Циба продолжал уже смелее:

— Хлопок из кабинета слышался уже тогда, как Новацкий вышел. Что же это был за хлопок?

— Могла же форточка хлопнуть от ветра, — раздраженно заметил Петренко. — Или, скажем, створка окна.

— Но ведь открытое окно было взято на крючки, а форточка в раме плотно закрыта, — возразил полковник.

Петренко смутился:

— Да, правильно, я как-то об этом забыл.

— Таким образом, книга не падала, оконная рама и форточка хлопнуть не могли, никаких предметов, которые бы свалились со стола, мы не нашли. А девушка, судя по ее показаниям, явно слышала хлопок, — резюмировал Литовченко. — Как же вы можете это объяснить?

Петренко молча перебирал в руках лист бумаги со своими заметками для доклада. Уже немолодое лицо его и даже лысина покраснели; морщины у глаз слегка вздрагивали.

С чувством досады и жалости опустил полковник глаза. Взгляд его невольно скользнул по колодкам орденов и медалей на груди майора, — свидетельству долгой и безупречной службы в органах госбезопасности. Да, майор зарекомендовал себя как опытный, знающий и, безусловно, честный работник. Он имеет значительные

заслуги перед Родиной. Но не в этом ли всеобщем признании его опытности и заслуг таятся причины того, что в характере майора стали все ярче проявляться и некоторые недостатки? В последнее время он очень часто переоценивал свои способности. Решив, что только он может правильно оценить события и разобраться во всей сложности их сплетений, Петренко перестал прислушиваться к мнению рядовых работников. Это и привело к таким просчетам, как сейчас: не допуская мысли, что молодой лейтенант может как-то повлиять на ход следствия, Петренко не снизошел до того, чтобы вдуматься в полезные мысли и советы своего подчиненного.

Затянувшуюся паузу первым нарушил полковник.

— Подведем итоги, — предложил он. — Для предварительных итогов в нашем распоряжении уже имеются некоторые серьезные материалы. Подозревать Новацкого в убийстве директора завода у нас имеются основания: во-первых, Новацкий был в кабинете директора непосредственно перед убийством, и его вид поразил Валю. Когда она вошла в кабинет, ей стало ясно, что разговор происходил необычный. Во-вторых, многозначительны слова директора, услышанные девушкой, когда она выходила из кабинета: «Пожалуйста, не угрожайте!» В-третьих, в завкомпрофсоюза изъяты заявления Новацкого, в которых он угрожает расправиться с бюрократами. В-четвертых, Новацкий вышел из кабинета Власюка крайне возбужденный, глаза его лихорадочно блестели; уходя, он сильно хлопнул дверью. Все эти обстоятельства свидетельствуют

против Новацкого, и на основании их можно сделать предположительный вывод о том, что директора убил именно Новацкий.

Уже оправившийся от смущения, Петренко утвердительно закивал головой.

— Я именно так думаю... — начал он, но полковник остановил его движением руки, продолжая развивать свою мысль:

— Я подчеркиваю: это лишь предположительный вывод. В изложенной мною сейчас версии есть противоречия и неясности.

Заметив, что майор немного недоуменно поднял брови, Литовченко повторил еще раз:

— Да, противоречия и неясности. В самом деле, экспертиза установила, что причиной смерти Власюка, является пулевая рана в глаз. Значит, выстрел был произведен из огнестрельного оружия. Почему же секретарша директора не слышала выстрела в тот момент, когда Новацкий находился в кабинете? И затем, почему не осталось в кабинете отстрелянной гильзы? Наконец, третье намаловажное обстоятельство: утверждение Валентины Сидорчук о том, что в момент, когда Новацкий ударил дверь, в кабинете раздался какой-то хлопок. Допустим, что смертельно раненый Власюк, агонизируя, сделал какое-то резкое движение и что-то свалил на пол. В таком случае несомненно, положение трупа было бы иное, да и упавшая вещь лежала бы на полу. Но и поза убитого, и данные экспертизы доказывают, что смерть была мгновенной. Возле стола мы тоже ничего не нашли. Откуда же раздался хлопок? Этот явственно услышанный хлопок в то время, когда Новацкого уже не

было в кабинете? Галлюцинация слуха у Валентины Сидорчук, провокация памяти?.. Вы, лейтенант, лично опрашивали эту Валю, и я хотел бы знать, какое создалось у вас мнение о правдивости ее показаний?

— Совершенно определенное: девушка говорит правду. Она услышала хлопок и подумала, что упала книга. Она твердо уверена, что слышала это уже после ухода Новацкого.

— Значит?.. — Литовченко вопросительно взглянул сначала на Цибу, потом на Петренко и сам сделал вывод:

— Значит, возможна и другая версия!

— Вы допускаете, что убийство было совершено другим лицом через открытое окно? — неуверенно спросил майор.

— Я считаю, что расследование должно вестись и в этом плане. И рано еще ставить вопрос об аресте Новацкого. Это не шутка: мы решаем судьбу человека!

* * *

Первые лучи солнца проникли сквозь шторы и залили комнату мягким светом. Полковник Литовченко прикрыл рукой усталые глаза. На протяжении ночи он не спал; веки его воспалились, казалось, что глаза засорены песком. Однако возбуждение ночной напряженной работой еще не прошло. Оно требовало разрядки, и полковник решил заняться мелкими текущими делами. Он знал по опыту, что такое временное переключение мыслей со сложного на простое часто равносильно отдыху. У людей, привыкших к

напряженной работе, оно способно восстановить свежесть восприятия и ясность мысли.

Однако сегодня утром полковник так и не успел вникнуть в лежавшие перед ним материалы: позвонил Петренко и сообщил, что на заводе, где директором был Власюк, проходит общее собрание рабочих.

«Следует послушать, о чем говорят люди», — решил Литовченко.

Минут через десять он уже был в цехе, где проходило собрание. Напряженная тишина, суровые лица, ощущение могучего единства этих людей, открытого и еще более явственного в печали. Рабочие внимательно слушали оратора. Взобравшись на ящик с полуфабрикатами, он говорил о том, как уродливо случившееся, какую большую ответственность несет каждый из членов нового социалистического общества в борьбе со всеми мрачными пережитками прошлого, о помощи, которую должен оказывать каждый советский гражданин органам, призванным охранять спокойствие и благополучие наших занятых великим созданием людей.

Стоя в толпе рабочих, Литовченко слушал выступавшего и думал, как хорошо и искренне он говорит, как важно было созвать такое собрание, вселить уверенность, что никто не посмеет мешать нашим людям спокойно жить и трудиться.

Рядом с Литовченко стоял черномазый, растрепанный паренек. Он тронул локтем своего соседа, пожилого рабочего, и спросил:

— Дядя, а кто говорит?

— Зубенко, секретарь парткома, не видишь? Э, да ты, видать, из новичков... Ну, ну, слушай

и вникай: не уйти гаду от ответственности, всем рабочим коллективом искать его будем. Такого человека порешил!

Секретарь парткома еще заканчивал свою речь, когда на импровизированную трибуну проворно взобрался председатель завкома — Банько.

— Товарищи! — громко воскликнул он, привычным жестом выбросив вперед руку. — Закрывая собрание, разрешите и мне. Здесь выступали многие рабочие, выражая, так сказать, свой гнев. Не буду повторяться, я целиком с ними согласен. Я хочу только предостеречь вас: среди нас, товарищи, есть опасные люди... Новацкий не одному директору угрожал, он неоднократно угрожал и мне...

Литовченко досадливо поморщился: «Не надо бы ему о Новацком! Зачем возбуждать против него умы, когда виновность его еще не доказана...»

Очевидно, эта же мысль промелькнула и у секретаря парткома. Полковник заметил, как Зубенко дернул Банько за пиджак, предостерегая от излишней болтливости. Не понимая в чем дело, Банько замялся и, уже потеряв прежний апломб, скороговоркой выкрикнул:

— Такие люди могут направляться рукой международного империализма!

Стоявший впереди Литовченко молодой рабочий обернулся к растрепанному, чумазому пареньку.

— Слышь, Петька, наш Гришка Новацкий из механического — «рука империализма». Ну, и словесник Банько!

А ты, что же, не согласен? — полушутя, полусерьезно спросил Литовченко.

В глазах паренька зажглись озорные искорки. — Так Новацкий же псих! У него шестеренки не на месте, заржавели, понимаете? Я с ним в одном общежитии живу. Какая там «рука империализма»! Сумасшедший он!

Неожиданно взволнованный этим общим проявлением скорби и гнева, полковник направился из цеха в заводоуправление. Ему хотелось побеседовать с Банько, речь которого была трескучей и неуместной.

«Конечно, — думал он, — тот факт, что Банько указал на Новацкого, неожиданно может сыграть на руку работникам следствия. Если убил не Новацкий, то настоящий убийца, узнав, что розыски идут по ложному пути, ослабит настороженность, успокоится и его легче будет найти. Однако, можем ли мы подчинять нашим профессиональным интересам интересы отдельного человека, даже заподозренного в тягчайшем преступлении? Конечно, нет! А Банько публично опозорил Новацкого, вина которого еще не доказана...»

Пройти к представителю завкома оказалось делом не таким уже легким.

— Вы к Федору Ивановичу? — резко спросила секретарша. — Тогда зайдите в другой раз. Он только что проводил собрание и сейчас не принимает.

Видя, что слова ее не произвели должного впечатления, секретарша быстро вскочила из-за стола, чтобы преградить путь назойливому посетителю. Стеклянно-круглые, как у куклы, глаза

излучали холодную непреклонность, узкие брови изогнулись высокой дугой. Всем своим видом она выражала высокомерие, не снисходящее даже до гнева.

— Я не к вам, милая, — мягко попытался умирить ее служебный пыл Литовченко. — А примет ли меня товарищ Банько, решать не вам.

Узкая рука секретарши с ярко-красным маникюром решительно легла на дверную ручку.

— Я вам уже объяснила: Федор Иванович занят. Вас много тут ходит и если с каждым...

Не слушая окончания этой тирады, полковник Литовченко молча отстранил секретаршу и открыл дверь.

Банько сидел, склонившись над столом, и просматривал какую-то бумагу. Ни спор в приемной, ни стук двери не вывели его из состояния деловой углубленности в работу.

При входе посетителя он даже не поднял головы.

«Вот выдержка, — усмехнулся про себя Литовченко. — Всем бы нашим работникам такие крепкие нервы!»

— Здравствуйте, товарищ Банько, — спокойно, с чуть уловимой усмешкой в тоне голоса, сказал полковник.

Ни один мускул не дрогнул на лице Банько. Занятый чтением, он, казалось, не услышал и приветствия. Только дочитав до конца, он откинулся в кресле и строго взглянул на человека, посмевшего войти в его кабинет без доклада. Однако тяжелый его взгляд, остановившийся на Литовченко, постепенно начал светлеть и, наконец, лицо, расплылось в радушной улыбке:

он узнал полковника, с которым познакомился ночью.

— А, высокий гость!... Милости просим, товарищ полковник!

Банько вышел из-за стола и крепко пожал Литовченко руку, чуть задержав ее в своей мягкой теплой ладони. Лицо его приняло трагически-скорбное выражение.

— Проглядели, каюсь... Такого опасного человека не распознали!

— Я просил бы вас познакомить меня со всеми материалами, касающимися Новацкого.

— Да вот, полюбуйтесь! — Банько положил перед полковником толстую папку, лицо его брезгливо сморщилось.

Литовченко присел у приставного столика и углубился в чтение заявлений Новацкого. И содержание этих заявлений, и манера излагать свои мысли сразу же поразили полковника. Бросались в глаза не только отсутствие технических обоснований для проведения того или иного рационализаторского предложения, но и полное отсутствие логики в основных посылках и выводах. Последние заявления Новацкого носили явно бредовый характер. То он требовал пересмотреть расстановку станков в цехе, обвиняя всех инженеров и дирекцию в технической неграмотности, то выдвигал фантастический план коренного переустройства всего завода, нагромождая нелепицу за нелепицей. Заявления написаны в грубой, часто оскорбительной форме и неизменно заканчивались угрозами бюрократам, зажимающим предложения новатора. В бюрократизме обвинялись все руководящие работники завода.

Полковнику невольно вспомнились слова молодого рабочего о том, что у Новацкого «шестеренки заели». В состоянии возбуждения такой человек, действительно, мог перейти от угроз к делу.

Видя, что Литовченко заканчивает просмотр заявлений, Банько поглядывал выжидающе. Однако полковник сделал вид, будто не понимает значения этих нетерпеливых взглядов.

— Вы говорили о «руке империализма», — негромко заметил он. — Возможно, у вас имеются для этого какие-нибудь основания?

— А разве не ясно, что такие люди, как Новацкий, — находка для империализма? Неустойчивый, разложившийся элемент! Где же им еще черпать свои кадры?

— Ну, знаете, все это область предположений... Обвиняя человека, мы должны опираться на факты.

— Как? Вы до сих пор не убеждены, что именно Новацкий убил директора?

— Возможно и он, однако утверждать этого не могу.

Литовченко невольно усмехнулся:

— И вам не советую!

В кабинет вошел секретарь парткома Зубенко. Случайно получилось так, что в первую ночь следствия Литовченко не успел с ним познакомиться, и сейчас председатель завкома представил их друг другу.

— Очень приятно, товарищ полковник. — Лицо Зубенко озарилось открытой, приветливой улыбкой. — Очень рассчитываю на вашу поддержку. Мне кажется, товарищ Банько на-

прасно поспешил объявить, что Власюка убил Новацкий.

Банько покраснел и прикусил губу. Казалось, он готов был ответить резкостью, но голос его прозвучал почти ласково:

— На эту тему мы как раз и беседовали, когда вы вошли. Я считаю... Я считаю...

Телефонный звонок не дал ему окончить. Банько взял трубку.

— Слушаю, — сказал он начальственным тоном. И вдруг выражение самоуверенности исчезло с его лица. — Что... что?! — закричал он надрывно. — Новацкий застрелился в общежитии?! Да, Зубенко у меня, и мы сейчас выезжаем.

Бросив трубку на рычаг, Банько взглянул на Зубенко с видом нескрываемого превосходства.

— Вот, доделикатничались! Я же говорил, что его надо было сразу арестовать! А теперь преступник, убийца ускользнул из наших рук!

Ошеломленные только что полученным известием, полковник и Зубенко промолчали. Это новое событие придавало делу об убийстве Власюка еще более трагический характер. Оба думали об одном: кто же такой Новацкий—убийца, испугавшийся ответственности за совершенное им преступление, или жертва случайного сцепления обстоятельств?

До общежития все трое доехали в полном молчании. Обиженный сделанными ему замечаниями, Банько восседал в машине с видом человека, несправедливо оскорбленного в своих лучших побуждениях. Зубенко мысленно корил себя за то, что не выступил после председателя

завкома и не сгладил впечатления от его речи. Полковник Литовченко с горечью думал о том, что эту, вторую на протяжении суток, смерть, по всей вероятности, можно было бы предотвратить....

Из общежития навстречу машине выбежала сестра-хозяйка, пожилая худенькая женщина. Она была одна в помещении, когда раздался выстрел, и еще не оправилась от потрясения. Не твердо ступая и поминутно вздрагивая, она привела приехавших в конец коридора и остановилась у крайней двери.

— Здесь! — сказала она шепотом.

Новацкий лежал на спине посреди комнаты, раскинув руки. На его изможденном лице застыло выражение страха и недоумения. Белая рубашка с левой стороны была обильно залита кровью. Рядом валялся маузер. У дверей громоздились стулья и перевернутый стол: прежде чем выстрелить в себя, он забаррикадировал дверь.

Сестра-хозяйка рассказала:

— Сегодня, с самого утра был он вроде бы не в себе. То выскочит в коридор, то снова в комнате спрячется. Потом слышу, командует: «наступать», «отступать», «врагу живым не сдаваться!» Видать, все ему фронт, война мерещилась. Я позвонила в скорую помощь, смекнула, что человек заболел. Только отошла от телефона, как слышу — выстрел! Кинулась я сюда, а дверь-то завалена, пришлось людей кликнуть... Ой, не приведи бог такое увидеть, как мы увидели...

Женщина закрыла рукой глаза, из-под узловатых ее пальцев закапали слезы.

В этот день полковник Литовченко сам нарушил установленный им же порядок: на доклад о ходе следствия он вызвал не старшего группы, майора Петренко, а лейтенанта Цибу.

К этому его побудило упорство майора. Узнав о самоубийстве Новацкого и о том, что у последнего был револьвер, Петренко окончательно уверовал в непогрешимость своей версии и старался вести следствие только в этом направлении. К показаниям Вали о хлопке в кабинете он продолжал относиться скептически, так как они не укладывались в его схему. А между тем именно таинственный хлопок мог оказаться ключом ко всему делу. И лейтенант Циба, по-видимому, это понимал.

— Разрешите войти? — спросил он, несколько смущенный тем, что ему придется докладывать полковнику, а не своему непосредственному начальнику.

— Прошу вас! — Литовченко указал рукой на стул у письменного стола.

Лейтенант сел и развернул перед собой свои заметки и вычерченный карандашом план территории заводоуправления и прилегающих к заводу улиц.

Полковник с интересом взглянул на план.

— Есть какие-нибудь новые материалы?

— Кое-что есть. — Лейтенант ответил с подчеркнутым спокойствием, но его порозовевшие щеки и заблестевшие глаза говорили о том, что это «кое-что» не так уж, по его мнению, незначительно.

— Интересные новости, товарищ полковник, — сдержанно начал Циба. — Окно в кабинете директора, открытое в вечер убийства, выходит вот сюда, на улицу Цветную. Улица не освещена. Свет из окна кабинета пробивается только через узкую щель между портьерами. Когда станешь на выступ фундамента, хорошо видна фигура человека, сидящего за письменным столом. В то же время стоящий за окном остается незаметным: тень от портьеры создает надежное укрытие. С улицы его также трудно приметить: закрывают ветви деревьев.

Рассказывая, Циба водил карандашом по чертежу, придвинув его ближе к полковнику.

— Самое интересное, товарищ полковник, — наличие следов человека именно под этим открытым окном! Обратите внимание: вот здесь, у самого окна, разбита небольшая клумба, засаженная цветами. Так вот, на этой самой клумбе отчетливо видны следы двух ступней и вмятина от упора одной руки с растопыренными пальцами. На выступе фундамента я нашел кусочки чернозема и глины. Они могли отстать от ботинок стоявшего здесь человека. Следы ног на клумбе находятся как раз против выступа фундамента, вернее, против того места, где мог стоять человек.

— А клумба на каком расстоянии от стены? — спросил полковник.

— На расстоянии полутора метров. Высота фундамента два метра. Если предположить, что там стоял человек и выстрелил, то, убегая, он прыгнул бы на клумбу и, чтобы не упасть, уперся бы рукой о землю.

— Какой давности следы на клумбе?

— Допрошенная мной уборщица заводууправления говорит, что она каждое утро поливает цветы и что никаких следов на клумбе утром, в день убийства, она не видела. Палисадник обнесен заборчиком, и туда, кроме уборщицы, поливающей цветы, никто не заходит.

— Что еще обнаружено при осмотре палисадника?

— Вот эту пуговицу.— Циба положил на стол брючную пуговицу с торчащими в отверстиях черными оборванными нитками.

— Где же была найдена пуговица?

— На той же клумбе. По-видимому, она оторвалась в секунду прыжка.

— Возможно, лейтенант. Но если предположить, что не известный нам преступник стрелял через окно, значит, у окна должна быть и отстрелянная гильза?

— Гильзы нет, товарищ полковник.

— Вот в этом и загвоздка! Экспертиза показала, что извлеченная из головы убитого пуля выпущена из пистолета системы «Вальтер». Но где же гильза?

— Гильзы ведь нет и в кабинете, — заметил Циба.— А если предположить, что стрелял Новацкий, то именно в кабинете мы должны были ее обнаружить...

— Преступник не учел трудностей следствия и не оставил нам гильзы,—пошутил полковник и уже серьезно добавил:— А найти ее или разгадать тайну ее исчезновения,— надо!

— Товарищ полковник, — заторопился Циба,— еще одна важная деталь: от этого окна до стула, на котором сидел Власюк, всего пять мет-

ров. Линия прицела через окно идет прямо в левый глаз.

— Но учтите, что Новацкий, находясь в кабинете директора, мог зайти и от окна...

Циба задумался.

— Мог, конечно.

— Значит, еще не доказано, что выстрел произведен через окно. Согласен с вами — за окном мог быть человек. Это подтверждают следы на клумбе и на выступе фундамента, оторванная пуговица, наконец, показания уборщицы, утверждающей, что утром, в день убийства, следов не было. Значит ли это, что человек, вскарабкавшийся на выступ фундамента, действительно выстрелил? Могло быть и так: случайный прохожий из любопытства заглянул в освещенное окно. Или мелкий воришка, которого это открытое окно соблазнило? Он вскарабкался на фундамент в надежде чем-нибудь поживиться, но, увидев через окно сидевшего за столом человека, испугался и спрыгнул... Прямых доказательств, что выстрел произведен через окно, у вас пока нет. Учтите, я не отвергаю вашу версию, я только говорю, что у вас еще недостаточно доказательств.

— Понимаю вас, товарищ полковник!

— Предположим, что услышанный секретаршей хлопок был действительно выстрелом из пистолета. Значит, выстрел был произведен в 10 часов 30 минут вечера. В это время на улице еще много прохожих и кто-нибудь мог его тоже услышать. Нужно найти таких людей. Учтите и то, что преступник, убегая, мог столкнуться с кем-нибудь из прохожих. Вид бегущего, взволнован-

ного человека невольно зафиксирована в памяти, даже если прохожий не придаст этой встрече значения.

— На Цветной улице не так уже много домов. Если проверить, кто из живущих на Цветной в это время находился вблизи заводоуправления... Так я вас понял, товарищ полковник?

— Правильно! Здесь даже незначительные показания могут сыграть решающую роль. Кстати, слепки следов на клумбе вы сделали?

— Так точно, товарищ полковник!

— Тогда продолжайте действовать. Я считаю, что вы добились немаловажных результатов.

Смущенный и обрадованный похвалой, Циба вспыхнул, но лицо его сразу же помрачнело.

— Вы чем-то встревожены, лейтенант?

— Как вам сказать, товарищ полковник...

— А все-таки? — настаивал Литовченко, уловив в голосе лейтенанта неуверенные нотки.

— Я, право, не знаю... я боюсь...

— Того, что майор Петренко не представит вам свободы действий?

Циба опустил голову.

— Майор считает, что я занимаюсь второстепенными деталями, и я боюсь, что он...

— Хорошо, я поговорю с майором.

Отпустив лейтенанта, Литовченко задумался. «Нехорошо, конечно, что приходится действовать через голову Петренко. И у лейтенанта Цибы, действительно, сложное положение... Придется поговорить с майором серьезно. Он не только сам допускает ошибки, но и связывает своих подчиненных. А ведь у этого молодого лейтенанта есть хватка! Из него может выйти

неплохой работник, если такие, как Петренко, не соьют его с правильного пути... И, все же, с майором тоже важно найти правильный тон, чтобы не подлить масла в огонь... Наверное, и так уж обиделся?»

Полковник не ошибся. Майор вошел в кабинет с непроницаемо замкнутым лицом человека обиженного и ущемленного.

— Разрешите доложить, товарищ полковник? — подчеркнуто официально спросил он.

— Присаживайтесь! Но прежде, чем приступить к делу, я хочу вас поздравить.

Петренко недоуменно приподнял брови.

— И не только поздравить, но и поблагодарить. Да, чудесного работника вы из Цибы воспитали! Очень интересные данные собрал. Ведь правда?

— Я еще не ознакомился с его материалами.

— Очень жаль, мы бы вместе с вами порадовались. Толковый парень!

Он взял Петренко под руку и прошелся с ним по кабинету. Словно невзначай остановился у шкафа с зеркальной дверцей. С минуту он вглядывался в свое и майора отображение, потом повернул к Петренко погрустневшее лицо.

— Да, постарели мы с вами, майор! Вон какая у вас лысина, — только здесь, в зеркале я заметил. И морщины под глазами. Я летами помоложе вас, но и у меня голова белая. Сердце начало шалить... Недалек тот час, когда и в отставку придется подавать. Вы, может быть, раньше, я попозже, или наоборот — это ведь значения не имеет. Однако и после нас с вами потопа не будет. Придут другие, помоложе и, возможно, по-

умнее. Даже, наверное, поумнее. Иначе грош была бы нам с вами цена! Вот, взять хотя бы этого Цибу. Парень, несомненно, даровитый, но в его достижениях, я думаю, имеется доля и нашей с вами заслуги. Даже вернее — вашей...

Обескураженный, майор молчал. Он ожидал разноса и приготовился к отпору, однако все складывалось совсем не так, как он предполагал.

Словно не замечая смущения майора, Литовченко продолжал увлеченно:

— Да, трудное это дело — руководить. Быть начальником — это не только уметь приказывать, главное — уметь прислушиваться к мнению подчиненных, аккумулировать в себе все полезное и умное, чтобы потом все ценное претворить в жизнь, заставить служить общему делу. Мы-то с вами это понимаем, а ведь есть люди, которые личное мнение, личное самолюбие ставят выше всего... Впрочем, что это я разболтался? Простите, что занял у вас столько времени. Просто задумался сегодня о нашей будущей смене. Сердце пошаливает, вот и приходят грустные мысли.

Он присел к столу и спросил уже деловито:

— С чем вы пришли сегодня, майор?

Петренко раскрыл блокнот:

— Совершенно неожиданные и очень интересные данные о Новацком: в его личном военном деле записан диагноз болезни после контузии. Вот выписка: «Шизофрения в легкой форме». Я полагаю, для следствия — это первостепенное открытие!

— К сожалению, открытие, сделанное слишком поздно! — заметил Литовченко.

— Это уже не наша вина, — тут повинны за-

водские организации. Обрати они вовремя внимание на больного Новацкого, убийство можно было бы предотвратить.

— Вы все еще считаете Новацкого убийцей?

— Пока все данные следствия говорят не в его пользу. Впрочем, разрешите, я все изложу по порядку... В период Отечественной войны Новацкий командовал подразделением, имеет несколько правительственных наград за выполнение боевых заданий. В боях за Варшаву он был контужен и два года пролежал в госпитале на излечении. Вышел с диагнозом, о котором я вам уже говорил. Из госпиталя Новацкий вернулся домой, к жене и дочери. Поступил на завод в механический цех, строгальщиком. На заводе его встретили заботливо, и Новацкий первое время хорошо себя проявлял. Он стал передовиком производства, директор не раз отмечал его в приказах за внесенные рационализаторские предложения, товарищи с уважением отзывались о бывшем фронтовике.

— Я слышал иные отзывы о Новацком.

— В том-то и дело, что облик его постепенно стал меняться. Теперь понятно почему: прогрессировала болезнь.

— И никому это не бросилось в глаза?

— Все дело в том, что болезнь развивалась постепенно. Сначала он замкнулся в себе, потом, наоборот, стал общительным, но легко возбуждался и раздражался. От полезных рационализаторских предложений перешел к составлению сумбурных планов. Эти планы, естественно, отвергались, он раздражался и возбуждался все более. Дома он тоже стал невыносимым и вскоре

бросил семью. Его поступок квалифицировали как моральное разложение.

— Вы говорили с женой Новацкого?

— Как раз сегодня она должна придти.

— Я бы хотел присутствовать при ее опросе.

А сейчас продолжайте, майор!

— Не понимая, что произошло с передовым рабочим, директор просил заводской комитет профсоюза разобраться в предложениях и жалобах Новацкого. Несколько раз настойчиво напоминал он об этом Банько. Но этот чинуша отгородился от живых людей своей приемной и секретаршей и отнесся к порученному делу спустя рукава. Он решил, что Новацкий зазнался, стал рвачом, скандалистом, морально разложившимся человеком, и старался убедить в этом всю заводскую общественность. Чувствуя себя незаслуженно обиженным, Новацкий угрожал Власюку, Банько, начальнику цеха, — кричал, что расправится с бюрократами.

— А ведь некоторые рабочие догадывались о его болезни. Мне один паренек на собрании сказал: «Так Новацкий же псих! У него шестеренки заели». Жаль, что этого не заметил Банько...

— Вся беда в том, что, оставив семью и оказавшись в общежитии, Новацкий очутился среди зеленой молодежи. Видя его чудачества, молодежь начала над ним подтрунивать. «Что тебе, Гришка, завод перестраивать, — говорили, например, ему, — займись-ка лучше охлаждением солнца, — уже больно сильная жара».

— Все ж печальная история! — вздохнул полковник.

— Я считаю, что на основании сказанного можно сделать и вывод, — заключил Петренко.

— Какой?

— Психическая неполноценность Новацкого привела к преступлению, а затем — к самоубийству. Теперь я в этом не сомневаюсь.

— Нужны точные доказательства, майор, а не личная уверенность. В вашей логически обоснованной версии нет основного: доказательства того, что убил Новацкий.

— Но ведь при нем найдено оружие! Я лично осмотрел маузер, из которого он застрелился: маузер старый, с раздутым стволом, — в обойму же мог случайно попасть патрон от пистолета «Вальтер».

— И это не лишено логического смысла, но по-прежнему нужны доказательства. Что же, продолжайте свои поиски в избранном направлении, но одновременно прошу заинтересоваться и версией Цибы. Он тоже собрал интересные материалы. В его версии, как и у вас, все обосновано и не хватает основного — доказательства. А руководствоваться только предположениями и логическими обоснованиями в нашем с вами деле нельзя.

* * *

Ольга Сидоровна Новацкая пришла в управление КГБ крайне взволнованная. Закусывая губы чуть ли не до крови и непрерывно вытирая глаза, она рассказывала с большими паузами, часто теряя нить своей горестной исповеди.

— С Гришей мы поженились по любви и жили хорошо. Ну, а потом война. Сколько мы с ним

не виделись? Сейчас даже не соображу... в голове все как-то путается. Ну, да это и не важно! Главное, с войны пришел живой. Ведь не всем женам такое счастье выпало... Так первое время все шло хорошо, уж такая радость на сердце была! А потом я стала замечать — не таким Гриша вернулся! И на заводе будто хорошо, и деньги есть, квартиру нам дали. А на него временами будто затмение какое находит. Словно чего-то боится, жалуется на жизнь, на людей непонятливых... Натерпелась я, намаялась... Бывало, ночью вскочит с постели — и давай пистолет проверять... Откуда, спрашиваете, пистолет? А он его у одного штабного немецкого офицера отнял, как в плен того захватил... Раньше пистолет в ящике лежал, а тут, смотрю, Гриша его все в карман прячет, даже ночью под подушку кладет. Я ласкою все стараюсь, ласкою... развеять бедного, думаю. Дочурка, на меня глядя, тоже: «Папочка! Папочка!» Ну, он, бывало, отойдет вроде, пройдет у него это затмение... Только чем дальше, тем чаще и чаще на него такое стало находить. Уже ни ласка, ни слезы не помогают... О чем это я говорила? Ах, да, бить меня начал. Еще бы меня одну, я бы стерпела, снесла, ведь жалела его, любила. А он и на ребенка взъелся. То милует, целует, а то как хватит чем попало: книжка в руках, так книжкой, палка, так палкой. Ну, тогда и начались у нас скандалы... Вот, опять забыла... Когда это он от нас ушел? Как узнала, что он на себя руки наложил, память у меня будто оборвалась. Уж вы простите, может, что и забыла... Да, что толку-то в моем рассказе? Не поднимешь больше, не воскресишь!

Новацкая тихо, безутешно заплакала. Когда она ушла, Петренко, записавший ее показания, сказал убежденно:

— Еще одно явное доказательство психической невменяемости Новацкого. А чего стоит эта деталь: револьвер, который он с собою последнее время носил! В состоянии возбуждения выхватить из кармана револьвер — дело двух-трех секунд. Тут уж никакие сдерживающие центры не сыграют. Я лично считаю, что дело об убийстве Власюка мы можем прекратить. Для этого у нас есть все формальные основания.

— Формальные основания, конечно, есть, — сдержанно согласился полковник. — Убийца — Новацкий. Ну, так как он покончил с собой, спрашивать больше не с кого. Проще простого положить дело в архив. А вот будет ли у нас с вами после этого совесть чиста, майор? Я лично в этом не уверен...

Петренко хотел было возразить, но прозвучал телефонный звонок. Начальник районного отдела милиции сообщил:

— Гражданка одна у меня тут находится... Сообщает интересные сведения. Возможно, они имеют отношение к убийству Власюка. Поскольку вы занимаетесь этим делом, может, побеседуете?

— Обязательно! — откликнулся Литовченко. — Она еще у вас? Хорошо. Сейчас же высылаю к вам машину...

Откомандировав майора Петренко в милицию, полковник взволнованно зашагал по кабинету. Быть может сейчас появится недостающее звено в цепи непреклонных доказательств? Как много

дают в работе такие сигналы от населения, как важно ощущать постоянную связь с народом! Сколько сложных преступлений раскрыто только благодаря помощи простых людей! Они помогают работникам, ведущим расследование, лучше освоиться с местными условиями, подчас сообщают незначительные, на первый взгляд, факты, но эти факты совершенно по-новому освещают дело... Возможно, что женщина, явившаяся в милицию, и не сообщит ничего ценного, однако в одном ее желании помочь — уже кроется та, идущая от сердца к сердцу, сила, которая помогает нашим чекистам без промаха разить врага.

Минут через двадцать Петренко вернулся в сопровождении пожилой, немного растерянной женщины.

— Вот уже и не знаю... столько вам хлопот из-за меня! А вдруг все мои мысли и подозрения — только фантазия? — сказала она, несколько оправившись от смущения.

Полковник улыбнулся.

— Что ж, лучший способ рассеять подозрения — это убедиться в их неосновательности.

— Правда, правда ваша, сыночки! Вместе разобраться легче. Ну, коли так, то не обессудьте, что время, может, даром заберу. Уж выслушайте мои сомнения. Мы втроем живем: я, внучек и муж мой, офицер в отставке. Муж тяжело болеет, все больше лежит. Я тоже часто прихварываю. Ну, а внучек и за меня, и за мужа бегаёт. Покаюсь перед вами: один он у нас, вот и избаловали. Надо было больше дома держать, а он все во дворе с мальчишками хороводится.

Правда, ничего плохого мы за ним не замечали. Только вот, недели две тому назад, соседка мне говорит: «Что это вы своему Алику пистолет даете, разве это игрушка для десятилетнего ребенка?» Я так и обмерла. «Какой такой пистолет?» — «Да, дедушкин, — он все мальчишкам его показывает». А муж мой, действительно, имеет оружие. Подарок командующего армией. Вот он.

Старушка вытащила из сумочки пистолет системы «Вальтер» и протянула полковнику.

«Боевому офицеру в знак памяти о пребывании в Германии. 1944 год» — прочитал он надпись на рукоятке, и сердце его учащенно забилось.

— Я, конечно, всполошилась и бросилась к Алику. «Брал пистолет деда?» — спрашиваю. «Я только Вовке показать», — отвечает. Ну, думаю, показал товарищу, это еще не так страшно, на то и мальчишка. Но с тех пор все чаще стала в письменный стол заглядывать, где «Вальтер» этот лежал. Как на грех на прошлой неделе приехала ко мне в гости племянница, и я закутилась по хозяйству, с разговорами разными. Про пистолет-то и забыла. А потом словно что-то меня толкнуло: пойдя, мол, посмотри. Открыла ящик я и обмерла: исчез пистолет! Я мужу боюсь признаться, тайком Алика допытываю. А он уперся. «Никакого я пистолета не брал, сами, наверное, куда-нибудь сунули». Мне бы тревогу забить, а я промолчала. И все по ящикам шарю. Думаю, может, правда, муж перепрятал пистолет? А спросить его боюсь. Пять дней так промучилась. На шестой открываю ящик и глазам своим не верю: лежит этот «Вальтер» на ме-

сте, будто его никто и не трогал! Ну, тут уж я не вытерпела. Рассказала мужу про все свои переживания и с укором к нему: зачем, мол, не сказал мне, что пистолет куда-то переложил? А лицо его как побледнеет!.. Оказывается, он к пистолету и не притрагивался! Взялись мы за внучонка вдвоем: скажи и скажи, кому давал оружие? Ведь в это время мы про убийство директора завода уже прослышали.

— И что же сказал Алик?

— В том-то и горе наше, что ничего. Уперся. Твердит одно: «Не брал!»

— У вас есть подозрения, кому он мог дать оружие?

— В соседнем с нами доме бандит живет. Недавно из тюрьмы вернулся. Поступил было на завод, но то ли его уволили, то ли сам ушел.

— А как фамилия вашего соседа?

— Гиренко. А еще есть у него кличка хулиганская: «Гришка-прук».

— Пистолет отсутствовал в столе пять дней? Когда же он снова появился?

— Да вот, два дня назад. Муж говорит, что одного патрона не хватает. Посоветовались мы с ним и решили: надо заявить в милицию. Я сначала поплакала, ведь отвечать и нам придется за плохое хранение оружия. Но муж у меня принципиальный. «Поделом нам, говорит. Может, это из-за нашей небрежности человек хороший погиб».

Майор Петренко проверил пистолет. В обойме, действительно, не хватало одного патрона. В стволе видна была сажа — след недавнего выстрела.

Оставив «Вальтер» как вещественное доказательство старушка ушла.
Майор Петренко растерянно потирал свою лысину.

— Вот это новость, так новость! Что ж получается: пистолет возвращен на место в стол два дня назад, а Власюк убит три дня назад? Значит, в момент убийства оружие находилось в чужих руках. Важное обстоятельство!

— А как насчет того, чтобы закрыть дело? — лукаво улыбнулся Литовченко.

Майор опустил глаза.

— Нет, уж теперь не закроем!.. И благодарю за хороший урок.

— Какой урок? Старуха ведь пришла не по моей инициативе.

— За разговор у зеркала. Вы думаете, я не понял его скрытого смысла? Но, честно признаюсь, вполне оценил его только сейчас.

* * *

Линия Цибы, как теперь в шутку друзья называли его версию, приобрела решающее значение.

На другое утро, уже по инициативе Петренко, лейтенант первый докладывал о новых материалах, полученных за сутки.

— Выявил интересного человека. Фамилия его Фесенко. Работает на заводе в механическом цехе, а живет в заводском доме. Знает почти всех рабочих в лицо. Старых — потому, что вместе работали, новых потому, что новые лица всегда привлекают внимание. В вечер убийства он с

женой шел из кино, недалеко от завода, и услышал глухой звук. Ему показалось, будто о крышу ударил камень. Вскоре мимо него быстро пробежал человек. Фесенко узнал уволенного с завода Гиренко. Он был в своей рябой кепочке с маленьким козырьком. Фесенко не придавал значения этой встрече. Но когда услышал об убийстве Власюка, невольно о ней вспомнил и принялся анализировать. В памяти всплыли такие подробности: Гиренко бежал в сторону от заводууправления. Увидев Фесенка, надвинул кепку, чтобы прикрыть лицо.

— Вы проверили, за что был уволен Гиренко с завода?

— Сразу же, как только узнал эти новые подробности. За год работы на заводе он получил четыре взыскания. Вот приказы директора. Первый выговор — за сон на работе. Затем предупреждение за перегрев электрической печи накаливания, из-за чего она вышла из строя. Вот третье взыскание: выговор за включение рубильника в тот момент, когда ремонтировалась электролиния. Из-за этой оплошности одного из рабочих ударило током, он и до сих пор в больнице лежит. Наконец, за неделю до убийства, приказом директора Гиренко уволен с завода как расхититель государственного имущества. Было доказано, что он украл с заводского склада десять кубометров леса.

— А его прошлое?

— Темная личность. Пятнадцать лет отсидел в тюрьме за убийство. Так что бывалый хлюст.

— Есть еще что-нибудь?

— Пожалуй, для нас самое главное — следы,

обнаруженные на клумбе у окна. По размеру они подходят к ботинкам Гиренко. Он носит сорок второй номер.

— Да, сегодня вас можно поздравить с крупным успехом, лейтенант!

В кабинет незаметно вошел майор Петренко. Он протянул лейтенанту руку.

Его рукопожатие было крепким и искренним, хотя было ясно, что ему нелегко далось это признание своей неправоты.

— А теперь разрешите доложить, товарищ полковник! Целый день потратил, допрашивал этого паршивого мальчишку, внука старухи. Ничего не говорит! Наконец, признался: «Вальтер» он давал Гиренко. Тот ему обещал за это подарить воздушный пистолет. Ну, естественно, взял клятву никому не говорить. Для большей гарантии припугнул.

— Теперь уже можно подводить итоги, майор! Давайте-ка их суммируем.

— Итоги таковы: пистолет офицера в отставке находился у Гиренко в момент убийства Власюка. После выстрела в окно, который Валя восприняла как хлопок, а Фесенко как удар камня о крышу, Гиренко видели убегающим от заводоуправления. Следы, оставшиеся на клумбе, подходят к обуви Гиренко. Наконец, так сказать, психологический аргумент: увольнение с работы за воровство могло стать побудителем к преступлению.

— А вы что скажете, лейтенант?

— Я полагаю, что медлить нельзя. Необходимо задержать Гиренко и произвести у него обыск.

— Правильно, медлить больше нельзя. У нас достаточно материалов, чтобы изобличить убийцу!

* * *

Допрос Гиренко длился уже третий час. Он охотно рассказывал о своем преступном прошлом, но причастность к убийству директора — категорически отрицал.

— Не пойман, не вор, — нагло твердил он, скаля в насмешливой улыбке гнилые зубы.

— Однако вы, Гиренко, допустили неосторожность: забыли упрятать гильзу.

Преступник насторожился. По самоуверенному его лицу прошла тень испуга.

— Вот она, найдена в вашем доме.

— Это еще ничего не доказывает!

— Вы, опытный бандит, должны верить в значение экспертизы. А она показала, что пуля, извлеченная из головы убитого, от этой же гильзы, найденной у вас при обыске.

— Здесь возможна ошибка.

— Допустим. Но экспертиза также показала, что следы на клумбе у заводоуправления оставлены вашими ногами. Вот этими ботинками, изъятыми у вас при обыске. А найденная пуговица оторвалась от ваших брюк.

— Здесь тоже возможна ошибка, — с хитрецей во взгляде ответил Гиренко.

— Допустим и это. Однако вас видели убегающим от заводоуправления.

— Мало ли чего человек мог бежать? К зубному врачу, например, если зубы разболелись.

— Не паясничайте! И это еще не все. Нам, например, известно, что вы стреляли из пистолета, принадлежащего отставному офицеру. Вам очные ставки нужны?

Гиренко вскочил со стула и прикусил губу так, что из нее засочилась кровь. Мутные глаза его забегали, и грудь тяжело поднималась.

— Повторяю, вам очные ставки нужны?

— Не надо! — Гиренко медленно опустился на стул и вдруг снова вскочил и выкрикнул с яростью.

— Ну, ваша взяла, радуйтесь! Чего же вы молчите?!

— Тогда ответьте на один вопрос: почему отстрелянная гильза не осталась на месте преступления, а оказалась у вас дома?

— Я тряпкой обернул пистолет, чтобы не нашли гильзы.

— Опыт, значит, имеете?

— Бывало, — уже нахально ответил преступник.

* * *

Прошло много времени. Бандит Гиренко по приговору суда был расстрелян, и трудная работа по расследованию сложного дела об убийстве директора завода начала забываться. Люди, изобличившие преступника, решали уже другие важные вопросы общественной и государственной безопасности.

Но однажды вечером все волнения, связанные с этой двойной трагедией — Власюка и Новацкого — с новой силой всплыли в памяти полковника Литовченко. Прогуливаясь как-то после ра-

боты по улицам города, он случайно встретился с человеком, тоже причастным к описанным выше событиям. Это был Банько.

Бывший председатель завкома утратил свою прежнюю гордую осанку и имел жалкий, потрепанный вид. Даже голос его изменился: исчезли басовитые начальственные нотки.

— Здравствуйте, товарищ полковник! — не смело поздоровался он.

Не проявляя особой приветливости, Литовченко остановился. С самого начала вынужденного знакомства Банько был ему глубоко не симпатичен, но теперь его пришибленный вид пробудил у полковника чувство, похожее на жалость.

— Здравствуйте, товарищ Банько. Как живете, где работаете?

Банько отвел в сторону глаза:

— Пока на иждивении жены. Болею...

— Кажется, вы по профессии токарь?

Бывший председатель глубоко вздохнул:

— Придется, по всей видимости, возвращаться к станку.

Вдруг он загорячился:

— Пятнадцать лет проработал на руководящей работе и вот — благодарность! Какого-то шизофреника, видите ли, не разгадал!

— Не шизофреника, Банько, а человека... человека погубили! Неужели вы до сих пор не поняли, насколько вы очерствели и оторвались от народа!

— Вам легко говорить, полковник! Ведь вы — «карающий меч», а мы люди простые, — уныло съязвил Банько.

— Простые? Именно об этом вы и забыли!
О долге быть отзывчивым и простым.
Распрощавшись с Банько, полковник не сразу
забыл о нем. Жалость, вызванная его потрепан-
ным видом, исчезла. Но долго еще у Литовченко
не исчезало неприятное чувство, будто он при-
коснулся к слизняку.





ТАЙНА СПИЧЕЧНОЙ КОРОБКИ

Лучи солнца, косо падающие в окно, скользили по книжному стелажу, по мягким креслам и зеркальным блеском зажгли натертый мастикой пол. Постепенно они добрались в угол комнаты, где стояла кровать, и осветили лицо спящего. Он раздраженно поморщился и открыл глаза.

Полная пожилая женщина в розовом халате, неслышно ступавшая по ковру, метнулась навстречу их мутному взгляду, но человек, лежавший на кровати, уже повернулся к ней спиной и натянул на голову простыню.

— Алик! — нерешительно позвала женщина и замерла у тумбочки.

Из-под простыни донеслось тихое, ровное дыхание. Сын опять уснул.

Порывисто вздохнув, хозяйка вернулась к прерванной уборке. Осторожно, чтобы не потревожить спящего, сложила ровной стопочкой книги,

грудой наваленные на письменном столе, смахнула с зеленого сукна кучки пепла, вытерла влажной тряпкой чернильный прибор и абажур настольной лампы... Неубранным оставался только угол комнаты, где стояла кровать. Поколебавшись, женщина осторожно подошла к ней и, тяжело наклонившись, подняла с пола несколько папиросных окурков и обгорелых спичек, сунула в туфли на толстой микропористой подошве небрежно брошенные на коврик носки, поправила измятый пиджак, висевший на спинке стула, сняла с кресла брюки и, сложив их по складке, повесила на спинку кровати.

Убедившись, что все здесь в относительном порядке, хозяйка вышла в столовую, тихонько прикрыв за собою дверь, и прислушалась к звукам, доносившимся из ванной.

В этих звуках сегодня что-то не совсем обычное. В равномерное журчание текущей из крана воды вплеталось сердитое посапывание, прерываемое раздраженными возгласами. В ванной что-то со звоном упало, и в столовую вбежал коренастый мужчина, зажав подбородок пальцами, из-под которых сочилась кровь.

— Опять этот бездельник не вытер после себя бритвы! Безобразие, — абсолютно не брест! Вот, полюбуйся! — кричал Федор Захарьевич, рассматривая в зеркало порез.

Хозяйка подала ему флакон с одеколоном.

— Залей ранку. Алику я скажу. Но и Даша хороша! Кажется, не так-то уж много у нее дела...

— Ты, Марья Ивановна, на Дашу не сваливай! Не в няньки она к нам нанималась! — сер-

дито отрезал Федор Захарьевич. Он налил на ладонь одеколон, поднес руку к подбородку и фыркнул.— Уф, как запекло! Дай пудру, поскорей... Ну, что, очень заметно?

— Чутьочку, если присмотреться. Поднимать из-за такого пустяка скандал...

— И как ты не поймешь, что парень хотя бы себя должен обслуживать! Два года бьет баклуши, шляется по целым дням. У меня все это в печени сидит! — Он с шумом отодвинул стул и присел к столу.

Обиженно поджав губы, Марья Ивановна придвинула мужу салат, принесла из кухни дымящуюся миску с молодым, залитым сметаной картофелем.

— А, молоденькая картошечка! — обрадовался Федор Захарьевич, и его дурное настроение тотчас улетучилось. Присыпая картофель зеленью петрушки и укропа, он говорил примирительно:

— Ты, Маша, напрасно обиделась. Ведь сын мне Алик и мне ли за него не тревожиться? Два года, как окончил школу, но и работать — не работает, и учиться — не учится.

— Ты прекрасно знаешь, что он готовится в институт...

— Да сколько же можно готовиться! Уже второй год эта канитель! Если бы занимался, не провалился бы в прошлом году на экзаменах.

— Может быть в этом году...

— Вот именно, что только «может быть»! Эх, не хлебнул он еще горя, мотыльком по жизни порхает. Ему б такую молодость, как у нас с то-

бой, узнал бы почему фунт лиха... Помнишь, как в конторе на шахте полы ты скребла?

— Зато уж ты важной персоной был, — усмехнулась хозяйка. — Кучером у самого шахтовладельца! Синяя поделка, картуз набекрень заломленный... Всем девчатам, что на откатке, первый кавалер!..

Федор Захарьевич встряхнулся, высоко поднял голову.

— А я ноль внимания, правильно? До дивчины кароокой бегал. Помнишь, Маша?

На увядшем, немного одутловатом лице Марьи Ивановны появилась мечтательная улыбка.

— Разве молодость забывается? Нароботался, бывало, спины разогнуть не можешь, а все бежишь к садику заветному, где мы ночи с тобою сиживали... Словно один день промелькнула та весна...

— А в десятом, помнишь забастовку в Юзовке? Я тогда уже коногоном работал.

— Олечка наша в ту пору умерла, молока у меня не стало, — с упреком сказала Марья Ивановна.

Федор Захарьевич вздохнул, глянул на часы и заторопился:

— Ну, я пошел. Ты все же поговори с Аликом...

Оставшись одна. Марья Ивановна придвинула к себе поднос, поставила на него стакан мужа и свою чашку, потянулась было за тарелками и забылась, бессильно опустив руки на край стола: воспоминания одно за другим вставали перед ее глазами. Мало, очень мало радостных дней выпало на ее долю! Короткое девичество, а

за ним замужество с его тревогами, горестями, вечной нуждой. После революции, когда окончилась гражданская война, стало полегче, да Федора вскоре на учебу послали, и опять пришлось рассчитывать каждую копейку. Когда уже все наладилось и в дом пришел достаток, вспыхнула война. Тяжелая эвакуация с Аликом, вечный страх, что вот придет похоронная на мужа... На этот раз судьба оказалась к ней гораздо милостивей, чем к другим женщинам. Пожить бы, отдохнуть, да с сыном неполадки... Федор на нее вину за это сваливает, — балуешь, мол. А как не побаловать, ведь за то же и боролись, чтобы детям нашим легче жилось!.. Успеет еще наработать. Мальчику, конечно, нелегко: товарищи уже на втором курсе, некоторые работают, собственные деньги имеют, а ему за каждой мелочью к матери приходится обращаться. Оттого и нервный стал, даже дерзить начал, — самостоятельность хочет показать! Федору поговорить бы с ним задушевно, да где там, все время занят. И всегда-то так было, не только теперь: прикрикнет, на шумит, и умыл руки.

Вернувшаяся с рынка домработница отвлекла Марию Ивановну от грустных мыслей. Десятки мелочей требовали хозяйского глаза; новый день, как всегда, влек за собой и новые заботы.

Алик тем временем уже проснулся и теперь, сладко потягиваясь, сидел на кровати. На бледном, осунувшемся лице его застыла гримаса: паршивое все-таки самочувствие! Здорово, видно, вчера перехватили! Мучительно напрягая память, он старался припомнить события вчерашнего вечера. Все они казались подернутыми зыб-

ким туманом. Ресторан, музыка... какие-то девушки. Как зовут ту черненькую, что льнула к нему? Тина, Лина, Инна? А ну ее к черту, и так голова раскалывается. Витька, конечно, напрасно подмешал ей в вино коньяк. Вдруг расплакалась и начала говорить, что жизнь у нее пропащая. И на него, Алика, набросилась, вздумала мораль ему читать. Виктор здорово ее оборвал... Вообще, Витька чудесный парень. Такой никогда не подкачает и не бросит друга в беде. Сразу видно—человек он не мелочный. Сколько вчера он заплатил? Кажется, триста? Если разделить на двоих, выйдет по сто пятьдесят... Многовато... Он и раньше одалживал Алику то по четвертаку, то по полсотни...

Хмуря лоб, Алик пытался подсчитать, сколько же он задолжал Виктору. «Двадцать пять... потом еще двадцать пять... На прошлой неделе пятьдесят... Итого сто. А со вчерашним — двести пятьдесят... Мать, конечно, встанет на дыбы. Черт возьми, где же достать? Продать часы? Нет, без часов невозможно, как-то несолидно... Придется все же попросить... А как же тогда с поездкой? Деньги нужны на билет и на карманные расходы. Нет, о долге маме и заикаться не следует. В крайнем случае отнести в комиссионку фотоаппарат. Жаль, но иного выхода нет. Дома можно будет сказать, что на пляже украли...»

Эти подсчеты и размышления прервала мать, появившаяся на пороге с чашкой в руках.

— Выпей чашечку кофе... Ты, я вижу, совсем раскис,— сказала Марья Ивановна, и в тоне ее голоса слышался упрек.

Алик предпочел его не заметить.

— Мамочка, ты у меня просто ангел!—воскликнул он с наигранной живостью.— Именно о чашке черного кофе я сейчас мечтал. Из-за этой проклятой жары — мозги словно расплавленные, ничего в голову не лезет.

— Ну, жара-то тут не причем,— многозначительно подчеркнула Марья Ивановна, твердо решившая держать себя сегодня построже.

— Опять нотация? Пойми, что я достаточно взрослый, чтобы самому распределять свое время. Нельзя же круглые сутки за учебниками сидеть! Да и не зубрилка я какой-нибудь, которому нужно от буквы до буквы заучивать. Мне важно схватить суть, а выводы я сумею построить.

— На экзаменах ты все же провалился,— напомнила Марья Ивановна.

— Опять об этом! Сколько раз тебе повторять: конкурс... сумасшедший конкурс! И каждый член экзаменационной комиссии старается протащить своих! Прекрасно знаешь, какой наплыв во все вузы и как режут на экзаменах!

Марья Ивановна смягчилась и перевела разговор на другое:

— Кстати, все хочу тебя спросить: что это за чемодан ты третьего дня притащил?

— Чемодан? Так я же тебе объяснил: мой приятель, Виктор, сам ленинградец, едет к сестре в Одессу и здесь остановился проездом. У дяди, где он живет, комнатка маленькая, да и соседи на руку нечисты. У Витьки уже пропал портсигар, который он забыл на столе. Он и попросил меня об этой маленькой товарищеской услуге. Между прочим, мама, Виктор настойчиво при-

глашает меня недельки на две прокатиться с ним в Одессу. Как ты на это смотришь? Жить будем у его сестры, так что поездка будет стоить мне очень мало: только билет и немного денег на карманные расходы.

— Ну, разве можно ехать к чужим людям, обузою на их шею!

— Ах, мама, у тебя какие-то странные, мещанские представления обо всем! Сестра его замужем за крупным работником, даже неловко будет говорить о плате за стол. Допустим, ко мне приехал бы мой друг, ты, что, брала бы с него плату за ночлег и еду? Скажи, брала бы?

— Н-нет, конечно...

— Вот видишь! А мне так бы хотелось побывать в Одессе, в море покупаться... Когда еще такой случай представится?

— Ты должен готовиться к экзаменам. Отец ни за что не согласится на твою поездку.

— Ох, мама это же всего двухнедельная передышка! Отдохну, и тогда, знаешь, как возьмусь!

— Да и с деньгами у нас сейчас туговато. За путевку отца в этом месяце внести надо. Я себе босоножки заказала, ты ведь знаешь, что из-за своей подагры в магазине я ничего подобрать не могу.

— Значит, для вас-то деньги имеются... А для меня? — обиженно надулся Алик.

— Что ты, сынок! — всполошилась Марья Ивановна. — Единственный ты у нас!.. Ну, так и быть, поговорю с отцом. Урежу домашние расходы и что-нибудь наскребу.

— Правда, мама? Я так и знал, что ты согла-

сишься. Ведь ты у меня хорошая-прехорошая, самая лучшая на свете!

Сразу повеселевший Алик вскочил с кровати и начал одеваться. Марья Ивановна растроганно смотрела на сына:

«Ласковый он у меня,— ценит материнскую заботу...»

* * *

Полковник Шевколенко выключил люстру, и кабинет, освещенный одной настольной лампой, наполнился приятным полумраком. Сразу же стук в висках стал слабее, словно на лоб положили прохладную ладонь.

«Дает-таки себя знать гипертония,— подумал полковник.— Видно, давление опять подскочило».

Сегодня он чувствовал себя особенно плохо, а вопросов, которые нужно было немедленно решить, накопилось больше обычного. С трудом старался он сосредоточиться на том неясном сигнале, что с утра тревожил его именно в силу своей неопределенности.

Придвинув к себе тоненькую папку, полковник Шевколенко развернул ее на первой странице и вновь, в который раз в этот день, стал пристально всматриваться в небольшую, прикрепленную к листку бумаги фотографию.

Не лишенное приятности лицо. Немного насмешливый прищур глаз, улыбка как-будто веселая, но почему-то кажется недоброй. Черты лица правильные, только подбородок слегка тяжеловат. Обнаженное до пояса тело хорошо натренировано. Видно, что человек этот долго и много

занимался спортом. Это и все, никаких особенных примет. В сущности, лицо ординарное. Почему же все-таки оно выделяется как-то на этой групповой фотографии? Возможно потому, что юноша этот значительно старше всех запечатленных на снимке? Или потому, что в облике его нет того простодушия, которым светятся все остальные лица?

А у девчушки все же проявилось чутье! Письмо ее — интересный документ. Вся она в нем, как на ладони. Таковую еще можно спасти.

Он отложил фотографию и взял в руки неровно исписанный листок.

«Пишу вам, прямо скажу, после пьянки, и вообще у вас не должно быть ко мне доверия. Я раньше все мечтала о красивой жизни, а теперь вижу, что никакой красивой жизни нет, разговоры одни и выдумки. То есть не совсем выдумки. Есть такие, конечно, которые могут даже подвиг совершить. Но до них тянуться трудно. Я ведь легкомысленная очень и слабовольная. Вот и несет меня, как ветку по воде.

Вы, может, подумаете, что пишу вам по злобе или из ревности? Нет, не такая я бессовестная, чтобы совсем стыд потерять и даром беспокоить людей.

Все это вам неинтересно, мне только хотелось бы, чтобы вам было понятно, как может девушка познакомиться с парнем, совсем даже не зная, кто он.

Словом, я с Виктором познакомилась на танцульке в парке, а потом он меня и подругу пригласил в ресторан, а на другой день опять, и так всю неделю мы хороводились одной компанией

(он привел еще одного парня и какую-то свою знакомую)... Сначала мне Виктор очень понравился: и веселый, и одет хорошо, и денег много, и рассказывает очень интересно. Но только стала я вдруг замечать, что он все старается подпортить нас, особенно того парня, которого с собой вечно таскает, а сам, когда никто не видит, в рюмку себе все нарзан подливает.

В воскресенье мы компанией поехали на пляж, и Алька, тот парень, что с Витькой ходит, хотел всех нас снять. А Виктор вдруг, ну, просто из себя вышел! Не выношу, говорит, любительских снимков да и вообще терпеть не могу сниматься. Даже побелел весь от злости. Тогда я и Вера, подруга моя, решили тихонько подготовить фотографа, того, что на пляже ходит, чтобы он нас незаметно снял. Карточкой хотели Виктора вечером подразнить. И из-за этого потом целый скандал получился. Короче говоря, выхватил Виктор из рук Веры карточки и все до одной порвал. Только вот эта, что вам посылаю, осталась — она у меня в сумочке лежала.

Почему он так боится, чтобы его физиономия на карточке была снята? Думаю я сейчас и не понимаю. Зачем ему было допытываться, какой фотограф снимал? Откуда у него денег столько? Для чего ему этот Алька и почему он его про какой-то чемодан просил? Кто ж он такой, этот Виктор?

Ведь я даже его фамилии не знаю. Так, встретились на танцульке и пошли куралесить... А вдруг он аферист? А вдруг он еще хуже?

Простите, если все это моя фантазия. Очень мне страшно стало. Добавить больше нечего.

Помню только, что говорил, будто он ленинградец. И адреса здешнего его не знаю. Что-то про дядьку упоминал, у которого остановился, но я не спрашивала.

Тина Белоусова.

Если нужно будет, то я живу по улице Садовой, в доме номер 7, квартира 3».

Перед мысленным взором полковника возникла тоненькая девичья фигурка, поразившая его с первого взгляда какой-то вопиющей своей несообразностью. Так не шли к нежному овалу полудетского лица огромные, словно пуговицы от пальто, клипсы; таким нелепым казался хаотический беспорядок архимодной прически «мальчик без мамы», с такой беспощадной тщательностью губная помада уродовала рисунок рта. Только глаза на этом лице — смятенные, вопрошающие, жалко умоляющие, выражали искреннее чувство.

Ничего нового к тому, что было написано в письме, девушка добавить не смогла, однако разговор с нею затянулся надолго. И не о Викторе с Тиной говорил полковник, — о ней самой, о жизни, которую она еще не знала, но уже успела осудить:

— Спасибо! — сказала девушка, прощаясь, и ее заплаканные глаза просветлели. — Так и сделаю, как вы советовали. Поеду к брату, поживу у него, пока все это с меня смывается. А там видно будет. Одно знаю, к прежнему возврата не будет!

Вспоминая этот разговор, полковник тяжело вздохнул: сколько уже встречалось ему таких искалеченных судеб. Причина одна и та же: беспечность родителей и равнодушие окружающих.

Юность у Тины сложилась печально: отец бросил семью, мать озлобилась и опустилась. А что же Алик? Кажется, все условия у парня есть, однако...

Он снял телефонную трубку и вызвал майора Сергеева, которому было поручено проверить все обстоятельства, сообщенные Белоусовой, и установить личность Виктора. Майор явился через несколько минут.

— Лейтенант Заруба еще не вернулся? — спросил Шовколенко.

— Жду с минуты на минуту... Время позднее даже для завсегдатаев ресторанов, — усмехнулся Сергеев, усаживаясь в кресло у стола.

— А как вообще лейтенант справляется с делами?

— Пока неплохо. Исполнен рвения и даже энтузиазма. Это его первое «настоящее дело». Вы-то знаете, что такое первое серьезное дело для начинающего!

Полковник задумчиво улыбнулся.

— Все мы через это прошли! Даже завидно как-то. Трепет ожидания каких-то волнующих событий... минуты неуверенности в своих силах, иногда чувство острого отчаяния: кажется, провалил все дело... Потом — снова взлет мысли, напряжение всех чувств. Упоение победой!.. Эх, хорошо, черт побери, быть молодым!

— Недурственно! — усмехнулся и Сергеев. — Заруба ходит сияющий, даже не ходит, — летает. И видели бы вы его, разряженного в пух и прах, под такого, знаете, стилагу! Умопомрачитель и неотразим.

— Что же все-таки он успел уже выяснить?

— Личность, именующая себя Виктором, получила в отделе корреспонденции до востребования на центральном телеграфе телеграмму на фамилию Саврасова. Телеграмма отправлена из Ленинграда. Нами запрошен дубликат, и вот его текст: «Уговор дороже денег». Мало понятно, однако ясно одно: речь идет о выполнении чего-то ранее обусловленного. Подписи под телеграммой нет. Мы поинтересовались: был ли прописан в Ленинграде Виктор Саврасов? Ответ получен отрицательный. Значит, или он соврал и приехал из иного пункта, или был прописан по другому паспорту. Скорее последнее.

— Где он остановился здесь?

— У «дядюшки», но «дядюшка», — конечно, миф. Живет он на Заречной, у некой Фещук, женщины тоже весьма подозрительной.

— Белоусова показала, что с Аликом шел разговор о каком-то чемодане...

— Прибыл он к Фещук без вещей. Мы проверили квитанции камеры хранения ручного багажа. Здесь на протяжении пяти дней хранился большой желтый чемодан, оставленный пассажиром Саврасовым. Приемщик багажа хорошо запомнил этот чемодан, так как он был слишком уж тяжелый. Три дня тому назад вещи забрали. Личность человека, предъявившего багажную квитанцию, приемщик не помнит. «Молодой, кажется, человек, а какой именно, описать не берусь».

— Каковы ваши выводы относительно личности Виктора Саврасова? Спекулянт? Аферист? Или...

— Пока решить трудно. В картотеке уголов-

ного розыска ни физиономии Виктора, ни фамилии Саврасова нет. Боюсь, не птица ли он более крупного полета? В этом плане меня смущает лишь одно: вражеские агенты обычно не привлекают к себе внимания, стараются раствориться в массе. А этот все время на виду.

— А не тонкий ли это расчет? Своеобразная, так сказать, маскировка?

— «Трюк», психологически вполне оправданный. Но, опять-таки, очень меня смущает непонятная заинтересованность Виктора в этом свихнувшемся юнце, Алике. Для вербовки кандидатура мало подходящая, слишком уж неустойчивый элемент...

— Меня беспокоит, — заметил полковник, — что Виктор взял из камеры хранения свой чемодан. Не собирается ли он перекочевать куда-нибудь?

— О, на этот счет можно быть спокойным. Никуда не ускользнет! Он у нас под неусыпным наблюдением. Кроме того, я надеюсь, что лейтенант Заруба... одну минутку!.. Мне кажется, я слышу его шаги.

Однако в дверь никто не постучал, шаги звучали уже в конце коридора.

— Что-то долго он задержался...

— Очевидно, не случайно... Что ж, придется подождать!

В низеньком подвальчике ресторана стонал, всхлипывал, томно ворковал джаз, до неузнаваемости искажая напевную мелодию популярного вальса. Жиденький оркестр старался «блеснуть». Зажав подбородком скрипку, яркий блондин резко размахивал смычком, подергивая в такт мелодии бесцветными редкими бровями. Пожилой

лысый мужчина, кривя рот то в одну, то в другую сторону, казалось, старался перепилить виолончель. Длинноволосый молодой человек энергично рвал мех аккордеона, привычно перебирая пальцами клавиатуру. Жгучий брюнет в красном галстуке темпераментно бил в бубен, встряхивая копной густых, спутанных волос и раскачиваясь всем телом. Закатив глаза, низенький розовощекий флейтист самозабвенно вслушивался в замирающую на самой высокой ноте трель. Певица, с оголенными плечами и спиной, картинно куталась в длинный черный шарф в ожидании своего выступления.

Между столиками в танце кружилось несколько пар. Одни — неловкие и смущенные, очевидно, случайные посетители ресторана, другие — непринужденно развязные.

— Может и мы потанцуем, Леша? — спросила миловидная сероглазая девушка сидевшего рядом с ней за столиком молодого человека, и глаза ее лукаво блеснули.

— Ну что ты, Лида! — испуганно прошептал тот. — Ведь я тебе ноги оттопчу...

— Значит, в твоём «арсенале» коварного соблазнителя танцы не значатся? Серьезный прокол! Никогда бы не подумала этого, глядя на твои коротенькие брючки, длиннополый пиджак и сногшибательный галстук! Кстати, как ты себя чувствуешь в новом наряде?

— Шутом гороховым! И подумать только, что некоторые вполне добровольно все это на себя напяливают!

— Однако ты довольно шумно выражаешь возмущение! Тебе не кажется? Несоответствие,

так сказать, формы и содержания... Кстати, обрати внимание — наш сосед со своей дамой, кажется, повздорили. Ну, конечно! Вот, они пробираются к столику.

— Итак, приготовиться, начинаю! — рассмеялся лейтенант Заруба; он взял девушку за руку и, близко наклонясь к ней, стал что-то тихо нашептывать.

Лида прикрыла рукой лицо, словно отгораживаясь от любопытных взглядов. Плечи ее слегка вздрагивали от еле сдерживаемого смеха.

— Лешка, никогда не слышала такой чуши, как ты городишь! А глаза-то, глаза! Нет, я решительно перед тобою не устою!

За соседним столиком оживленно зашумели. Бледный, уже изрядно захмелевший юноша, высоко поднял бокал и выкрикнул:

— Витька, за наше путешествие! За Черное море и всех прекрасных незнакомок, которые изнывают по нас в Одессе! За...

— Замолчи, дурень! Ты пьян и потому глуп. А глупость всегда громогласна. Я же предпочитаю интимные полутона. Правда, Зоенька?

Светло-соломенная блондинка глупо хихикнула:

— Про интимность, Витенька, в обществе говорить неприлично!

Виктор расхохотался, с шумом отодвинул стул и присел к столу. Блондинка обиженно надулась:

— Ты все время, Виктор, сегодня с насмешкой... Хочешь дурочку из меня сделать? Можешь, кажется, напоследок...

— Безусловно могу! Итак, за твои добродетели

тели, равные уму! Алька, пей до дна, — ты оскорбляешь мою даму.

Заметно польщенная, блондинка кокетливо повела глазами и чокнулась со всеми. За столом завязался шумный, безалаберный разговор, прерываемый иногда едкими репликами Виктора. Он явно был не в духе и заметно обрадовался, когда его даму и сидевшую рядом с Аликом рыженькую девушку кто-то пригласил танцевать.

— Тьфу, хоть на пять минут отделались! Глупы, как индюки, и гогочут, как гусыни! Посадим их в такси и сплавим. Есть один деловой разговор. Впрочем, ты и так уже пьян, а к концу вечера тебя совсем развезет. Поговорим лучше сейчас.

— Может быть, завтра, в поезде? Голова, знаешь, того...

— В том-то и загвоздка, что неожиданно все осложнилось.

— Что, не едем? Вот так номер! Я своих стариканов еле уговорил! Как же теперь с билетами? Да почему же такое... что случилось?

— Дядьку сегодня утром пришлось отвезти в больницу — приступ аппендицита. Придется делать операцию. Конечно, я ничем помочь не могу, но как-то неудобно... надо хотя бы зайти, узнать, передачу принести... Черт, так все подурячки вышло!

— А мы-то пили за Черное море!

— Слушай, как это я не сообразил! Чтобы не было лишних разговоров у тебя дома, поезжай завтра один! А денька через два и я прикачу. Во-первых, сохранится хоть один билет, а их, знаешь как трудно летом в Одессу достать,

в курортный город? Во-вторых, железо надо ковать, пока оно горячо, — вдруг возьмут и передумают твои стариканы, — у старых людей всегда семь пятниц на неделю.

— Очень просто. Могут и передумать. Да только скучно будет одному!

— Зато потом повеселимся вместе. Как, кстати, у тебя с деньгами?

— Малая толика есть: мать дала и «загнал» свой фотоаппарат.

— Ну, знаешь, это черт знает что! Совсем не по-товарищески. Ведь я же говорил — пока есть у меня, бери, не стесняйся! Я разных церемоний не выношу. Друг я тебе или нет?

— Конечно же друг! Наипервейший! — в пьяном умилении Алик полез к Виктору целоваться, но тот брезгливо его отстранил:

— Телячьи нежности потом. Сейчас — дело. Бери билет. Значит, договорились? Завтра двигаешь.

— А за чемоданом когда придешь?

— Понимаешь, — замялся Виктор, — перетаскивать к себе, потом снова тащить на вокзал... Лишняя канитель! А что если ты его прихватишь? За услугу, дружище, особый расчет...

— Заметано!

— Тогда, руку! Вот это по-мужски! Утром же дам телеграмму сестре, чтобы она тебя встретила. Скажем, у входа в вокзал, под часами. На всякий случай запиши ее адрес.

Виктор наклонился к Алику, вытащил из его кармана авторучку и на оторванном от меню клочке бумаги записал адрес.

За соседним столиком звякнул опрокинутый

бокал. Девушка вытирала бумажной салфеткой скатерть и сердито выговаривала смущенному молодому человеку.

— Вот, тюлень! — презрительно бросил Виктор. — Целый вечер обхаживал свою простушку — и такой финал! Девчонка не на шутку рассердилась, видишь, собирается уходить.

— А-а, кто?

Алик бессмысленно осматривал зал, колыхавшийся перед ним вместе с кружащимися в танце парами.

* * *

Майор Сергеев заметно нервничал. Шагая по кабинету из угла в угол, он поминутно посматривал то на стоящие в углу часы, то на окно, за которым уже брезжил рассвет.

«Неужели операция не удалась, и Виктор ускользнул? — с тревогою думал он. — Кажется, все хорошо проверили. Лейтенант Хоменко мог бы по часам расписать весь «трудовой» день этого типа. Утром зашел на телеграф и справился о телеграмме. Телеграмма, конечно, была. Лейтенант Заруба постарался, чтобы липовая сестричка не оставила своего братца в неведении. «Курсовка обеспечена. Можешь приезжать. Целую. Нина». Условный текст, конечно, не возбудил у Виктора тревоги. Он в полной уверенности, что чемодан доставлен по назначению... В самом прекрасном настроении Саврасов позавтракал в скромном кафе и сразу же отправился на пляж. Может быть, впервые ехал он сюда просто отдохнуть и понежиться на солнце. По крайней мере, все его поведение свидетельство-

вало об этом. Он полежал на песке, искупался, снова погрелся на солнце и даже немного вздремнул. Ни с кем подозрительным на берегу реки он не встречался. Пообедал, вернее перекусил, тут же, на пляже, в буфете. Очевидно, сегодня он решил избегать рестораны, где появлялся обычно в сопровождении компании. Когда начало вечереть, отправился на Заречную к Зое Фещук и никуда из ее квартиры не выходил. Так сообщал лейтенант Хоменко. Правда, Зоя Фещук выходила из дому, но явно по хозяйственным делам. В «Гастрономе» она купила бутылку коньяка и закуску, и сразу же вернулась домой. На квартиру к ней никто не приходил. Таким образом, арест Виктора Саврасова ничем не мог осложниться. Разве только вздумал отстреливаться? Вряд ли. Глупо было бы с его стороны — один против троих он ничего бы не сделал. А вдруг действительно отстреливался и кто-нибудь из сотрудников ранен?»

Стараясь отогнать тревожные мысли, Сергеев подошел к столу и еще раз перечитал переданное Зарубой по телефону короткое донесение:

«Операция прошла успешно. Александр Тимохин задержан при выходе с поезда. Чемодан изъят. На встречу с «сестрой Виктора» вышел Антонов с соответствующим ручным «багажом». Приняты меры для установления лица или лиц, которые явятся за чемоданом. Подробности доложу лично. Заруба».

Майор Сергеев взял расписание поездов, чтобы рассчитать, когда можно ждать Зарубу, но дверь без стука широко открылась и на пороге появился возбужденный лейтенант Хоменко.

— Взяли, товарищ майор! — сообщил он. — В постели, без шума! Вот, изъятое при аресте! Лейтенант подошел к столу и положил на него пистолет «ТТ», две обоймы и толстую пачку денег.

— Пистолет нашли в потайном кармане пиджака, что висел на стуле, рядом с кроватью. Деньги найдены в заднем кармане брюк. В кармане пиджака находился и паспорт на имя Саврасова Виктора Павловича. Второй паспорт, на имя Фещенко Григория Семеновича, был зашит в подкладке его плаща.

— Ф-фу-у! — облегченно вздохнул Сергеев. — А я, признаться, уже начал было волноваться. Почему же вы задержались так долго?

— Понимаете, в квартире, где живет Фещук, соседи отмечали именины и гости долго не расходились. Вот мы и ждали, пока все успокоится и наш птенчик сладко заснет...

— Где сейчас задержанный?

— До вашего распоряжения отправили в одиночную камеру, товарищ майор.

— Добро! Сейчас мы им займемся... Как, кстати, он себя ведет?

— Впечатление таково, что попытается разыгрывать оскорбленную невинность. Главной-то улики, чемодана, который он так хотел сплавить, при нем нет!

— Ничего, скоро он будет иметь возможность им полюбоваться!

— Значит, у Зарубы тоже все в порядке?

— Жду его либо первым поездом, либо самолетом. Загляните в расписание, а я тем временем полковнику Шевколенко позвоню — просил

немедленно сообщить ему о результатах операции. Уверен, что не выдержит и приедет, так что вы, лейтенант, немного задержитесь — расскажете о подробностях.

Полковник Шевколенко в эту ночь, по-видимому, тоже не спал. Он тотчас взял трубку и, выслушав Сергеева, сообщил, что сразу же выезжает.

Солнце уже взошло, и пробуждающийся город наполнил комнату отзвуками своей обычной жизни. А майору Сергееву и лейтенанту Хоменко казалось, что вовсе и не было бессонной ночи с ее тревогой и ожиданием. Удача порой так же снимает усталость, как хороший, крепкий сон, да и ожидание Зарубы держало их обоих в напряжении.

— Неужели он не догадался вылететь самолетом? — нетерпеливо спросил Сергеев, когда стрелки часов соединились на цифре 12.

— Так точно, товарищ майор, догадался! — донеслось из-за его спины.

Сгибаясь под тяжестью чемодана, в кабинет шагнул улыбающийся Заруба.

Сергеев и Хоменко удивленно переглянулись.

— Что с тобой, Николай? — встревожился Хоменко. — Паршивый чемоданишко еле тащишь!

Заруба усмехнулся.

— А ты возьми, попробуй...

Хоменко схватил чемодан и его сразу же перетянуло вниз.

— Ого-го! — воскликнул он. — Что же в нем такое?

— Не иначе, как слитки золота! — пошутил Заруба.

Вошел полковник Шевколенко и тоже приподнял чемодан.

— Да, тяжеловат! Камнями он, что ли, набит? Впрочем, не будем гадать. Давайте поскорее откроем.

— Замки прочные, видно, по специальному заказу. Придется сорвать, — деловито заметил Сергеев. — А ну-ка, молодежь, беритесь!

И вот замки сорваны, и крышка чемодана открыта, и все замерли от изумления.

— Спички? — растерянно сказал Хоменко, обводя присутствующих недоумевающим взглядом.

Заруба взял одну спичечную коробочку и осторожно ее открыл.

— Ничего не понимаю! Какая-то земля... И вот еще, смотрите, вроде ила. А здесь листки какие-то попадают... Теперь — жужелица... Вот шутку сыграл! Заметил, наверное, что за ним следят, и нарочно подстроил... А я-то, дурак!

Но Шевколенко и Сергееву теперь было не до переживаний лейтенанта. Одновременно опустившись на колени, они лихорадочно перебирали спичечные коробки, время от времени обмениваясь понимающими взглядами и короткими восклицаниями:

— Н-да!

— Каково?

— А это!

— Товарищ полковник! Товарищ майор! — взмолился Заруба, начиная заражаться волнением своих начальников. — Да объясните же, ради всего святого, в чем дело?

— А вот прочтите! Видите надписи на коробочках? «Солнечногорск», «Лесногорск», «Крас-

ногорск», «Южногорск» и тому подобное... Поняли?

— Пробы грунта? — не совсем уверенно спросил Заруба.

— Вот, вот. Крупную птицу удалось поймать!

— Но я не пойму, для чего собственно... Хотя, нет, догадываюсь: какие-нибудь полезные ископаемые!

— Не какие-нибудь ископаемые, а самые определенные! С ног сбились разведчики капиталистических стран, стремясь узнать расположение нашей атомной промышленности, ее мощность и места добычи сырья. Вот и шныряли агенты их разведок по Союзу, собирая, где возможно, пробы. Особенно, конечно, в подозрительных, с их точки зрения, местах. А потом, в лабораториях, содержимое этих невинных с виду коробочек они собирались исследовать на радиоактивность... Названия пунктов, откуда взяты эти пробы, конечно, условные.

— Выходит, дороже золота было для них содержимое этого чемодана!

— В вашей шутке о слитках, лейтенант, была доля истины. А теперь аккуратно соберите все коробочки. Мы их тоже исследуем и установим, где именно побывал этот мерзавец и кто ему помогал собрать такую «коллекцию».

— Вы думаете мальчишка знал, что он везет?

— Вряд ли... Скорее его просто использовали, как удобную ширму. Но если бы у него увяз коготок, его бы тоже, возможно, завербовали. Ведь именно среди таких, неустойчивых, морально разлагая их, они и черпают кадры своих пособников...

— Я-то хорош! — горестно вздохнул лейтенант. — Сразу и не сообразил, что к чему, когда эти коробочки увидел.

Полковник улыбнулся ему:

— Вы думаете, все постигается так быстро? Здесь не в одном опыте дело. Жизнь каждый день выдвигает новые требования. Враг взял на вооружение новейшие достижения науки. Значит, чтобы разгадать его происки, мы должны знать больше, чем знает он... Впрочем, обо всем этом мы успеем еще поговорить. А теперь идите отдохните. Небось, намаялись с Виктором и Аликом, а? Операцию провели хорошо. Благодарю.

* * *

Пожилой коренастый мужчина вошел в кабинет и грузно опустился в кресло. Понурился, он с минуту сидел молча, словно забыл о цели своего визита. Только медленно наливающийся кровью затылок свидетельствовал о его волнении. Полковник Шевколенко поспешно налил стакан воды и придвинул его посетителю.

— Вам нехорошо? Выпейте!

Мужчина покачал головой.

— Уже прошло... Спазмы сосудов, знаете... Впрочем, это к делу не относится. Я просил, чтобы меня приняли не для разговоров о собственном здоровье. Что с моим сыном, с Аликом?

— Алик Тимохин нами арестован.

— Это, по-видимому, простое недоразумение, полковник!

— К сожалению, нет. Вы знали, с кем отпускаете сына в Одессу?

— Какой-то его приятель...

— Вот именно, «какой-то»! С этим, как вы говорите, приятелем ваш сын познакомился всего дней десять тому назад, в ресторане. Вообще-то вам известно, что ваш сын стал завсегдатаем ресторанов?

— Он достаточно взрослый... Я не мог контролировать каждый его шаг.

— На какие деньги он гулял?

— Очевидно, давала мать. В таком возрасте юноша может иметь кое-что на карманные расходы.

— Значит, достаточно взрослый, чтобы пить, иметь деньги на карманные расходы, но слишком мал, чтобы работать?

Федор Захарьевич Тимохин опустил голову.

— Должен признаться, мать сильно его избаловала.

— Эх, Федор Захарьевич! — с глубокой грустью вырвалось у полковника. — Вот, сидим мы здесь, беседуем и словно в прятки играем! Неловко мне, право, заводить с вами разговор о воспитании, повторять избитые истины, хорошо вам самому известные. Не думаю, чтобы вы хотели укрыться от определенной ответственности, сваливая все на жену. А речь-то идет о юноше, который едва не погубил себя бесповоротно! Для вас он — сын. Для меня... выражаясь фигурально, тоже вроде сына. Ведь и я ему в отцы го-жусь, и у меня у самого дети! Тут обоим нам надо бы объединиться, подумать, как спасти душу парня от того растлевающего, что уже проникло в нее? Ведь этот Виктор...

— Простите, полковник, жена мне говорила о

каком-то чемодане, который Виктор оставлял у сына на хранение. Кто этот субъект? Вор? Он использовал доверчивость сына? Может, даже втянул в свою шайку?

— Человек, скрывающийся под именем Виктора Саврасова, оказался шпионом, агентом вражеской разведки!

Федор Захарьевич подался вперед, на его мертвенно-бледном лице жили только глаза — они впились в полковника и требовали ответа, пусть даже самого беспощадного.

— Значит мой сын... Алик... был... — с усилием выговорил он.

— К счастью, только слепым оружием в руках Саврасова. Но ведь все могло кончиться хуже, значительно хуже!

Тимохин поднялся, опираясь на край стола и ощупывая его, как слепой.

— Когда я шел к вам, меня ужасала одна мысль, что он может оказаться вором. Теперь же, да, я благодарю судьбу, за то, что он... не шпион. Как велика мера страдания, которое может выпасть на долю человека?

— Давайте поговорим лучше, Федор Захарьевич, о мере... нет, о силе терпения в борьбе за душу человека! — мягко сказал полковник Шевколенко.





ВОЗВРАЩЕНИЕ

В глухой чаще векового леса сидел на гнилом пеньке Василий Бондарь. Восковое, костлявое лицо его было сосредоточено; потускневшие, глубоко ввалившиеся глаза пристально всматривались в измятый листок бумаги. Силясь преодолеть озноб и унять дрожь рук, Бондарь читал по складам:

«... Советское социалистическое государство прощает вину всем тем, кто явится с повинной».

— Видал, какую удочку Советы нам забросили? Выходи, мол, с повинной, а мы тебя того! — и он обвел рукой вокруг своей жилистой шеи.

— Нужно им канительиться с нами? Сами в лесу подохнем! — нехотя, с горечью молвил Грицюк. Он только что намылил щеткой из осоки подбородок и щеки и теперь ожесточенно скоблил их острым осколком стекла от разбитой бутылки.

— Ну, ты, потише... Иначе душу из тебя вытрясу!— злобно выкрикнул Бондарь, и все тело его вдруг забилося в жестоком приступе кашля. Он кашлял долго и надрывно, захлебываясь и время от времени сплевывая на землю густо окрашенную кровью мокроту. Изможденное лицо его, со вздувшимися на висках венами, покрылось капельками пота.

Отбросив осколок стекла, Грицюк схватил жестяную кружку с гнилой болотной водой и помог Бондарю напиться. Потом он осторожно уложил его на сухие листья у куста, подмостив под голову свою стеганку.

Обессиленный приступом, Бондарь устало закрыл глаза. И сразу же лицо его словно утратило все признаки жизни. От полукружия опущенных век, туго обтянутых кожей скул, заострившегося хрящеватого носа повеяло мертвенным покоем.

И только дыхание, со свистом вырывавшееся сквозь стиснутые зубы, свидетельствовало о том, что Бондарь еще жив.

Прислушиваясь к этому свистящему дыханию, Грицюк с ужасом ждал, что оно вот-вот прервется. Страшная мысль, что он может остаться в лесу совсем один, впервые промелькнула в его сознании со всей суровой отчетливостью. Отгнав эту мысль, он поправил стеганку под головой больного, подгрел под его бока охапку листьев. Бондарь открыл глаза.

— Ну, вот!— обрадовался Грицюк.— Грозилась душу вытрясти, а из самого она чуть было не улетела!

— Ты что это, вместо попа вздумал отход-

ную мне читать? — насмешливо спросил Бондарь, и в его тусклых глазах вновь зажглись злые искорки. — Не бойсь... Еще тебя переживу!

Грицюк опустил голову и указал на открытый люк бункера.

— Нет, брат, видно не выдержать нам обом! Пять лет в этом сыром погребе гнием! А за что, спрашивается, всю муку принимаем? За батьку Бандеру? Так он же в роскоши живет и в ус не дует! За границей дачу себе купил, машину. Ест вкусно, спит в тепле. А за чьи деньги? За деньги организации, значит, и за наши с тобой деньги! И вот, за тех! — Грицюк кивнул в сторону поляны, на которой чернели несколько дубовых крестов.

— Что-то больно много рассуждать ты, Федор, стал! Иван с Петром тоже все шушукались да на батьку капали... Христопродавцы проклятые!

— Петро и Иван теперь с семьями живут, как люди. А мы с тобой диким зверьем в берлоге...

Приподнявшись на локте, Бондарь впился взглядом в лицо Грицюка, глаза его постепенно наливались кровью.

— Ага, значит за ними решил идти, виниться?! Предателем надумал стать! Говори, предать надумал? — хрипел он, приподнимаясь.

— Ты что, белены объелся? — попятился от него Грицюк.

Но Бондарь уже выпрямился во весь рост и, пошатываясь на длинных ногах, шагнул вперед.

— Убью, проклятый! — с неожиданной силой вскрикнул он, заноса над головой Грицюка сжа-

тые кулаки, но неожиданно пошатнулся, из его горла хлынула кровь.

К вечеру еще один наспех сколоченный крест появился на лесной полянке.

И только теперь, окруженный молчанием леса, с особой ясностью ощутил Грицюк всю полноту своего одиночества. Сидя у бункера, он тупо смотрел на верхушки деревьев, позолоченных заходящим солнцем, и с тоской думал о надвигающейся ночи. Вот уже потемнели кроны дубов. На фоне ярко-оранжевого заката они еще выделяются четкими контурами, но между стволами тени постепенно сгущаются в непроницаемый мрак. Он стеной обступает поляну, надвигается со всех сторон. И только свежевystруганный крест белеет смутным призраком, пугающим и зловещим.

Вздрагнув, Грицюк поднялся с пенька и прислушался. Где-то послышался треск сушняка — очевидно, прошел лесной зверь. Потянуло морозным ветерком и запахом гнилых листьев. Еще раз оглянувшись на полянку, Грицюк спустился в бункер.

Коптящее пламя пропитанного маслом фитиля вспыхнуло над плоской, и по стенам бункера заметались тени. Он наскоро разобрал постель, задул коптилку и, не раздеваясь, лег. Ему хотелось поскорее заснуть, уйти от тяжелых воспоминаний дня, от давящего чувства одиночества. Но сон не приходил. Угрюмая тишина леса словно вошла и в это подземное убежище. Тяжкой глыбой навалилась она на грудь Грицюка, и он, задыхаясь и корчась, до утра пролежал в постели, не сомкнув глаз.

Вся прошлая жизнь встала перед Грицюком в эту долгую, бессонную ночь. Тщетно пытался он найти объяснения и оправдания этой жизни. Прежде всего—оправдание! Ведь не ради разбоя и наживы вступил он на этот путь, который привел его, в конечном счете, сюда, в лесной бункер. Нет, вступая в организацию, он думал, что послужит своему народу. Тогда западные украинские земли еще входили в состав капиталистической Польши, и для него лозунг «вольной соборной Украины» был, прежде всего, ключом к освобождению от ига польских панов. И он беспрекословно выполнял все указания руководства и Степана Бандеры. Да, тогда все казалось простым и ясным. А потом запуталось. Запуталось так, что и не поймешь: бандит ты или за идею борешься.

Он стрелял в польских помещиков, чтобы они на украинских землях не селились. А потом с такой же ненавистью убил в родном селе председателя колхоза, бывшего батрака, Ивана Квитковского. В свое время всадил он пулю в жирный затылок волынского воеводы, душившего крестьян, а теперь с таким же хладнокровием разрядил пистолет, стреляя в бедняка из бедняков, Петра Власюка, избранного председателем сельсовета. Ненавидя немецких фашистов, он подстерегал их на лесных тропках с оружием в руках, а когда пришла Советская Армия, чтобы изгнать оккупантов с украинских земель, стрелял из-за угла в спины советских бойцов и командиров.

Холодный пот выступил на теле Грицюка. Впервые он дал волю своим сомнениям, заглянул

в лицо страшной правде. И снова чувство бесконечного одиночества охватило его. Уже не страх перед глухим безмолвием леса, а нечто большее давило его — до предела обостренное ощущение своей отверженности, страшное сознание, что ничем не искупить ему своей вины и не смыть пролитой крови.

— Каин! Братоубийца! Зверь, лесной зверь! — шептал он пересохшими губами, в тоске и смятении вспоминая все совершенные его бандой преступления: сожженные хаты, ограбленные дворы, замученных и убитых людей. Чудились лица этих убитых, они приблизились к самому его изголовью, склонились над ним, обжигая ненавидящими взглядами.

Он вскочил с постели и заметался по тесному бункеру, в темноте натываясь на скользкие, сырые стены.

«Бежать, бежать от них без оглядки! Что угодно, только не оставаться здесь одному!»

Невольно вспомнились слова обращения, которое сегодня читал Бондарь. Грицюк зажег коптилку и принялся лихорадочно шарить в карманах. Вот он, этот смятый листок! Где это место? «Советское социалистическое государство прощает вину всем тем, кто явится с повинной...» Бондарь утверждал, будто здесь кроется ловушка... А если нет? Если, действительно, ему, Грицюку, можно будет явиться к людям и сказать: «Винюсь во всем, карайте или милуйте!» Вряд ли его помилуют, — он и сам такого не помиловал был. Но если он явится добровольно, наказание, наверное, будет смягчено. «А может, все-таки помилуют? Ведь пишут же...»

Он снова жадно впился глазами в строки обращения. «Нет, не может все это быть обманом. Украина воссоединена в едином государстве, со своим правительством, своими национальными органами. Ей ли лукавить перед каким-то Грицюком, ей ли его бояться! Это тебе не «вильна соборна», о которой кричит Бандера из подворотни своих заграничных хозяев, а по-настоящему свободная земля, где земляки Грицюка по-новому строят свою жизнь». Он это видел, он это чувствовал давно, однако заглушал в себе голос совести и сомнения, злобой отгораживался от этого ясного мира.

«Порвать с прошлым, покаяться перед людьми, искупить свою тяжкую вину перед народом... Но как же быть с присягой, принятой при вступлении в ОУН? Он помнил ее на память: «...обязуюсь беспрекословно подчиняться всем приказам руководства и сохранять в тайне все его дела... если нарушу свою присягу, пусть покарает меня суд вплоть до высшей меры наказания...»

Его, конечно, приговорят к высшей мере. Немало таких, как он, на его памяти покарало свирепое «руководство»: за неосторожное слово о бессмысленности борьбы, за отказ вступать в вооруженные отряды ОУН, за попытку оградить себя от участия в грабежах, именуемых сбором продовольственного налога, за нежелание способствовать бандеровским «освободителям»... Страшные картины расправ снова встали перед Грицюком. И эти, свои, — убитые своими же, — тоже подступали к изголовью, тоже требовали ответа.

Старший лейтенант Таран пришел на работу раньше обычного. Еще с вечера он решил просмотреть всю накопившуюся за время трехдневной командировки почту и сразу же принялся за дело. Работалось хорошо. В открытую форточку тянуло утренней свежестью, косые лучи солнца, проникающие в комнату сквозь густую листву клена, неуловимо перемещались на столе, весело дробясь на чернильном приборе... Тихо. Спокойно... Светло... Даже докучавший обычно лейтенанту стук пишущей машинки, доносившийся из приемной, в это утро как-то особенно ладно вплетался в бодрый ритм хорошо начатого дня.

И неожиданно лейтенант услышал испуганный вскрик девушки-секретаря, шум от падения стула, чей-то низкий хриплый голос, и грузные шаги. Прислушиваясь, он приподнялся в кресле, готовый броситься на помощь секретарю, но дверь кабинета уже распахнулась. Пятясь в сторону письменного стола, секретарь Оля быстро отступала от порога, за которым стоял хмурый оборванный человек с автоматом за плечом.

Лейтенант быстро вышел из-за стола и пошел навстречу незнакомцу:

— Вы ко мне? — спросил он тем обычным ровным тоном, каким привык разговаривать с посетителями. Ни одна нотка не дрогнула в голосе лейтенанта, только во взгляде его серых строгих глаз мелькнуло предостережение: «Не вздумай дурить!»

Незнакомец, казалось, понял значение этого взгляда. Тоска, смятение, неуверенность, страх —

все эти чувства почти одновременно промелькнули в его глазах, заставили замяться на пороге.

— Мне бы старшего из кагебэ,—неуверенно сказал человек с автоматом.

— Тогда прошу, заходите! По какому делу и кто вы такой?

— Я Грицюк... я пришел...

— А, Грицюк! Давно вас жду! Что же, садитесь, побеседуем.

— Меня... ждете?— Грицюк неуверенно топтался у стола, не решаясь сесть на предложенный ему стул.

— Как же так ждете? Разве знаете?

Услышав имя известного на весь район бандита, секретарша тихонько выскользнула назад в приемную, чтобы позвать кого-нибудь на помощь,— в дверь кабинета настороженно заглянул младший лейтенант Стеценко. Таран едва заметно шевельнул бровью — условный знак, означающий, что младший лейтенант должен уйти.

— Спрашиваете, знаю ли?— ответил Таран с усмешкой.— А как же? Ведь вы с Бондарем у нас в районе редкостные люди! Два вас таких на весь район осталось. Кстати, почему не пришел Бондарь? Упорствует, не верит нам, решил в лесу отсиживаться?

— Бондарь навеки в лесу остался... Умер он вчера,— угрюмо пояснил Грицюк.

— Сам избрал дороженьку — сам виноват. А жаль родных, ведь ждут его...

— У меня тоже жена и дочь остались,— понурясь, прошептал Грицюк.

— Да, знаю. Труженица у вас жена. И дочка

хорошая. В школу ходит, кажется, в шестом классе учится. Боюсь, трудновато будет вам на первых порах с ними. Ведь все свое нутро придется перетряхнуть. Ну, об этом потом поговорим, от вас самого все будет зависеть. А сейчас побеседуем о другом. Скажите: вы готовы к тому, чтобы рассказать все, без утайки?

— Готов, пан лейтенант! Простите, не пан, а...

— Вот и хорошо! А теперь... впрочем, сдайте сначала оружие — сюда, возле этого шкафа поставьте!.. Так! Теперь можете рассказывать. Я слушаю вас.

* * *

По классу пронесся приглушенный шумок. Преподавательница математики окинула учеников внимательным взглядом и сказала спокойно:

— Ребята, вы мешаете отвечать своей подруге!

Она снова взглянула на Зину, смущенно стоявшую за второй партой.

— Что же ты молчишь? Опять не знаешь? А ведь урок-то легкий. Объясни, Зина, что с тобой происходит в последнее время?

Лицо девочки покрылось красными пятнами, на глазах блеснули слезы, но губы упрямо сжались.

— Может быть, ты нездорова или чего-нибудь не поняла? — продолжала допытываться учительница.

Девочка еще ниже опустила голову и продолжала молчать.

Заливистая трель звонка прервала эту тягостную сцену. Класс сразу же наполнился гомо-

ном и шумом. Захлопали откидные крышки парт; урок математики был последним, и ученики поспешно собирали книги и тетради, торопясь домой. Наиболее проворные уже выбегали в коридор, на ходу прощаясь с учительницей, звонко перекликаясь друг с другом.

— Ну, а ты, Зина, на минутку останься. Дашь мне свой дневник, — сказала учительница, делая отметку в классном журнале.

Девчонка уже успела уложить книги; она растерянно взглянула на учительницу и покорно расстегнула сумку.

— Вот... — прошептала она, подавая обернутый в зеленую гляцевитую бумагу дневник.

Учительница развернула его и начала листать аккуратно заполненные странички.

— Как же это так получилось, Зина? По всем предметам у тебя пятерки, по моему тоже, а сегодня по алгебре я вынуждена поставить тебе двойку! Второй раз на этой неделе тебя спрашиваю, и второй раз ты не приготовила заданного... Плохо, очень плохо начинаешь учебный год!

Теребя кончик вплетенной в косу ленты, девочка исподлобья следила, как рука учительницы протянулась к чернильнице, обмакнула перо. Вот тонкие пальцы, сжимающие ручку, застыли над страничкой дневника, словно в нерешительности. Еще можно попросить, обо всем рассказать.

— Ольга Ивановна, я... мне...

Поздно! Перо, поскрипывая, выводит жирную цифру «2».

— Ты хотела что-то сказать, Зина? — спро-

сила учительница, выжидающе взглянув на девочку.

Глубоко переводя дух, девочка вдруг всхлипнула и стремительно выбежала из класса.

Расстроенная непонятым поведением всегда ровной и спокойной ученицы, Ольга Ивановна устало откинулась на спинку стула.

«Тебе, моя милая, сегодня тоже следовало бы поставить двойку, — с грустной иронией укоряла она себя. — Люди говорят: опытный педагог! А ты с девчуркой поговорить не сумела...»

— Что это вы так задержались, Ольга Ивановна? — спросила пионервожатая, заходя в класс. — И вид у вас какой-то особенный... Чем-то взволнованы?

Ольга Ивановна порывисто вздохнула:

— Да, круглой отличнице вынуждена была поставить двойку.

— Зине Грицюк?

— Представьте себе, Грицюк. Ума не приложу, что с ней случилось?

— Несчастье у нее. Отец пришел домой...

— Позвольте, Анна Петровна, я что-то вас не пойму! Какое же это несчастье, если отец в семью вернулся? Наоборот, радость большая!

— Вы, Ольга Ивановна, новый человек у нас и многого еще не знаете. Ведь отец Зины отъявленный бандит. В лесу скрывался...

— Огорошили вы меня, честно признаюсь. Но девочка... девочка-то при чем? За грехи отцов дети не ответчики!

— Формально это так, а в действительности... Взять хотя бы Зину. Отшатнулись от нее все, «бандеровкой» дразнят. И матери ее несладко.

— Но, почему же вы молчали? Так навеки ребенка искалечить можно!

— Я уже говорила с ребятами, объясняла. Но слишком уж озлоблены все против Грицюка. Банда, в которой он был, одно время терроризировала весь район. И в нашей школе есть сироты, — отцов их убили и замучили бандиты. Галя Ткач, например...

— Да, страшно все это и больно... И, тем не менее...

— Я понимаю вас, Ольга Ивановна, конечно же, Зину надо всемерно поддержать. Именно сейчас поддержать, в сложное для нее время. Я и пришла для того, чтобы поговорить с вами об этом.

— Что же, давайте обсудим, как нам действовать. Простите, я только сделаю одну пометку.

Ольга Ивановна раскрыла дневник в зеленой обложке и вычеркнула в нем двойку.

* * *

Уже неделю Федор Грицюк дома, но словно чужой он в своей собственной хате. Первые два дня он этого как-то не замечал. Слишком уж разительной была перемена в самом образе его жизни. С наслаждением помывшись и переодевшись во все чистое, почти сутки отсыпался он в мягкой и теплой постели, а проснувшись, с жадностью накинулся на горячую еду, на молоко, на свежий хлеб, испеченный из пшеничной муки свежего помола.

С чувством неосознанной досады он отметил про себя, что семья его живет ничуть не хуже,

чем при нем, «кормильце», а во многом даже и лучше. И когда жена отлучалась, он заглядывал во все уголки и ревниво ощупывал все новые вещи, появившиеся в доме.

— Молодец, Варвара! — похвалил он жену. — Не хуже людей живешь... Не сломила тебя злая доля!

Она взглянула на него с вызовом:

— Колхоз не дал сломиться. На ноги поставил...

— Что же в этом колхозе всем такая оплата или, может, за угождение начальству? — ехидно спросил Грицюк, темнея лицом.

— Известно, за угождение! Только не за такое, как ты думаешь, а за угождение работой.

Сидя на низенькой скамейке, Варвара чистила картошку. Она выпрямилась и сказала решительно:

— Думала я думку, Федор, ночь не спала, все искала, как нам быть... И такое хочу тебе сказать: в новый дом старого духу не неси! Будешь волком в лес смотреть да жизни нашей мешать, сама на тебя заявлю: враг он, мол, наш неискоренимый.

— Выходит, лишний я стал? Мешаю тебе вроде?

— Ты против всей жизни пошел! Вот, казни-ли вы людей смертью лютой, хаты их жгли, последнее забирали, а повернули жизнь? Только вдовьих да сиротских слез прибавилось. А жизнь пошла так, как люди радеющие ее направили.

Глаза Грицюка сузились, под кожей скул заходили желваки:

— Это что же за радетели такие?

— А будто сам не знаешь? Ты у совести своей спроси, может она тебе подскажет, против кого руку направлял. Против тех, кто народ весь поднял, кто дочку твою в школе учит, кто за труды мои платит мне сполна, кто свет в этой хате зажег, машины всякие в село прислал!

Разгоряченная спором, Варвара словно помолодела: глаза ее ярко блестели, на бледных щеках вспыхнул румянец, ссутулившаяся спина выпрямилась.

Пораженный этим неожиданным отпором жены, ранее всегда тихой и покорной, Федор сказал примирительно:

— Эх, Варя, Варя, да разве я об том? Ты совесть мою не трогай. Я уже наисповедывался и накаялся, как из лесу к вам шел. Я о другом: жена ты мне или не жена?

— А это тебе решать! Только знай: ломать себя я не дам...

Подобные разговоры возникали в последние дни все чаще, так как Варвара приходила с работы заметно расстроенная. Дочка тоже словно пряталась от отца. Еще когда мать дома, — хотя бы пообедают, а нет Варвары, бросит книги на скамью и убежит на целый день. И Федор Грицюк почти целый день оставался в хате один, томясь от безделья, терзаемый противоречивыми мыслями и чувствами.

Попытки чем-нибудь заняться во дворе тоже пришлось оставить. Стоило Грицюку сойти с крыльца, и его словно окутывала атмосфера настороженной враждебности. Проходя мимо его усадьбы, соседи молча отворачивались, другие вообще старались обойти его хату стороной,

третьи с вызовом и насмешкой мерялись с Федором взглядами, и по этим взглядам Грицюк понимал, что они ничего не забыли.

Однажды в полдень Варвара пришла домой особенно взволнованная. Бессильно опустившись на скамейку, она вдруг припала головой к подоконнику и разрыдалась.

Федор хотел расспросить жену о том, что случилось, но осекся. Чутье подсказало ему: плакала она из-за него.

В томительном молчании стенные ходики отсчитали пять... десять минут.

Тихо всхлипывала женщина, грузно шагала по скрипучему полу мужчина.

В хату вбежала Зина, но увидя плачущую мать и хмуро шагающего из угла в угол отца, словно бы оступилась и тихонько прикрыла за собой дверь. Стук щеколды вывел Варвару из забытья. Выпрямившись, она вытерла слезы,правила на голове платок и впервые за все дни взглянула на мужа грустно и растерянно.

— Что же будет с нами, Федор?!—вырвалось у нее.

— Варя... Ты хотя бы расскажи, что приключилось! Не чужой я тебе, дочка у нас!

— Не хотела я тебя растревлять, Федор, не говорила, как люди меня сторонятся, про слезы дочери молчала. А сегодня услышала такое, что силы терпеть нету. Чутку услышала я, что хотят колхозники просить, чтобы из села тебя выселили. Быть-то как?

— Ну, это мы посмотрим! — вскипел Грицюк.— Мне прощение дали, потому — сам с повинной пришел. Нету такого закона...

— Это ты говоришь про закон! — с горьким упреком воскликнула Варвара. — Ну, простила власть, — ее дело, видно, не больно ты для нее страшен. А люди-то простили? Ты у людей прощения попросил?

— Да чего ты от меня хочешь? Чтоб я пошел и каждому в ноги поклонился?

— Ой, не знаю, Федор, не знаю... Может, и поклониться следует, а может, взаправду, уехать... Чтоб никто, ни одна душа не знала про тебя, не попрекала... Может, поедем, а?

— Хату отцовскую бросить?

— Там хата родная, где счастье живет да честь.. Вон, в Донбасс людей кликали. Поедем, вместе на шахту станем, я работы не боюсь. И Зиночка наша будет учиться. Там, говорят, курсы всякие, техникумы... Будешь работать... снимешь с себя позор...

Лицо Варвары посветлело. Она уже видела это счастливое будущее, которое выправит их надломленную жизнь. Постепенно к мысли об отъезде начал склоняться и Федор, весь вечер они обсуждали планы будущего, и отчуждение между ними как-то само по себе начало исчезать.

Утром Варвара встала повеселевшая.

Она споро управлялась возле печи, готовя разом завтрак и обед, так как в этот день должна была задержаться на работе, а уходя пообещала:

— Поговорю с кем следует, попрошу помочь.

Грицюк тоже в это утро занялся делом. Он прикидывал в уме, что из хозяйства придется продать, а что нужно будет взять с собой, соста-

вил подробную опись всего своего добра. Только с хатой не знал он как поступить. Заколотить окна и двери до поры до времени? Рискованно, по бревнышку отцовский дом растащат. Сдать в наймы? Вряд ли в селе найдется такой, что захочет поселиться в его хате. Да и неизвестно еще, какие новые законы Советы завели: может, если он выедет, и хата не его станет? Пойти разве посоветоваться с лейтенантом, с тем, что повинную его принимал? Обещал же лейтенант помочь «на новые рельсы становиться», предложил заходить в случае чего...

Пообедав, он вышел было уже за калитку, но тут, неожиданно, лицом к лицу столкнулся с товарищем детства, — Станиславом Качинским. Грицюк невольно попятился обратно во двор, но его остановил голос Станислава.

— Отсиживаешься, значит, Федор, будто за крепостными стенами? — насмешливо спросил Станислав.

— А тебе-то какая забота? — вызывающе ответил Грицюк. — Не брат ты мне и не сват, чтобы обо мне печалиться.

— Да, слава Иусу, таким родственничком бог миловал. Но, все-таки, знакомый, — вроде бы приятель давний.

— А если знакомый, почему в гости не заходишь? — уже насмешливо спросил Грицюк.

— Ты пригласи, быть может и зайду.

Грицюк отступил от калитки.

Губы его все также насмешливо улыбались, но глаза смотрели испытующе, и что-то жалкое, растерянное, просящее таилось в глубине этого взгляда.

Качинский прошел в калитку и направился к невысокому крыльцу.

Молча вошли в хату, присели у стола, долго крутили цыгарки, стараясь скрыть охватившее их замешательство, старательно раскуривали самокрутки, прокашливались.

— Ну, Федор, не для того мы вместе собрались, чтобы в молчанку играть,— не выдержал, наконец, Качинский. — Рассказывай, долго еще будешь от людей хорониться?

— Я от людей не хоронюсь,— глухо возразил Грицюк.— Это они от меня, словно от дикого зверя, бегут. Выйдешь, а отовсюду глаза на тебя будто штыки направлены...

— Значит, народ обвиняешь?

— Почему народ? Сам понимаю вину свою... А только мочи моей больше нет казниться так,— уж лучше бы сразу голову сняли!

— Да, понимаю, нелегко тебе. Только ведь что происходит? Не знают люди, с чем ты вернулся, не доверяют, словом. Да и старое не сразу всяк забудет. Ведь человеческое сердце какое? Иной раз будто и простил, и забыл, а сидит в этом сердце заноза, и все колет, все колет...

— Мы с Варварой уехать надумали,— после минутного колебания сказал Грицюк.— Не будет у нас здесь жизни...

— А я такой думки: самое это простое дело уехать, но стоит ли? От людей можно убежать, а ведь от совести своей не убежишь!

— Значит, нет мне выхода?

Задумчиво прищурясь, Качинский поплевал на огонек самокрутки, притушил его пальцами и

оглянулся, выискивая, куда бы положить окурок. Грицюк поспешно придвинул ему блюдечко.

— Значит, без выхода я остался? — повторил он свой вопрос, и в голосе его прозвучала безысходная тоска.

— Про свой выход, Федор, всяк сам решает. Только мое разумение такое: повиниться человеку мало, надо делом, работой свой грех у людей выкупить. Вот тогда они тебе поверят. Это не у попа на исповеди: покался человек, и сразу ему отпущение всех грехов, — ходит он вроде святой и чистенький. А людям-то его святость без надобности, потому что для людей-то ничего он не сделал? Кабы на меня такое, как с тобой, я бы с самого первоначала к ним пошел, без утайки им всю свою душу открыл, а потом сказал бы: «От власти я прощение получил, от вас хочу его честным трудом заслужить. Давайте работой меня проверяйте, старанием для людей». Так-то, Федор!.. Собрание у нас третьего дня будет, может, придешь?

В тяжелом раздумье Грицюк опустил голову.

— Не знаю... Мысли у меня сейчас в разные стороны мечутся. Может и приду, — сказал он после долгой паузы. — Боюсь только, выдержу ли? Всю душу, поди, вымотают?..

— Это верно. Придется несладко, — согласился Качинский. — Только не миновать через это пройти. Вон, бабы рожают, тоже криком кричат. А из крику ихнего да боли лютой новая жизнь получается... И потом, хочу я тебе сказать, отходчивые у нас люди, сердцем щедрые. Это раньше жизнь беспросветная людей злобила, а те-

перь народ силу свою почувствовал. А сильный— он завсегда добрый...

Вскоре Качинский ушел, а Грицюк еще долго мерил комнату тяжелыми шагами. Из глубокой задумчивости его вывел приход дочери.

— Садись, доченька, вместе с батькой пообедаешь,— неожиданно предложил Федор и сам принялся собирать на стол. Обедали молча. Смущенная неожиданным вниманием отца и непривычной лаской, прозвучавшей в его голосе, Зина чувствовала себя еще более скованной, чем обычно в его присутствии. Погруженный в свои не-радостные мысли, только уже под конец обеда он, словно очнувшись, спросил:

— А у вас собрания где проводятся?

— В классе,— не поняв отца, тихо ответила Зина.

— Да нет, я не про то! Я про колхозные спрашиваю...

— Если общие,— в клубе, а если одно правление, так в сельсовете.

— Ну, добро!— молвил Грицюк и снова зашагал по комнате.

* * *

— Становись, доня, помогать... Вареники будем лепить. Скоро отец с работы придет, а ужин еще не готов...

Раскрасневшаяся, оживленная Варвара хозяйничала у печи. Качалка в ее руках так и мелькала, глаза оживленно поблескивали.

Вот уже больше месяца работает Федор на строительстве больницы, и с этого времени все изменилось в их доме. После того памятного

собрания пришел Федор домой, как с креста снятый. Варвара даже испугалась. Впрочем, вскоре она поняла, что не на людей он злобился, а на свою жизнь запутанную, на тех, кто на обманчивый путь его толкнул. Начал работать, и словно легче ему стало. Недаром говорят люди, что работа от всякого горя лечит!

Односельчане относятся теперь к Федору без прежней подозрительности. Есть, конечно, и такие, что кольнут иной раз, без этого в жизни не обходится, но и это случается не часто. Иные даже хвалить его стали за работу. Трудится он, и правда, по-честному, истосковался он по работе, набросился на нее, как голодный на хлеб. Вот и сегодня, пора бы уж прийти, а его все нет и нет... Что же это он так долго не идет? Уже давно стемнело. Варвара подбросила в печь хвороста, отодвинула казанок со вскипевшей водой, переложила, уже готовые вареники на сито и накрыла их чистым полотенцем.

— Побросаем в воду, как отец придет, пусть поест горяченького,—пояснила она Зине и принялась прибирать в хате.

Не знала, не чаяла она, что в эту минуту для Федора Грицюка снова решается его нелегкая судьба.

И сам Грицюк в этот вечер не предчувствовал ничего плохого. Собрав, как всегда, свой плотницкий инструмент, он немного замешкался, отбирая доски посуше на завтра, и вышел из помещения недостроенной больницы, когда все уже разошлись.

Зябко поеживаясь под холодным ветром, Федор взглянул вверх на вереницу низких туч,

стремительно надвигающихся с северо-востока, и подумал, как хорошо это вышло, что строительная бригада успела подогнать здание под крышу, ведь того и гляди польют дожди, повалит мокрый снег. Ишь, какая темень сейчас из-за этих туч!

Торопливо спустившись с пригорка, на котором строилась больница, Грицюк повернул на тропку, ведущую к его хате. Здесь навстречу ему из тьмы шагнула какая-то фигура.

Федор сошел с тропки, желая пропустить встреченного, но тот шагнул следом за ним.

— Не убегай, Грицюк, не поможет! — произнес знакомый простуженный голос.

— Я и не бегу. Мне бежать нечего.

— Ой ли?

— Да уж так!

— А присягу, помнишь, какую давал?

Грицюк почувствовал, как слабеют у него ноги.

«Вот оно! Достали меня, проклятые... Не помилуют!» — молнией пронеслась мысль.

— Стрелять пришел? Ну, стреляй! — сказал он глухо, понимая, что бежать не удастся. И сразу тупое безразличие овладело им.

— Сам, выходит, знаешь, что заслуживаешь пули?

— Что я знаю, то мое...

— А если я скажу, что пули тебе мало?

Не дождавшись ответа, незнакомец шагнул вперед и крепко схватил Грицюка за предплечья. Наклонившись к самому его лицу, он злобно прошептал:

— Кабы моя воля, душу бы из тебя вынул,

сволочь продажная. Только есть приказ руководства до поры до времени не трогать тебя, если наказу покоришься! Так вот, слушай: велено тебе затаиться, входить в доверие. А про то, чем искупишь предательство свое черное перед ненькой-Украиной особое распоряжение будет. И помни: попробуешь ослушаться, ни дочь, ни жену твою не пощадим, весь колхоз огнем пустим! И так сделаем, что комар носа не подточит. На тебя же первое подозрение в поджоге падет. Ну, а про дочку и жену никто и не догадается, с чего это они слабнуть начали — мало ли болезней людей косит...

Грицюк почувствовал, как холодеет его сердце и земля уходит из-под ног. Вот, сейчас, сейчас он сорвется в черную, бездонную пропасть и потащит за собой Варвару, Зину, всех близких людей. А он-то поверил, что вырвался из западни, что снова может стать человеком! И снова, как это было уже раз в лесу, чувство обиды и ненависти пронизало все его существо, — и вывело из состояния столбняка. Нет, на этот раз бандиты его не поймают! На этот раз он сам сведет с ними счеты за свою изломанную жизнь. Внезапно рванувшись, он бросился на незнакомца, сбил его с ног, навалился на него всем корпусом. Два тела сплелись на земле в молчаливой смертельной схватке.

* * *

Встревоженная долгим отсутствием мужа, Варвара не выдержала и, накинув стеганку и платок, вышла на крыльцо. Нет, шагов Федора не было слышно, а в темени ночи ничего не разгля-

дочь! Может, сегодня какое собрание? Нет, будто не объявляли... Побежать разве к Качинским? Как-то было такое, что Федор зашел к ним с работы и засиделся.

Все еще не зная, на что решиться, Варвара спустилась с крыльца и остановилась у калитки. И вдруг слабый стон донесся до ее слуха. Вскрикнув, она рванула щеколду, выбежала на улицу и чуть не упала, споткнувшись о что-то мягкое. Лишь смутно запомнилось ей, как упала она на колени и приподняла бессильно свисавшую в ее руках голову мужа.

— Федя, да что же это с тобой, Федя! — трясла она плечи мужа, объятая отчаянием и ужасом.

Очнувшись, Федор Грицюк снова застонал.

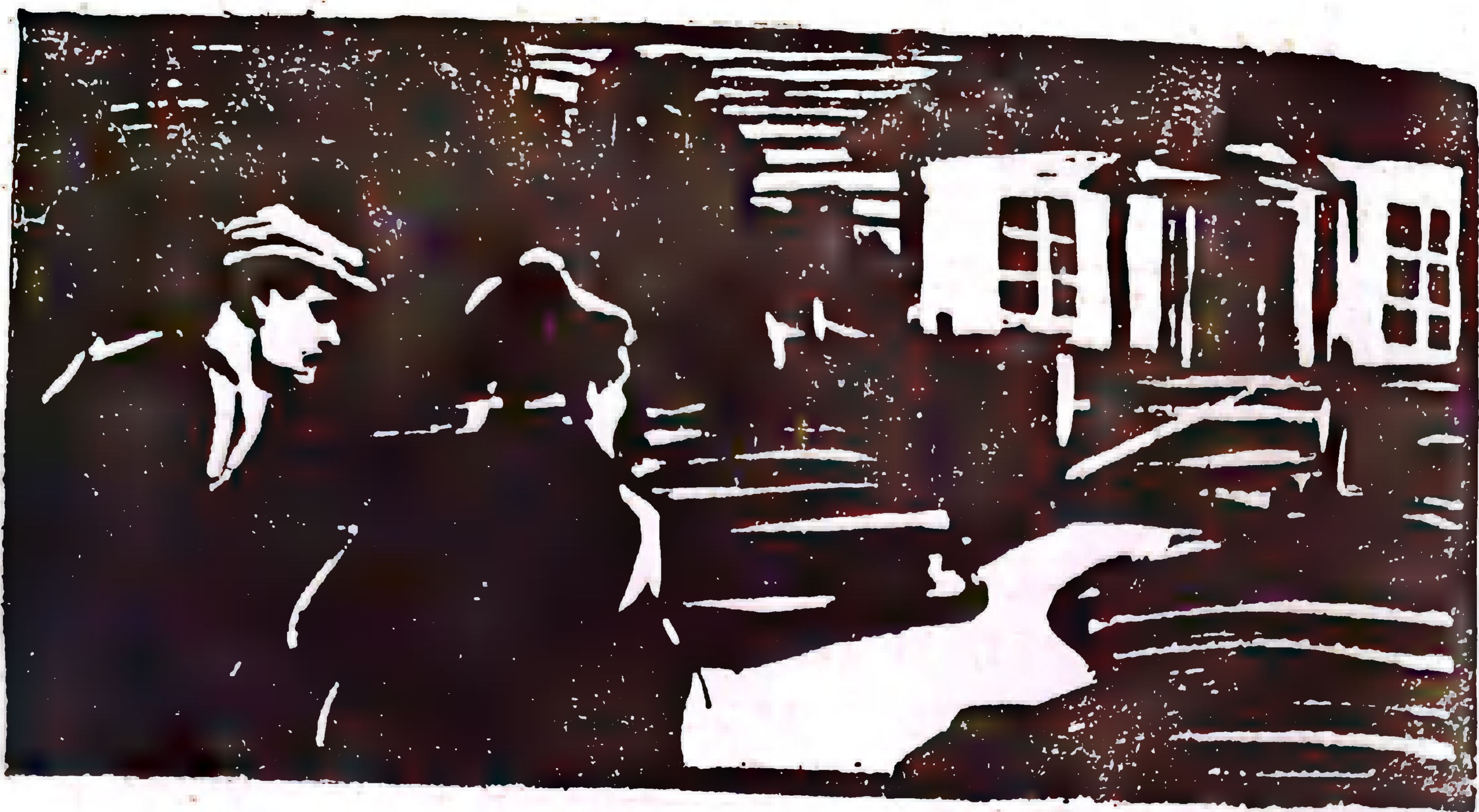
— Беги, Варя.. кличь людей. От них этот гад пришел... Живой еще, наверное... Там, где тропка заворачивает, остался. Скажи, что колхоз грозился спалить...

Только теперь Варвара почувствовала, что ее руки, поддерживающие голову мужа, стали мокрыми и липкими.

Дико вскрикнув, женщина заголосила.

В хатах захлопали двери.





МЕСТЬ ВРАГА

Осень в Полесье особенно хороша. Лиственный лес в эту пору полон волшебных тонов и красок. Тронутые ржавчиной, окрашенные золотом и багрянцем, деревья уже не сливаются в сплошной массив, а словно бы смотрят сказочным сиянием расцветок. Вот пламенеет, будто охваченный пожаром, широколистный клен. Чуть уловимо колышет лимонно-желтыми листьями стройный осокорь. Немного пониже его кроны — тускло-бурое пятно молодого береста. И рядом — семья березок полыхает сквозным и трепетным огнем...

Заросли орешника... Ветви совсем обнажились, только кое-где притаились спелые орехи. На кислицах и диких грушах полно плодов. Время от времени они срываются с веток и с тихим шорохом падают к подножию стволов. На колючих длинных плетях ежевики тоже еще со-

хранились ягоды. Черные, переспевшие, они так и тают во рту. А вот на терновнике ягоды только дозревают. Их глянцеви́тая поверхность покрыта, как инеем, сизым налетом. Кусты шиповника так же нарядны, как и в пору цветения — они густо окрашены ярко-красными плодами.

Каждое дерево, каждый куст по-разному отмечены прикосновением осени. И лишь крона могучего дуба высится на поляне крутобокой округлой горой. Дубу еще не время бронзовать, — у него свои, неторопливые сроки.

В такую пору чудесной золотой осени я и мой спутник, подполковник Савин, вынуждены были совершить остановку в самой чащобе векового леса. Пока шофер возился с заглухшим мотором автомашины, Савин в раздумье бродил меж деревьев, а я рассматривал, сидя на пне, искусно сработанную из сухой травы и листьев зимнюю квартиру ежа.

И оба мы наслаждались непривычной для нас красотой осеннего утра в лесу, родниковой чистотой воздуха, запахом увядающей листвы, — неожиданным отдыхом после тряски по ухабистой лесной дороге.

Не без сожаления услышали мы от шофера, что «потерянная искра» найдена, — и снова уселись в машину, чтобы продолжать путь.

Было раннее утро. Косые лучи солнца, пробиваясь сквозь ветви деревьев, золотили на земле опавшие листья, скользили по смотровому стеклу, яркими бликами вспыхивали на капоте машины.

Дорога постепенно выравнивалась, и машина двигалась теперь почти бесшумно. Убаюканный

покачиванием рессор, мой спутник незаметно уснул. Мне тоже хотелось вздремнуть, но впереди, на полянке, мелькнули две человеческие фигуры,— мелькнули и скрылись в лесу.

Не отрывая взгляда от густых зарослей, в которых скрылись незнакомцы, я тихонько встряхнул Савина за плечи. Он проснулся мгновенно, однако ничего заметить не успел.

— Право же, вам просто могло показаться,— старался успокоить меня Савин.— В этих местах бродит много разного зверья,— косули, лоси... Очевидно, парочка этих быстроногих перебежала дорогу, а вам нивесть что почудилось.

— Да как же почудилось, когда и я видел!— воскликнул шофер.— Заметили нас и — шасть в сторону! Зверье-то, может, и зверье, да только двуногое. Иначе, зачем бы им от нас хорониться?

— Ну-ка, нажмите!— приказал я, не упуская из виду примеченный взгорок.

Шофер переключил скорость, и машина быстро понеслась вперед.

Савин молча вынул из кармана пистолет и подал патрон в патронник ствола. Заметив это, вооружился и шофер. Придерживая баранку одной рукой, он наклонился, вытащил из-под коврика под ногами маузер и положил его возле себя на сиденье. Я отстегнул кобуру и снял пистолет с предохранителя.

Издали мне казалось, что я хорошо приметил место, у которого неизвестные свернули в лес, но извилистая дорога и быстрая езда приводили к потере чувства расстояния.

— Кажется, здесь,— сказал я не совсем уверен-

но, указывая на густые заросли орешника, почти вплотную подступившие к березовой рощице.

— А по-моему, чуток подалее... — тоже неуверенно заметил шофер. — Вон, возле трех березок...

Мы остановили машину и углубились в заросли, внимательно присматриваясь к свежему слою листвы.

Нет, ничто не говорило здесь о недавнем присутствии человека. Продолжать поиски не было никакого смысла, и я приказал шоферу ехать дальше.

— Может, посмотрим здесь? — предложил он, когда мы подъехали к березовой рощице.

Савин с сомнением покачал головой.

— А почему не дальше? — усмехнулся он. — Такие же березы и такой же орешник! Если это единственный признак, то в течение ближайших пятнадцати минут нам придется раз двадцать останавливать машину!

— Похоже, что мы напрасно теряем время, — согласился я. — Далеко углубиться в лес мы не можем, а эти двое, конечно, не станут нас ждать. Что ж, сообщим о наших подозрениях начальнику местного отдела госбезопасности. Возможно, у него есть какие-нибудь данные?..

Расценив последние мои слова, как приказание ехать быстрее, шофер повел машину на предельной скорости.

Подпрыгивая на рытвинах и ухабах, она кряхтела и стонала, а вместе с нею кряхтели и мы, но, к счастью, лесная дорога вскоре окончилась, — мы выехали на хорошо укатанное широкое шоссе.

Начальник местного отдела госбезопасности, майор Костенко, был заметно встревожен нашим сообщением.

— Боюсь, что это были не браконьеры или порубщики, — задумчиво сказал он. — Дело в том, что в последнее время здесь начали твориться довольно странные вещи: в одном из колхозов почти полностью сгорело заготовленное на зиму сено, в другом начался падеж на свиноферме, в третьем — в амбаре оказалась проломленной черепица крыши, и во время дождя залило семена льна. Все эти, разрозненные на первый взгляд, факты словно бы связаны одной общей нитью: ЧП произошли на решающих участках. Вот почему я не склонен рассматривать каждый отдельный случай, как происшествие, вызванное простым недосмотром.

— А что же дали следственные материалы? — спросил я.

— К сожалению, следствие еще не закончено. Предварительные данные уже сейчас дают основания предполагать умышленную диверсию. Эти два неизвестных, которых вы встретили, подозрительны. Кстати, есть еще один сигнал: вчера мне позвонил председатель одного из наших лучших колхозов и просил приехать для проверки каких-то важных, как он сказал, обстоятельств.

— Это один из пострадавших колхозов? — заинтересовался Савин.

— Нет, в Боровом пока все спокойно. Но Неврода — мужик толковый, зря не стал бы звонить. Да и опыт у него имеется. Всю войну находился в партизанском отряде, а когда очистили эти

края от оккупантов, участвовал в истреблении оставшихся после гитлеровцев банд.

Костенко вызвал своего заместителя и распорядился хорошенько прочесать лес в указанном нами районе. Затем мы занялись обсуждением ряда служебных вопросов, ради которых приехали. Однако нашу беседу в самом начале прервал телефонный звонок.

Майор снял трубку, и лицо вдруг его побледнело: «Что... что?! — вскрикнул он взволнованно... — При каких обстоятельствах?.. Так, понятно! Сейчас же выезжаю».

Он осторожно положил трубку на рычаг и обернулся к нам:

— Звонили из Борового. Ночью убит председатель колхоза Неврода. Убийцы скрылись...

Минут через десять мы снова мчались по тряской лесной дороге, но уже в другом направлении.

В пути Костенко коротко рассказал нам все, что знал о Невроде.

— В прошлом — бедняк, Неврода был организатором колхоза. Долгие годы в нем председателем. Среди односельчан да и во всем районе пользовался большим авторитетом. Прекрасный хозяин, сумевший правильно определить направление в развитии колхоза. Тут все пески и зерновые давали низкий урожай. Зато лен родил хорошо. Неврода и занялся выращиванием льна. Хорошо поставлено в колхозе животноводство и огородничество. Все это дает возможность высоко оплачивать трудодень и позволяет делать значительные капиталовложения в строительство. Вы и сами увидите, что колхоз зажи-

точный. А ведь раньше здесь народ перебивался только картошкой да яблоками! Жгли лучину! Теперь даже не верится, когда увидишь вечером ярко освещенное электричеством село... Да, многое сделал для своего села Неврода. Хороший, настоящий был человек!

Минут через сорок, миновав небольшое лесное озеро, мы выехали на обсаженную вербами плотину, примыкавшую к главной сельской улице.

С первого взгляда на эту улицу можно было понять, что здесь произошло какое-то необычное событие.

Возле хат молчаливыми группами толпились колхозники, — на лицах тревога, растерянность, горькая печаль.

Изуродованное тело Невроды лежало в сенях на подостланной ряднине, где он и был убит. Над убитым склонилась женщина в белом халате. Отрекомендовавшись врачом судебно-медицинской экспертизы, она коротко сообщила нам о предварительных данных осмотра тела погибшего:

— Восемь ножевых ранений, два из них тяжелые — в голову и область сердца. Они-то и послужили причиной смерти. Остальные ранения были нанесены, по-видимому, «для верности», когда Неврода уже упал. Об этом свидетельствовал характер ран — очевидно, орудие убийства — нож был направлен сверху вниз.

В горнице нас встретила жена Невроды. Ее покрасневшие от слез глаза горели лихорадочным блеском. Нетрудно было понять, что женщина мобилизовала все свои душевные силы,

чтобы сохранить спокойствие в эти трагические минуты.

— Мы уже спали,— прерывающимся голосом рассказывала она,— как вдруг раздался стук в окно. Я проснулась первая и разбудила мужа. Не одеваясь, он подошел к окну и спросил: «Кто там?» Голоса, что ответил с улицы, я не признала, а слова разобрала точно: «Выдь, дядя Неврод, на минутку, важное дело!» Муж вернулся к кровати и натянул только брюки. Пошарил было, чтобы свет включить, да тут снова застучали, уже в дверь. Ну, он и пошел в сенцы. «Боясь, не случилось ли чего с Зорькой, ведь телиться должна»,— сказала он мне на ходу. За нашу Зорьку я и сама беспокоюсь, ведь это рекордсменка наша, на сельскохозяйственную выставку готовили. Накинула я юбку, стала кофточку одевать, а муж тем временем уж запоры, слышу, открыл. Мне бы броситься в сени, а я один рукав натянула, да так и стою, прислушиваюсь — все эта самая Зорька на уме вертится. И вдруг...— Женщина застонала и сжала голову руками.

— Передохните немного, успокойтесь, потом расскажете,— невольно вырвалось у меня.

— Ох, не успокоиться мне до самой смерти, до конца жизни не забыть последнего его крика! Словно обезумела я, заметалась по комнате, да все шарю свет зажечь, да все шарю свет... Потом уж поняла, что и сама кричу, когда дети проснулись и заплакали. Ну, выбежала я в сени, а он, вижу, лежит, а улицею, от крыльца нашего, двое бегут. Мне бы кинуться людей кликать, а я к нему... Упала рядом с ним да так и замерла...

— Муж ничего не успел сказать? Не узнал убийц?

— Видать, узнал, все силился что-то сказать, да только слова у него не получались, а хрип один и клокотание в груди. Ведь в сердце-то самое ироды проклятые угодили! В его-то сердце, что к людям всегда с ласкою, с заботою, со старанием. Ой, молю вас, молю вас, товарищи дорогие, найдите этих каинов проклятуших! Пусть станут и в глаза моим сироткам посмотрят, пускай мое вдове горе к самой сырой земле их придавит!

Женщина заметалась по хате, снова охваченная неистовством своего горя. Из смежной комнаты выскочил мальчик лет двенадцати и маленькая девчурка. Вцепившись в подол материнской юбки, девочка зарылась в нее лицом, вся сотрясаясь от рыданий. Мальчик, охватив плечи матери уже крепнувшими руками, со сдержанностью взрослого настойчиво и ласково твердил:

— Мамо, не плачьте!.. Годи, мамо!..

Много раз я сталкивался с несчастьями людей, но горе этой осиротевшей семьи особенно меня взволновало. Чувствуя, как к горлу подкапывает тугой комок, я поспешно вышел в другую комнату.

Это была маленькая спальня, и все в ней дышало мирным покоем. Размеренно тикали ходики. На широкой кровати с откинутым одеялом свежее поблескивали простыни. На таких же белоснежных подушках сохранились небольшие вмятины — след, оставленный головами спавших людей. На полу у кровати стояли ботинки Невроды, а на стуле лежал его пиджак. Хорошо

отглаженная чистая сорочка, очевидно, была приготовлена еще с вечера. Рядом с ней в ска-терть была вколота иголка с белой ниткой и рас-сыпано несколько пуговиц. Видно, жена Нев-роды перед самым сном приводила застежку со-рочки в порядок. Могла ли она тогда подумать, что муж никогда больше не наденет этой ру-башки?

На стене, против кровати, висело охотничье ружье с патронташем. Я расстегнул патронташ и заглянул в него — он был наполнен заряжен-ными патронами. Острое чувство досады коль-нуло меня в сердце.

«Как же так? — думал я. — Иметь ружье и не принять мер предосторожности? А ведь с окку-пантами воевал, бандитов искоренял!. Видно, очень о рекордсменке своей тревожился... И, мо-жет быть, голоса за окном узнал?.. Конечно так, иначе он несомненно взял бы, на случай, ружье. Тем более, что сам накануне звонил Костенко и сообщил о каких-то своих опасениях... Да, те-перь о них не узнать!.. Впрочем, возможно, он что-нибудь говорил жене? Это сейчас же необ-ходимо проверить!»

Очень тяжелая обязанность — расспрашивать людей в минуты их душевных потрясений, одна-ко я знал, как бывает подчас губельна для ро-зысков преступника каждая минута промедле-ния и, поборов чувство неловкости, возвратился в комнату, где осталась жена Невроды.

Ничего существенного узнать от нее не уда-лось. Бедная женщина находилась в шоковом со-стоянии; в ее памяти образовался провал, отде-ляющий сегодняшний день от вчерашнего. Она

могла рассказывать только о событиях минувшей трагической ночи, все остальное если не на чисто стерлось из ее памяти, то отступило далеко назад.

Я попрощался и направился в сельсовет, где Костенко опрашивал ближайших соседей Невроды.

Только теперь, на свежем воздухе, я почувствовал, как измотала меня дорога и как измучился я душевно.

«Присяду возле этого дедушки, — решил я, заметив на скамейке, у калитки, одинокую фигуру старика, — хотя бы немного отдохну...»

Охотно подвинувшись и покосившись на мои погоны, старичок из деликатности не завел разговора об убийстве, видимо понимая, что мне эта тема неприятна.

— Отдохнуть решили, проветриться? — спросил он приветливо. — Вот и я свои старые косточки на солнышке грею. Хорошо-то как! Когда еще денек такой выпадет!

— Да, и денек хорош, и в селе у вас так чудесно, — поддержал его я. — Вон какие хаты отстроили!

— Хаты добрые, — согласился старик. — Можно сказать: и углами красна теперь изба, и пирогами.

— Значит, живете неплохо?

— Не жалуемся. Пашиничка есть, государство в обмен на лен дало, деньжонки на трудодень получили, овощь всякую имеем.

— А сало у вас есть, дедушка?

— А у кого его нет, сала-то? Мужик без сала не работник! А вы что, сало любите? —

усмехнулся старик, и вокруг его глаз лучиками собрались лукавые морщинки.

— А кто же его, дедушка, не любит?

— Ну, тогда приходите, попотчую.

— За приглашение спасибо. Закончим дела, обязательно приду.

— А может, сейчас? Перекусить между делами-то?

— Нет, сейчас спешу, и без того с вами засиделся. Ждут...

— Ну, на нет и суда нет. Тогда до свиданья. Только обещание свое помните!

— А как же, дедушка! — отозвался я уже на ходу, заметив спешащего мне навстречу Костенко.

— Какие-нибудь новости, майор?

Костенко выглядел очень усталым и озабоченным.

— Опрос ничего не дал, а новости все же есть. Метрах в ста от председательской хаты преступники свернули на огороды, вон через тот двор вдовы Грицай. У нее картофельную сухую ботву, сложенную в кучу, кто-то ночью ногами разметал. В конце огорода найдена одна очень интересная штукавина: ремень и самодельные кожаные ножны. Сейчас покажу...

В сельсовете Костенко подал мне эту, не совсем обычную, находку.

— Очень интересно! — вырвалось у меня. — Эта немая вещь многое может нам рассказать! И ремень, и ножны изготовлены из кожи-сырца, кустарной выработки — это первое. Второе: на боках ремня отчетливо видны свежие следы среза ножом. Ножны сшиты просмоленной сапож-

ной дратвой и ею же пришита пряжка к ремню — третье важное обстоятельство. Кстати, пряжка ржавая, а проколы для дратвы свежие. И все они сделаны, опять-таки сапожным шилом. Наконец, еще одно — сама форма ножен, размер их. Все говорит о том, что они были изготовлены для финки. А Неврода убит именно финским ножом. Итак, у нас есть несколько исходных нитей, по которым мы можем искать или самого убийцу, или человека, знающего преступников, т. е. изготовившего для них ремень и ножны.

— Если вдуматься, — задумчиво сказал Костенко, — то человек этот должен заниматься тайной вычинкой кож и быть одновременно сапожником. Но ведь мог же он кожу просто купить?

— Вот и надо соединить эти две нити, если такое предположение верно. Во всяком случае, начинать надо с поисков сырца, от которого был отрезан ремень. Свежие срезы свидетельствуют о том, что это было сделано недавно. Значит, наши шансы найти кожу не так уж малы. Прошу вас выяснить, кто в селе занимается тайной вычинкой. Кстати, о находке ремня и ножен кто-нибудь знает?

— Только Грицай, но я ее предупредил, чтобы она молчала. Думаю, будет молчать. Между прочим: она и сама просила никому не говорить о находке на ее огороде, так как опасается мести преступников.

Короткий осенний день клонился к вечеру. Пора было подумать и о ночлеге. Вспомнив о радужном приглашении старика, я решил заноче-

вать у него, надеясь кое-что узнать о местной обстановке.

— А, уважили-таки, не побрезговали. Я думал просто шутки шутили, — весело крикнул старик, коловший у крыльца поленья. — Ну, милости просим, заходите! Закончили, значит, с делами?

— То-то и оно, что нет. Заночевать придется. Вот я и пришел к вам за советом: не знаете у кого посвободнее?

— Да у нас же, у нас, мил человек! С превеликим удовольствием гостя такого примем. Двое нас на всю хату — я и дочка. И о чистоте не сомневайтесь. В комнатах у моей Насти, как в веночке.

Действительно, в горнице, куда ввел меня старик, было чисто и уютно. Недавно побеленные стены лоснились белизной, радовала взор веселая роспись на зеркале грубки, пестрели цветными узорами искусно вышитые полотенца. Пучки сухого шалфея и богородицыной травки, засунутые за большой портрет военного в форме сержанта, наполняли комнату немного терпким ароматом.

— Зять мой... Погиб на фронте, — пояснил старик. Он открыл дверь в соседнюю комнату и кликнул:

— Настя, иди принимай гостя!

В дверях показалась еще молодая женщина. Загорелое ее лицо и веселые карие глаза были приветливы.

— Просим садиться, — молвила она певучим голосом. — С батей пока побеседуйте, а я вечером вам соберу.

Молодая женщина быстро засновала по комнате, ловкими движениями оправляя скатерть, накрывая на стол, нарезая хлеб.

Вскоре на столе появились традиционные соленые огурцы и помидоры, вспотевший, обвязанный чистой тряпочкой кувшин, сложенная аккуратными колечками домашняя колбаса, большой кусок сала.

Старик с лукавой усмешкой похлопал рукой по кувшину:

— Тоже собственного приготовления. Наливочка! Употребляете? Или, может, сбегать в сельмаг?

— Со своим уставом в чужой монастырь не ходят,— сказал я, присаживаясь рядом с хозяином.

— Ну, тогда налей, Настуся, по первой, и с нами хоть пригубь.

— Почему же только пригубить?— спросил я.

— Она дояркой в колхозе и самое время на работу бежать,— пояснил старик.

Когда Настя ушла, Трофим Петрович налил по второму стаканчику, выпил, крякнул и еще более оживился.

— Что же вы сала даже не попробовали? Да и то сказать, не порезано. Подождите, я сейчас!— он открыл ящик стола, вытащил большой нож, снял с него чехол, быстро и ловко нарезал сало тоненькими ломтиками.

Я взял в руки отложенный в сторону чехол и обомлел.

«Такой же, из сырца, дратвой шит!»— пронеслось в голове, и я невольно с подозрением взглянул на старика.

К счастью, он не заметил моего взгляда, а я успел овладеть собой.

— Орудие у вас надежное!— сказал я, будто невзначай, рассматривая нож.

— Резник я, — пояснил старик. — Хожу по дворам, кабанов режу. Мне без такого орудия невозможно.

— Сами, наверное, сделали?

— Нет, я по этой части не мастер. Дед Карпо подарил мне, когда я колол у него кабанчика. Говорит, сам выковал.

— А ножны тоже он шил?

— А как же! Дед Карпо у нас, как говорится, и швец, и жнец, и на дуде игрец! На все руки мастер!

— У меня есть охотничий нож. Надо бы попросить его сделать ножны. Как вы думаете, дедушка, возьмется?

— О, это он вмиг сделает!

— Сделать-то, может, и сделает, а вот где кожи достать? Случайно у вас не завалялось кусочка?

— Из своего материала пошьет. Чинбарит он потихоньку.

Спохватившись, что сказал лишнее, старик поправился:

— Для себя, конечно... для обихода, так сказать, домашнего...

Чтобы не насторожить своими вопросами хозяина, я незаметно перевел разговор на другое. Поговорили мы об охоте и рыбной ловле, вспомнили старину. Старик, уже изрядно подвыпивший, сел, по-видимому, на своего излюбленного конька.

— Эх, мил человек! — говорил он, сокрушенно покачивая головой. — Уж слишком легкая жизнь теперь пошла. А оно-то, легкое, трудностью иногда к человеку оборачивается. Привыкает он жить на легких хлебах. Ведь раньше как было? И обувь и одежду — все на себя — своими руками. Штаны — полотняные, постолы — сыромяжные, кожух — собственными руками дубленый, одеял и совсем не знали — рядна ткали. Оно, конечно, трудно, да мастерство человек приобретает, а науку, люди добрые говорят, за плечами не носить... А теперь? Чуть что, берешь денежки — и в кооперацию. Да еще капризничаешь: и то, мол, не по фасону, и это, мол, цвету скучного. А бабы-то и совсем разбаловались — нитки ссучить не умеют! Я уж свою Настеньку корю, корю... Вспомни свою матку, говорю, первой мастерицей она в селе была?

— Остались же у вас старики, которые прежнее мастерство помнят? Вот бы и учили молодежь. Вы сами рассказывали только что про деда Карпа, про его золотые руки...

— Э, дед Карпо к нынешнему времени духу неприветливого!

— Отчего же это так? Плохо ему в колхозе живется?

— Почему плохо? — удивился старик. — Дай боже всем добрым людям нашего достатку! А только, видите ли в чем тут дело, — старик придвинулся ко мне поближе в доверительно зашептал: — Несоответствие в их семье получилось!

Я не понял:

— Как это?

— Породнился он с людьми нехорошими. Дочку свою единственную за молодого Савчука выдал, за Степку. А тот с детства отцовским духом налитанный. Федор-то Савчук, Степкин батя, все раньше возле куркулей терся. Ну, потом, конечно, винулся: темный, мол, был, опутанный. Люди поверили. А он, гад, только за-таился! Как гитлеровцы пришли, сразу нутро свое гадючье показал: начальником полиции при оккупантах сделался. И сыночек тоже в по-лицай подался. Намучился народ от них!

— Что же, Савчуки эти, и сейчас в селе?

— Невозможную вещь говоришь, мил человек! Разве народ простил бы? Старого Савчука, с бандою его, что в лесах орудовала, когда гитлеровцы отступили, Неврода поймал, и показательным судом судили. Десять лет получил. Ну, а молодому посчастливилось, — с немцами успел удрать.

— А жена его где?

— Где ж ей быть? С батюшкой живет, с Карпом. Только через судьбу свою несчастливую злющая стала, на всех завистливая...

Прибежавшая из коровника Настя прервала нашу беседу. Постелив мне и отцу, она уселась за составление рациона для отелившейся, наконец, Зорьки, а мы со стариком улеглись спать.

Сон однако пришел ко мне не сразу. Много, неизмеримо больше, чем надеялся, услышал я в этот вечер!

«Что это? — думал я. — Неожиданная удача или то случайное стечение обстоятельств, кото-

рое иногда уводит следствие в сторону, заставляет его идти по ложному пути, соблазняя мнимую очевидностью фактов? Может же оказаться, что дед Карпо никакого прямого касательства к совершенному преступлению не имеет. Подарил же он нож с ножнами и резнику! Такой же подарок он мог сделать еще кому-нибудь в селе или выполнить чей-то заказ. Только и всего. Значит, нужно проверить, у кого есть ножи и ножны, изготовленные дедом, а затем присмотреться к этим людям. Несомненно, старик помнит и всех своих заказчиков, и тех, кого он обдарил. Если с ним побеседовать... Нет, беседовать нельзя! Потому, что вероятен и другой вариант: обращаясь к деду, преступники были уверены — что он будет молчать. Представлялись интересными, в этом плане, родственные связи старика. И Федор, и Степан Савчук служили гитлеровцам. Да, но ведь и того и другого в селе не было: один отбывал наказание, другой, если не погиб, то мыкается где-то в лагерях для перемещенных лиц... Если бы один из Савчуков находился здесь, все факты стали бы на свои места: Неврода поймал Федора Савчука, из-за него бандита судили... из чувства мести отец или сын... Вот, вот... кажется, начинает вырисовываться! Младшего Савчука могли перебросить через границу, или старший мог совершить побег. Во всяком случае, эта линия, — дед Карпо — Савчуки, заслуживает очень пристального внимания...»

Незаметно усталость взяла свое, и я заснул, все еще не придя к определенным выводам, не зная, что буду делать завтра.

Однако правильно говорит пословица, что утро вечера мудреннее. Проснулся я со свежей головой и сразу же отбросил вчерашнее намерение — пойти к деду Карпу якобы за тем, чтобы заказать ножны.

«Если он причастен к убийству, мое появление и разговор о ножнах могут только его вспугнуть. Нет, действовать нужно иначе».

Майора Костенко и подполковника Савина несколько удивило мое предложение зайти поочередно во все хаты, якобы для опроса жителей. Однако, выслушав мои соображения, они вполне одобрили мой план. Такой опрос не поставил бы старика в какое-то исключительное положение: к нему зашли, как и ко всем. Если он невиновен, на его доброе имя не упадет тень, если же у него есть основания бояться нас, то наше появление не покажет, что мы заинтересовались именно им.

Немедля мы приступили к делу. Посещение деда Карпа я, естественно, взял на себя, и часам к двенадцати уже стоял во дворе у его хаты, отбиваясь от лохматого пса. На лай собаки из хаты вышла молодая женщина.

— Серко, сюда! — крикнула она, и пес, завилав хвостом, уполз под крыльцо.

— Злая она у вас, — сказал я.

— На то и держим, чтобы свое собачье дело знала, — неприветливо молвила молодая женщина, ощупывая меня быстрым, недобрим взглядом.

— Вынужден побеспокоить по долгу службы... Вы уж извините! Батюшка ваш дома?

— А где им об эту пору быть? Сапожничают.

Пропустив меня в сени, женщина приоткрыла дверь хаты и крикнула:

— До вас, батя, райцентровские!

— Что же ты в хату не кличешь, дура?!— буркнул старик.

Пока происходил этот разговор, я быстрым взглядом окинул сени. Внимание мое привлекли обычная крестьянская коса, прислоненная в углу у дверей. Полотно ее до половины было вырублено зубилом.

«Так вот из чего дед Карпо ножи делает!»— подумал я.

Пропустив меня в хату, молодая женщина замешкалась в сенях, затем тоже вошла, плотно прикрыв за собой дверь. Тем временем я представился хозяину и сообщил ему о цели своего прихода:

— Вот, ходим, дедушка, по дворам, интересуемся, не заметил ли кто случайно чего-нибудь подозрительного прошлой ночью?

— Это когда Невроду-то убили?— спокойно спросил старик, откладывая в сторону ботинок на железной лапе и сапожный молоток.

— Спали мы с батей о ту пору!— негромко сердито сказала молодая женщина.

— А ты помолчи, Любка, не встревай в мужицкий разговор,— оборвал ее дед и бросил на нее короткий, укоризненный взгляд.— Вот, гостю лучше стул ослобони, на ногах люди все утро.

«Знает, что мы заходили в другие хаты. Это хорошо!»— обрадовался я.

Дочь старика смахнула со стула кожаные обрезки, и я присел.

— Ноги, признаться, побаливают. Да и не только ноги — в голове все кругом пошло из-за этого убийства...

Тень усмешки пробежала по губам старика.

— Задарма, значит, ноги бьете и мозги сушите? — спросил он; в прищуре его глаз зажглись насмешливые огоньки.

Я ближе придвинул свой стул к маленькому столику, за которым сапожничал дед Карпо, и сказал доверительно:

— Служба, дедушка, такая неблагоприятная. Преступник-то себе дорожку заранее стелет, а мы вслепую, во все стороны кидаемся. Потому на добрых людей надежда. И к вам потому пришел. Да, видно, тоже впустую, и вы в эту ночь, наверное, крепко спали?..

— Да, ноченьку выбрали злодеи удачную, — заметил старик сочувственно. — Вот и я, грешный, заработался с вечера — на осень-то и зиму все обувку свою готовят! — а потом, как лег, — камнем до утра и пролежал. По надобности своей даже не встал. Ну, а Любка — женщина молодая, таким всегда сладко спится.

— Жаль, не знал, дедушка, что вы сапожничаєте, а то бы и я попросил с вечера набойки набить.

— А вы сегодня, как управитесь, пришлите. К утру будут готовы.

— Сегодня вечером мы уже далеко будем. Что же тут сидеть!

Тихий, облегченный вздох Любки донесся из-за моей спины. Лицо старика осталось непроницаемым. Лишь в глубине его глаз на мгновение мелькнул какой-то слабый огонек,

тщательно подавляемая вспышка радости. Стараясь скрыть свое волнение, дед Карпо полез в карман за табаком.

— Закурите, дедушка, моих,— предложил я и, вытащив коробку папирос, положил ее на столик, прямо на обрезки кожи.

— Нет, я ваших городских не люблю, дух у них слабый,— отказался дед Карпо.

— Ну, если наше не в лад, то мы с нашим назад,— засмеялся я и, взяв коробку с папиросами обратно, незаметно вместе с нею прихватил пальцем и маленький кусочек кожи.

Теперь можно было уйти. Еще раз скользнув взглядом по сапожному столику с лежащим на нем ботинком и просмоленной дратвой, я поднялся и начал прощаться.

— Простите, что побеспокоил вас с дочкой, от дела оторвал.

— Какое же это беспокойство? Приятно побеседовали, у нас чужие люди—редкость. Жаль только, что набоечок вам не подправил.

Старик тоже встал, вытер ладони о замасленный полотняный фартук и протянул мне руку. Она крепко стиснула мои пальцы уверенным движением человека, который вдруг обрел спокойствие. Дочь старика, возившаяся у печки, лишь издали кивнула мне, не поднимая опущенных глаз.

Надевая в сенях фуражку, я на мгновение приостановился. В глаза мне снова бросилась стоящая в углу коса. Однако теперь ее прикрывали мешки, обрубленная часть не была видна.

«Так вот почему ты замешкалась в сенях?»— подумал я.

Часам к трем мы уже закончили все свои дела, даже успели немного перекусить. Жена Невроды не хотела отпустить нас, не накормив. Бледная, с глубоко запавшими глазами, но уже овладевшая собой, она твердо заявила:

— Не ломайте обычая нашего, — мертвого нужно помянуть. На похоронах вы не будете, ну так сейчас за память его добрую чарку выпейте. Не обижайте меня с детьми.

Во время обеда женщина держала себя со спокойным достоинством, угощала нас, но сама ничего не ела.

— Не могу, — сказала она просто. — Я и тела своего не чувствую. Словно сердце одно у меня осталось да думка беспокойная.

Чтобы отвлечь ее, мы старались говорить о будущем детей, о разных хозяйственных делах, в которых колхоз обещал ей помощь. Вспоминать о страшных событиях позапрошлой ночи все, — и она в том числе — в разговоре избегали. Только уже перед самым прощаньем Евдокия Николаевна Неврода отвела меня в сторону и, пристально глядя в глаза, сказала:

— Мертвого, знаю, не воскресить. И горю моему вы не поможете. Одно хочу услышать: найдете вы их? Есть такая надежда?.. Ведь страшно жить, когда люди такие по земле ходят!

— Найдем, Евдокия Николаевна! — уверенно пообещал я. — Конечно, чем больше люди нам помогут, тем скорее это случится. Вот и вы во многом можете нам помочь. Припомните, были у вас или у вашего мужа в последнее время с

кем-нибудь стычки? Или раньше кто-нибудь ему угрожал?

Женщина покачала головой:

— Нет, не упомню такого! Характеру он был спокойного, рассудительно с людьми обращался. Иной бы накричал, а он с шуткой или будто за советом, глядь, незаметно по-своему и повернет... А люди за это к нему с уважением... За всю жизнь только один человек на него и злобился, да и тот сгинул. Даже вспоминать о том не стоит.

— А все-таки расскажите!

— Федор Савчук у нас тут начальником полиции был, а потом, как гитлеровцев прогнали, с бандой в лесу прятался. Ну, Вася, муж мой, его изловил и судить представил. Так Федор этот, Савчук, кричал тогда, что из гроба встанет, а за все отомстит...

— У него кто-нибудь остался в селе?

— Кто уж! Старуха Савчукова давно померла, сын жинку бросил и с гитлеровцами подался...

— А жена младшего Савчука что собой представляет?

— Баба как баба! Известно, осталась ни женой, ни вдовой — вот на весь свет и злобится. Все от людей в сторону. Даже в лес по ягоды или за хворостом одна норовит.

Мое решение установить за хатой деда Карпа наблюдение, после всего рассказанного женой Невроды, еще более окрепло.

Но теперь в свой, согласованный с майором Костенко план, я решил внести некоторые коррективы.

— Евдокия Николаевна, — спросил я, — нельзя ли будет поселить у вас одного человека? Только, чтобы жил он под видом какого-нибудь вашего родственника, мол, в гости приехал. Для нас это большая помощь была бы.

Женщина задумалась.

— Вот уж не знаю... — нерешительно сказала она. — Братов моих здесь все знают: нет, нет, и наезжали в гости в наше село. Муж сестрин — личность в районе известная, бригадир он знатный. Вот, разве, вроде племянник приехал? Тот, что в Донбассе на шахте работает! Летом ведь обещал навестить, погостевать. Ну и подумают люди: на похороны, мол, отпросился...

— Очень хорошо! На том и порешим. Значит, ждите завтра гостя!

Распростившись с женой Невроды, мы направились к сельсовету. По дороге я решил забежать к Трофиму Петровичу, поблагодарить за хлеб, за соль. Однако резника дома не оказалось.

— Дед Карп кликнул его... Кабана вдруг надумал резать, — пояснила Настя. — Может, сбежать позвать?

— Что вы, Настенька! Зачем человека от дела отрывать? Просто, передадите мой привет и благодарность за ночлег и угощение.

Я догнал своих спутников и сообщил им о только что сделанном новом открытии.

— Да, это действительно странно, — согласился со мной подполковник. — Праздника никакого не предвидится, и в это время, обычно, на селе никто свиней не режет. Разве для

продажи старик решил? Надо будет проверить, повезет ли он мясо на базар?

— Вряд ли для базара, — с сомнением покачал головой майор Костенко. — Никакой выгоды нет. Свиньи в это время еще неоткормлены, значит, сало будет плохое, а это прямой убыток.

Уже не задерживаясь, мы выехали из села и в райцентре были еще засветло.

— Что ж, давайте подведем итоги? — предложил я, когда мы, помывшись с дороги, собрались в кабинете Костенко.

— Выводы из собранного материала можно сделать следующие, — начал майор. — Построенная нами версия вероятна, но каждый из фактов нуждается в подтверждении. Есть еще очень слабые звенья. Наиболее шатко предположение о связи деда Карпа с кем-то из Савчуков. Связь эта могла бы существовать только в том случае, если бы Степан и Федор Савчуки находились где-то поблизости от села. Возможно ли это? В отношении Степана Савчука трудно что-либо утверждать или отрицать. О судьбе его мы знаем только одно — он ушел с немцами. Правда, его могли перебросить к нам, как шпиона или диверсанта, но доказать это мы можем, только поймав его с поличным. В отношении Федора Савчука положение иное. Он отбывает наказание, и срок наказания еще не истек. Следовательно, в данное время он должен находиться в местах заключения. Если его там нет — значит — он умер или сбежал. И то и другое легко проверить.

— Значит, отметим, — записал на листке бу-

маги Савин.— Послать запрос о Федоре Савчуке, предварительно установив место его заключения.

— Теперь о причастности к убийству, пусть даже косвенному, Карпа Вугляра. Многого говорит за то, что ножны, потерянные убийцами, изготовил он. Однако, на основании наших данных, мы еще не можем привлечь его к ответственности. Нужны более веские доказательства. Я думаю, что обрезок кожи, захваченный вами, товарищ полковник, во многом нам поможет. Я уже послал его на исследование и, если эта кожа окажется идентичной той, из которой изготовлены ножны и ремень, — мы получим очень важную улику.

Твердым и четким почерком он сделал под первой записью вторую: «Анализы кожи».

— Тогда уж допишите, подполковник: «и дратвы». — Я полез в карман и вынул спичечный коробок, в который спрятал обрывок просмоленной суровой нитки. — Еще одна памятка от деда Карпа! Возле его сапожного стола валялось несколько таких обрывков, и я нарочно притиснул их каблуком, чтобы унести незаметно.

Костенко позвонил и передал коробок вошедшему лейтенанту, приказав срочно отправить дратву на анализ.

Обсудив еще ряд деталей, требующих проверки и уточнения, мы перешли к основному, наиболее волновавшему нас вопросу.

— Успех наших поисков будет зависеть от того, сумеем ли мы с теми немногими данными, которые имеются в нашем распоряжении, про-

следить за нитью, ведущей к преступникам из хаты старого чинбаря,— вернулся к прерванному разговору Костенко.— Я считаю, что, получив анализы, мы сможем действовать более решительно.

— То есть?— заинтересовался я.

— Допросить старика и произвести у него обыск. Под давлением улик он несомненно признается, кому передал ножны, ремень, а может быть, и нож.

— Очень поспешное решение,— заметил Савин.

Я согласился:

— Безобразно поспешное! В случае связи старика или дочери с преступниками, мы, действуя подобным образом, сами подрубим сук, на котором сидим. Только наблюдение за хатой деда Карпа может привести нас к убийцам! Недаром же его дочь бегает в лес. Не случайно, по-видимому, колет сейчас кабана старик. Не на базар, а в лес отправит он мясо и сало.

— Если они в лесу,— сказал Костенко,— то прячутся где-то вблизи села. Значит, прочешем лес и поймаем...

— Или спугнем... Ведь не будут же они поджидать нас с вами! Кстати, есть что-нибудь новое о двух неизвестных, которые скрылись от нас в лесу?

— Весь участок обследован. Никого обнаружить не удалось.

— Вот, видите!..

— Можно расширить фронт поисков,— уже не совсем уверенно предложил Костенко.

— Одно другого не исключает. Поиски вести нужно, однако очень осторожно. А наблюдение за Вугляром и его дочерью будем продолжать. Выделите оперативную группу, которая этим займется. Начальник группы может поселиться у вдовы Невроды под видом ее родственника. Это развяжет ему руки.

— А если наша версия окажется ложной?

— Давайте снова ее пересмотрим, повернем все факты так и этак. Если найдем новую исходную точку, поведем следствие и по этому пути... Итак, в нашем распоряжении есть пока одно вещественное доказательство — ножны с ремнем. Подполковник Савин, вам предоставляется первое слово...

До позднего вечера мы просидели в кабинете Костенко, строя один вариант за другим, и в конце концов убедились, что самое разумное — подождать результатов анализа и ответа на запрос о Федоре Савчуке.

Усталость, накопившаяся за время нашей длительной поездки, давала себя знать, — на следующее утро я проснулся довольно поздно. Накануне мы с подполковником условились съездить в соседний район, с тем, чтобы снова возвратиться сюда к вечеру. Однако осуществить поездку не удалось. Не успели мы с Савиным побриться, как в гостиницу к нам прибежал посланец от Костенко. В короткой записке майор сообщал, что анализы с несомненной точностью показывают: кожа ножен и взятый мною со стола сапожника клочок — были из одного куска. Это подтверждала и структура материала, и способ выделки, и многие другие данные.

Дратва, которой были прошиты ножны, и обрывок, прилипший к моему каблуку, тоже вполне совпадали. Просмолены они были одинаковым составом. Сведения о Федоре Савчуке, писал Костенко, еще не получены.

«Похоже, что мы идем по верному следу», — удовлетворенно подумал я.

— Может, дождемся сообщения о Федоре Савчуке? — предложил Савин.

Я с нетерпением ожидал ответа на наш запрос и поэтому охотно с ним согласился.

Однако получили мы его только на следующее утро. В шифровке сообщалось, что «отбывающий наказание Савчук Федор Павлович в июле этого года совершил побег из заключения. Меры, принятые к розыску преступника, результатов пока не дали».

Итак, одно звено нашей цепи становилось на место.

Оперативная группа, отправленная в село Боровое, пока не сообщила ничего существенного. Ни днем, ни ночью в хату к деду Карпу никто посторонний не заходил, а старик и его дочь за пределы села не отлучались. Правда, лейтенанту Орлову, руководителю группы, показалось подозрительным, что Любовь Савчук целый день находилась в людных местах, явно прислушиваясь к разговорам. Сама она в беседу ни с кем не вступала. Соседи Вугляра недоумевали: «Почему дед Карпо, в нарушение закона и вопреки своему обычаю, не снял шкуры с забитого кабанчика? То ли уж очень спешил, то ли хотел, чтобы сало лучше сохранилось?»

В ожидании последующих событий я и Са-

вин выехали в соседний район, собираясь к вечеру вернуться обратно. Однако дела задержали нас дольше, чем мы ожидали, — пришлось ограничиться телефонным звонком к майору Костенко. Новость, которую он сообщил, ошеломила нас: в областную больницу в безнадежном состоянии доставлен неизвестный, в котором одна из санитарок, родом из села Боровое, опознала Федора Савчука. Никаких иных подробностей Костенко сообщить не мог, так как сам только-что получил телефонограмму из области.

— Вот и зашаталось все возведенное нами здание, товарищ полковник! — с досадой проговорил Савин.

— Во-первых, санитарка могла ошибиться... Во-вторых, мы не знаем, где, как и при каких обстоятельствах был задержан или найден этот доставленный в больницу человек... Я думаю, Костенко запросил подробности, однако в область необходимо сейчас же выехать либо вам, либо мне. Мы в курсе многого, чего там еще не знают. Мы выиграем время и скорее придем к какому-то решению.

Савин взял со стола фуражку:

— Разрешите собираться?

— Да, возьмите мою машину. Я достану здесь, в районе, и выведу к Костенко. Боюсь, растерявшись, он может проявить горячность. Утром буду ждать вашего звонка.

Мои опасения, что Костенко мог растеряться, к сожалению, оправдались. Из Борового он получил сообщение, что дочь деда Карпа перед рассветом задами дворов пробралась в лес с

довольно объемистым узлом, но далеко в чащу не углубилась, а спрятала принесенное в хорошо замаскированном дупле. Очевидно, это был условный передаточный пункт, так как она, ни с кем не встретившись, скоро вернулась обратно.

За дуплистым деревом было установлено наблюдение.

— Вы понимаете, что может получиться, товарищ полковник? — нервничал Костенко. — К этому дереву никакой дьявол не подойдет, раз Федор Савчук оказался в больнице. Мой пост наблюдения потеряет время напрасно. А эта Любушка-голубушка будет преспокойно отдыхать в полной уверенности, что ее посылка пришла по назначению. Я считаю, что надо добиться ордера прокуратуры на арест старика и его дочери.

— Давайте рассуждать логически. Узел спрятан чуть ли не на опушке леса. Сомнительно, чтобы человек, скрывающийся от правосудия, рискнул сюда прийти. Почему не допустить такого: ночью плутать в лесу страшно, а утром выходить с большим узлом — очень заметно. Вот она и отнесла его в лес затемно, спрятала, как не раз уже это делала, в хорошо ей знакомом месте, чтобы потом, войдя в лес с пустыми руками, не опасаясь случайных свидетелей, захватить свою передачу и принести ее по назначению.

— Ох, теряем мы время! Ведь Савчука-то нет! В больнице он!

— Не забывайте, убийц было двое.

— Этим вторым мог быть сам дед Карпо.

Один из преступников побежал в лес, а он к себе домой.

— Старый человек вряд ли пойдет на такое преступление.

— Что же вы советуете?

— Продолжать наблюдение за дочерью старика.

Наш спор разрешился очень неожиданно. Из Борового позвонил лейтенант Орлов, очень взволнованный и еще больше обескураженный:

— Любовь Савчук пошла в три часа дня в лес и до сих пор не вернулась. Сержанта Фесенко, которому было поручено наблюдение за тайником, на месте не оказалось. По-видимому, он последовал за женщиной. Я думаю снять наблюдение за хатой и всей группой углубиться в лес. Просьба прислать проводника с ищейкой.

Костенко сразу повеселел и торопливо ответил Орлову:

— Руководить операцией буду лично. Сейчас выезжаю. О проводнике и собаке беспокоюсь... Ждите. Еду...

Эта ночь тянулась для меня бесконечно долго. Я очень жалел, что, уступив настояниям Костенко, не выехал в Боровое. Моя помощь, возможно, и не была нужна, однако узнал бы я все скорее и не томился бы так неизвестностью. Под утро я прикурнул на диване, в кабинете майора, но долгий телефонный звонок заставил меня сразу же очнуться.

— Поздравьте и примите мои поздравления!—кричал в трубку Костенко.—Пойман Степан Савчук... Собственной персоной!

Вскоре он рассказал мне о подробностях операции. Она едва не закончилась для майора Костенко трагически. Заметив погоню, уже почти настигнутый собакой, бандит обернулся к майору и вскинул обрез. Но, к счастью, обрез дал осечку. В двенадцать дня позвонил Савин и сообщил, что Федор Савчук был задержан на узловой станции, — работникам милиции показался подозрительным его вид и они решили проверить его документы. Рванувшись из рук милиционера, Савчук пытался вскочить на отходящий товарный поезд, но сорвался и сильно ударился головой о проезжавшую багажную тележку. Не приходя в сознание, он скончался в больнице.

При осмотре вещей Федора Савчука был обнаружен финский нож с едва заметными следами запекшейся крови. Анализ показал, что это человеческая кровь и группа ее такая же, как у Невроды.

При допросе арестованных — Степана Савчука, Любови Савчук и Карпа Вугляра — ни я, ни Савин не присутствовали. Оба мы в тот же день выехали домой.

Только много позже я узнал небезынтересные подробности этого дела.

Оказавшись по окончании войны в лагере для перемещенных лиц, Степан Савчук был вербован одной из иностранных разведок, и, после соответствующей подготовки, переброшен на территорию Советского Союза для выполнения специального задания. Однако родная земля словно мстила своему изменнику. Спустившись на парашюте в глухом лесу, Савчук едва

не погиб в топком болоте. Чудом удалось ему спастись, однако, выбираясь из трясины, он растерял все свое снаряжение. Рация утонула в болоте, и он лишился возможности установить нужные связи. В каждом шорохе, в каждом треске сухой ветки ему чудилось преследование. Животный ужас гнал его, словно дикого зверя, в самые глухие дебри. Вскоре он понял, что у него осталось только три выхода: проглотить зашитую в воротнике ампулу, явиться с повинной или незаметно пробраться домой. Страх перед смертью и ответственностью заставили его отбросить два первых способа избавиться от мучений...

Более месяца скрывался Степан Савчук на чердаке, в доме тестя, и начал уже приходить в себя после всего пережитого, как вдруг поздней ночью в хату деда Карпа постучался отец Степана — бежавший из заключения Федор Савчук.

Ради дочери дед Карпо терпел присутствие зятя, но совсем не был склонен рисковать из-за свата.

— Вот что, Федор, — заявил он решительно, — день-два пересидеть можешь, а там — не обессудь, ищи себе другой схованки. Да и тебе, Степан, пора думать, что делать. Не век же на чердаке сидеть! Рано или поздно, а люди приметят. И тебе тогда конец, и мне отвечать придется.

В ожидании счастливой случайности, которая даст им возможность раздобыть «чистые» документы, Савчуки переселились в лес.

Не долго, однако, жили они в относительном

мире и согласии. Каждый из них считал другого помехой на пути к своему спасению. Стычки и ссоры возникали между ними все чаще и скоро переросли в открытую вражду. Особенно возненавидел отца сын. Трусливый по характеру, он все с большей подозрительностью относился к ночным вылазкам отца, догадываясь, что случаи внезапных пожаров, порчи семенного материала, падежа скота в окрестных колхозах, о которых рассказывала во время свиданий жена — дело рук Федора Савчука. Не о колхозном добре, конечно, болел душой Степан. Он боялся, что своим неосторожным поведением отец погубит их обоих. Особенно опасался он, что Федор Савчук сведет, наконец, свои давние счеты с Невродой: а ведь Боровое было основной базой снабжения, единственное место, в котором они могли рассчитывать на помощь. И Степан потребовал от отца, чтобы тот до поры до времени не трогал Невроду. Федор Савчук дал сыну слово.

Порешив как можно скорее, до наступления холодов, разойтись в разные стороны, Савчуки усиленно начали готовиться к осуществлению задуманного плана. Все чаще навещала в лесу мужа и свекра Любка, готовя их в дальнюю дорогу. Это и привлекло внимание Невроды. В горячке сборов Любка утратила всю осторожность и вдруг заметила, что председатель колхоза стал чересчур часто встречаться на ее пути.

— Следит он за мной... Ох, чует мое сердце, следит! — поделилась своими страхами Любка.

Она ушла, а Савчуки порешили: немедленно убрать Невроду с пути. Теперь и Степан согла-

шался, что действовать нужно быстро, — пока председатель не ударил тревогу.

В ту же ночь Неврода был убит.

Дед Карпо понял, что ножи, изготовленные им зятю и свату «на дорогу», были использованы ими не для защиты от лесных зверей. Он понял это и промолчал.





ПОЛЕТ В НИКУДА

Полковнику Снежко снилась рыбная ловля. Будто сидит он на берегу озера и напряженно следит за тихонько вздрогнувшим поплавком. Вот красное перышко дернулось сильнее, поплавок повело в сторону. Сейчас он совсем скроется под водой — время подсекать! А тут, как на грех, зазвонили звоночки надонка. Их длинные удилища выгнулись дугой. Бьются, мечутся рыбы, до предела натягивая леску... звоночки звонят все сильнее, все заливистей... «Какую же надонку хватать первой? Пожалуй, вот эту, крайнюю...»

Потянувшись к удилищу, он с силой рванул его и... проснулся: на тумбочке у кровати пронзительно звонил телефон.

Силясь удержать в памяти ускользающие обрывки приятного сновидения, Снежко снял трубку.

— Слушаю, — пробормотал он вяло.

Резкий голос дежурного показался Снежко испуганным. Новость грянула, как выстрел у виска.

Полковник вскочил с кровати и крепко стиснул трубку:

— Убит лейтенант Конигин?.. При каких обстоятельствах?.. Да, да, слышу... Высылайте машину!

Быстро одевшись, он спустился к подъезду своего дома. Машина еще не прибыла, и Снежко, нервничая, зашагал взад и вперед по тротуару.

Невольно ему казалось, что рядом с ним шагает статный, смуглолицый лейтенант, привычный спутник многих таких же выездов на места происшествий. Воспоминание об этом было настолько живо, что полковник на минуту усомнился в достоверности только что полученного известия.

«Может быть, он только ранен... Может быть, в милиции вообще что-то напутали. Позвонили в отдел госбезопасности не с места происшествия, а на основании какого-то заявления...» — успокаивал он себя.

Расстроенное лицо капитана Васильева, выскочившего из машины, вернуло его к действительности. Капитан сообщил, что Конигин действительно собирался не то вечером, не то сегодня утром выехать в один из ближайших населенных пунктов для расследования какого-то дела. Убийство совершено на дороге, ведущей именно к этому населенному пункту. Женщина, позвонившая в милицию, очевидно, знала Ко-

нигина в лицо, так как определенно назвала его фамилию...

Машина помчалась еще безлюдными улицами города, вырвалась на широкое, покрытое асфальтом шоссе.

— У первой развилки, — угрюмо указал вперед капитан Васильев.

Шофер молча кивнул головой и увеличил скорость. Низко нависшие облака стремительно поплыли навстречу машине. В сплошную полосу слились чахлые деревца, посаженные вдоль магистрали. Утренняя роса покрыла их сизоватым налетом.

Вблизи развилки шофер затормозил.

— Здесь или повернем на грунтовку? — спросил он хрипло и вытер рукой вспотевший лоб.

Полковник сделал знак остановиться. Все трое вышли из машины. Отсюда хорошо было видно распростертое на обочине грунтовой дороги неподвижное темное тело.

Лейтенант лежал на спине, с чуть завалившейся назад головой. Его затянутую шнуром шею пересекала длинная поперечная рана. На застывшее лицо густо осела утренняя роса. Словно серебристым ворсом, ею была покрыта и вся одежда убитого.

— Осмотрите труп! — приказал Снежко тем жестким тоном, который всегда появлялся у него в минуты наибольшего душевного волнения.

Капитан Васильев склонился над убитым.

— След шнура неясный. Очевидно, удушение не удалось и тогда перерезали горло. Стран-

но, имеется и след пулевого ранения в затылочной части... Документы целы. А вот и деньги — пятьсот рублей. Кобура расстегнута... Пойдите, пойдите, а где же оружие? — капитан Васильев выпрямился и вопросительно взглянул на полковника.

— Надо осмотреть все вокруг. Возможно, у Конигина выбили из руки пистолет, когда он хотел защититься. Посмотрите с той стороны, а я обследую с этой. Вы, Саша, — кивнул Снежко шоферу, — пройдите назад. Борьба могла завязаться раньше, чем он упал.

Все трое низко склонились над побуревшей редкой травой.

Пистолета нигде не было.

— Что ж, иногда отсутствие вещи гораздо красноречивее, чем ее присутствие, — задумчиво сказал полковник, когда место происшествия было обследовано. — Присядем, капитан, здесь, в сторонке, и давайте разберемся в том, что нам удалось установить. Не кажется ли вам странным способ убийства?

— Более чем странным, товарищ полковник. Шнур, нож, выстрел... Слишком уж много орудий убийства! Или это изуверство, или попытка устрашающе подействовать на психику тех, кто будет производить расследование, чтобы сбить их со следа...

— А мне кажется, что вы немного увлеклись, капитан. В действительности все было гораздо проще.

— То есть?

— Переставьте последовательность, в которой вы перечисляли орудия убийства. Скажем

так: шнур, выстрел, а потом уж нож. Улавливаете, в чем здесь разница?

Капитан смутился:

— Признаться, нет.

— А между тем, если вникнуть, все становится до очевидности ясным. Я представляю себе картину убийства так: человек, замысливший преступление, идет рядом или почти рядом с лейтенантом. Конигин вооружен и достаточно силен физически, поэтому преступник не решается напасть на него открыто. Тогда, выбрав подходящий момент, он набрасывает на шею своей жертвы шнур. Слишком неловко, чтобы удушить сразу. Конигин рванулся и вырвал конец шнура из рук убийцы. Задыхаясь, он пытается раздвинуть петлю, сдавившую его шею. Одно короткое мгновение, на которое он остановился. Но его достаточно для убийцы. Выхватив из кобуры Конигина пистолет, подбежавший сзади преступник стреляет. Сделав по инерции шаг вперед, лейтенант упал, он еще хрипит в агонии. У преступника мелькает мысль, что рана не смертельна. Тогда он перевернул свою жертву вверх лицом и, «для уверенности», полоснул ее ножом по горлу... Это, конечно, лишь грубая схема, но ход событий, я убежден, был именно такой. Присмотритесь к следам, оставленным на земле, к примяностям травы.

— Но мог ли Конигин подпустить к себе незнакомому человека? Он был сама предусмотрительность и осторожность! — воскликнул капитан.

— Значит, что-то усыпило его бдительность.

— Или кто-то?

— Безусловно, мог быть и соучастник, который отвлек внимание лейтенанта.

— И, однако, все это очень странно. Ведь непонятны самые мотивы убийства. Ограбление? Нет! Все вещи Конигина целы, даже деньги сохранились. Документы на месте — он всегда носил их в правом внутреннем кармане кителя. Правда, исчез пистолет... но преступник мог бросить его где-нибудь дальше или просто механически сунуть в карман. Возьмем другой вариант — убийство из мести. Насколько я знаю, у Конигина не было личных врагов. По крайней мере, явных. Конечно, какой-нибудь преступник, которого он помог изобличить... Как вы считаете, не следует ли поинтересоваться всеми делами, которые вел Конигин?

— Наше дело найти убийцу, и надо прощупать все нити, могущие привести нас к цели. Однако слишком расплывать внимание тоже не следует. Выберем сначала наиболее вероятные варианты... Знаете, что наиболее меня поражает? Такая деталь, как исчезновение оружия! Преступник мог совершить убийство именно с целью завладеть пистолетом... Как вы на это смотрите, капитан?

— Вполне реальное предположение... Но как доказать это фактами?

— Нужно извлечь пулю, и если она окажется из пистолета Конигина... какой у него был пистолет, мы знаем!

— Понимаю! Это докажет, что преступник не имел своего огнестрельного оружия. Значит...

— Оно было ему крайне необходимо, и он решил приобрести его любыми средствами!.. А теперь направляйтесь в судебно-медицинскую экспертизу. Чем скорее мы будем иметь интересующие нас данные, тем лучше... Жаль, никогда не думал, что с Конигиным может такое стрястись!

Полковник поднялся и подошел к убитому. Прищурив глаза, он еще раз внимательно осмотрел землю, на которой лежало тело лейтенанта, мысленно отмечая каждый мельчайший след, могущий стать полезным в раскрытии преступления. Капитан Васильев остановился немного поодаль. Невыразимая тоска сжимала его сердце. Он дружил с лейтенантом, и в его сознании до сих пор как-то не укладывалось, что Конигина нет в живых. «Нет, невозможно смириться, — мысленно говорил он себе, — нужно действовать, еще и еще искать!» Наклонившись, капитан начал шарить в траве и вдруг быстро вскочил на ноги.

— Товарищ полковник! — крикнул он возбужденно. — Интересная находка!..

Полковник увидел на его ладони женскую приколку для волос, очень нарядную, необычной формы безделушку.

— Смотрите, обронена недавно! Она не успела заржаветь или покрыться пылью. В приколке зажато два рыжих волоска.

— Да, очень ценная находка, — согласился полковник. — Она подтверждает мысль, что у преступника был соучастник, вернее, соучастница.

— Теперь понятно, почему Миша Конигин

не принял мер предосторожности. Женщина обычно вызывает меньше подозрений.

— А не могла ли сопровождать лейтенанта какая-нибудь дама его сердца?

— Что вы! У Конигина молодая жена, он был хорошим семьянином, и до его женитьбы я не замечал за ним какого-нибудь донжуанства, хотя он очень нравился женщинам. Мы даже посмеивались, что некоторые его соблазняют, как Иосифа Прекрасного... Был даже случай...— капитан оборвал фразу, оживленное лицо его застыло в мучительном напряжении поймать какое-то ускользающее воспоминание.— Да, была одна рыженькая, она буквально преследовала Конигина! Ну, просто изнывала от любви к нему.

— Кто же такая?— заинтересовался полковник.

— Вы, может, помните смазливенькую девушку в буфете на вокзале? Феней ее зовут. Теперь она где-то в другом месте работает.

— К сожалению, стар, чтобы на смазливеньких девиц заглядываться... На всякий случай поинтересуйтесь этой Феней. И вообще, точно установите, когда отправился Конигин на выполнение задания, ехал ли он или шел, проверьте, кто его видел в последний раз и все прочее... Вечером доложите мне лично.

В столовой шахты «З-БИС» сегодня было особенно шумно и многолюдно. Хотя спиртных напитков здесь не продавали, но пили почти за каждым столиком. По пути в столовую многие прихватывали в магазине бутылку, чтобы по

случаю выдачи зарплаты «раздавить по ма-ленькой».

Большинство посетителей уже изрядно под-выпили, и разговоры за столиками становились все громче, все оживленнее, а требования по-скорее подать заказ — все нетерпеливее. Спле-таясь между собой, эти отдельные окрики, вос-клидания, непривычно громкие голоса напол-няли зал тем особенным гулом, который можно сравнить только с шумом приборя.

Капитан Васильев невольно остановился у по-рога, пораженный этой необычной для столо-вой обстановкой.

«Пожалуй, для того, чтобы не выделяться, и мне надо было бы захватить с собой бутылоч-ку», — подумал он и одернул синюю рабочую спецовку, так непривычно, свободно облегаю-щую тело.

Медленно продвигаясь меж столиков, Василь-ев прошел в глубину зала. Здесь тоже было тесно, но оставалось несколько незанятых сту-льев. Один из них стоял у стола, за которым сидели высокий плечистый парень и рыжеволо-сая худенькая девушка.

— Разрешите присесть? — спросил Васильев непринужденно.

Парень поднял на него мутные, посоловевшие глаза.

— Катись! — бросил он зло. — Не видишь, что сижу с девушкой? — Не обращая больше внимания на Васильева, он перегнулся через стол, пытаясь дотянуться до бутылки, которую девушка придвинула поближе к себе. Неловко взмахнув рукой, он осушил очередные «сто

пятьдесят», тупо посмотрел на стакан и небрежно отодвинул его локтем.

— Совсем очумел, — сказала девушка и, подняв стакан, добавила уже сердито: — Мог бы, кажется, в такой день...

Ее дальнейших слов капитан не расслышал, так как рядом поднялась со своих мест шумная компания. Васильев присел на освободившийся стул неподалеку.

— Эх, Феня, Феня! — укоризненно выговорил тот. — Не понимаешь ты, что мне душу в вине утопить хочется. Этакое пережить! Петлей, а потом по горлу...

— Да не кричи ты, дурной! Об этом лучше молчать. И вспомнить-то страшно.

Горячая волна ударила в голову капитану, в ушах так зашумело, что с минуту он ничего не слышал. Потом снова до него донесся голос рыжеволосой:

— Плати, да пойдём! Совсем тебя, горький мой, развезет.

Васильев быстро повернулся и просительно взглянул на девушку:

— У вас, кажется, есть лишний стакан... Дайте, красавица, коли не жаль!

— А мне что, берите, — равнодушно сказала девушка и встала, поправляя волосы.

«Приколка, точно такая же...» — пронеслось в сознании Васильева.

Парень тем временем вытащил из кармана пятьдесят рублей и небрежно бросил их на стол.

— Нюся, возьми! — крикнул он проходящей официантке, не ожидая, пока она подойдет

к столику, нетвердо ступая, направился к выходу. Рыжеволосая поспешно последовала за ним.

— Вы что будете кушать? — спросила официантка Васильева, пряча оставленную пятидесятирублевку в карман передника.

— Водочки бы мне, грамм этак двести... Appetit, глядя на моего соседа, знаете, разыгрался, — возможно равнодушнее сказал Васильев, зная, что водки она не подаст.

— У нас это воспрещается, — строго сказала официантка.

Капитан кивнул на опустевший столик.

— Значит, для тех есть, которые сдачи не требуют?

— Вы, гражданин, не имеете права оскорблять! — обиделась девушка. — Если Нестеренко выпивши, так Феня сама счет сведет. Не первый раз так-то. А водку каждый сам несет, хоть говори им, хоть не говори...

— Ну, тогда прошу прощеньица. Пойду и я для аппетита прихвачу.

Васильев вышел из столовой и в конце улицы увидел знакомые фигуры. Парень тяжело переступал ногами, всем корпусом наваливаясь на тщедушную девушку, которая силилась его подержать.

— Здорово сегодня Нестеренко нализался! — будто невзначай заметил Васильев стоявшему у входа молодому шахтеру.

— Получка длинная, а ум короткий, — равнодушно ответил тот.

— А он где сейчас работает? Слышал я, пере-

— Ваську Нестеренко? Вот, выдумал! На первом участке он, как и раньше. Он у начальства в почете! Вчера смену прогулял, и то как с гуся вода!

«Прогулял смену. И тот разговор с Феней, который она старалась оборвать... Неужели такая неожиданная удача? Нет, не надо увлекаться! Сначала все проверить... Пойти к начальнику участка и расспросить о Нестеренко, узнать подробнее о Фене. Еще раз поговорить с шофером и работницей ОРСа, заметившей на перекрестке военного с женщиной...»

Нетерпеливые мысли роем кружились в голове капитана Васильева.

До вечера остались считанные часы, а полковник, он знал определенно, потребует прежде всего фактов.

* * *

Полковник Снежко с раздражением слушал доклад майора Лысенко, только что вернувшегося из командировки:

— Не понимаю, майор, вашего олимпийского спокойствия, — не выдержал наконец полковник. — Три месяца прошло после сообщения «Южного кедра» о направленном в нашу область диверсанте, но... чего же мы достигли? Ровным счетом ничего! А теперь вы утешаете меня, что, мол, вражеский агент фактически связан по рукам и ногам, так как при высадке все его шпионское снаряжение погибло, а явки, которые были даны ему и его напарнику, провалены. Слабое утешение! Никуда не годная по-

пытка оправдать свою беспомощность! Да и можем ли мы полагаться на те сведения, о которых вы мне только что говорили?

— Все совпадает. Дата, указанная «Южным кедром», и количество парашютистов. Даже приметы, указанные тем типом, что мы захватили, совпадают...

— Вы лично ознакомились с протоколами допроса задержанного?

— А как же! К сожалению, о своем напарнике он мог сообщить немного: задание они получили общее, но инструктировался каждый отдельно и до вылета не встречались. Кличка того, которому удалось скрыться, «Зубр».

— Приметы?

Майор закрыл свой блокнот и, минуту помедлив, сказал смущенно:

— С приметамии как раз и плохо. Слишком уж невыразительны. Средний рост, светлый шатен, глаза неопределенного цвета, не то светло-карие, не то зеленоватые. Лицо славянского типа. Ни одной привлекающей внимание черты!

— Да, попробуй поищи по таким признакам!.. Что же вы намерены предпринять?

— Действовать в том же направлении, что и раньше.

— Долго же придется искать!

Майор пожал плечами.

— Иного выхода не вижу. Наблюдение за эфиром ничего не дало, да и не может дать, поскольку шпион лишился рации. Думаю, что потеряв связь, без денег и оружия, без... — майор остановился, заметив, что выражение лица полковника странно изменилось, и вопросительно

взглянул на Снежко. — Вы что-то придумали иное, товарищ полковник?

— Так, мелькнула одна мыслишка. Пока не оформленная. Позже обсудим! А пока я хотел бы вас попросить еще немного задержаться — сейчас должен прийти Васильев, послушаем, что нового скажет он о сегодняшнем убийстве.

— Меня просто ошеломило, когда я узнал. Хлопец-то какой золотой! Моя Полина Михайловна сейчас у жены Конигина. Воображаю, что с бедняжкой! Недавно поженились, такая пара была!

Снежко нахмурился. Человек сдержанных чувств, он не любил напрасных сожалений. Заметив, что разговор о погибшем полковнику тягостен, Лысенко умолк, в душе ругнув себя за «причитания».

Не сразу возобновившийся разговор протекал вяло. Время от времени оба посматривали на часы, и когда на пороге появился капитан Васильев, оба облегченно вздохнули.

Капитан вошел стремительно, глаза его блестели — по всему было видно, что он доволен собранными сведениями.

— Не спрашиваю, есть ли новости, так как вижу, что вам не терпится их сообщить, — усмехнулся Снежко. — Итак, что вам удалось узнать?

— Не слишком уж много, но кое-что есть, отправной, так сказать, пункт. Убийц Конигина видели!

— Прошу по порядку, капитан!

— В 19 часов Конигин был на автобусной остановке. Не дождавшись автобуса, он «прого-

лосовал» грузовой машине и сел в ее кузов поверх кочанов капусты. Удалось установить, что овощи предназначались для ОРС'а треста «Краснолучуголь», и, таким образом, я легко нашел грузовик, подобравший лейтенанта: ГАЗ-150, номер 2075. Шофер — некто Кирилюк, подтвердил, что он подобрал в машину военного в форме лейтенанта. В кабине с шофером ехала девушка, экспедитор ОРС'а, Снигирева. И она и шофер утверждают, что на первом перекрестке лейтенант попросил остановить машину и сошел...

— Люди на перекрестке были?

— Шофер никого не заметил, но девушка, сидевшая в кабине, твердо помнит, что на перекрестке стоял военный с женщиной. Лица она не разглядела, так как начало уже темнеть, да она и не присматривалась.

— Какое расстояние от перекрестка до места, где обнаружен убитый Конигин?

— Ровно 300 метров. Вполне вероятно, что военный и женщина пошли с Конигиным, как попутчики. Это не могло возбудить у лейтенанта подозрений. Дальше, очевидно, все произошло так, как вы и предполагали.

— Военного и женщину больше никто не видел?

— Нет, дорога была безлюдна.

— Худо!

— Не совсем, товарищ полковник. Очень серьезные подозрения у меня вызывает одна интересная парочка. Помните, я вам говорил о бывшей буфетчице вокзала — Фене?

— Рыженькой?

— Вот, вот. На всякий случай я решил узнать, с кем она сейчас водится, и здесь совершенно неожиданно открылись подробности... — от волнения голос капитана сорвался, — просто поразительные по тому, как некоторые данные совпадают...

— Так, так.. интересно! — оживился полковник.

— Во-первых, оказалось, что она находится в связи с неким Нестеренко, человеком, внушающим подозрения. Сильно пьет, нрава угрюмого, с товарищами по работе не сошелся — очень груб и самоуверен. Правда, работник он неплохой. Я говорил с начальником первого участка, где Нестеренко работает, и тот дал ему хорошую характеристику, как рабочему, однако подтвердил, что парень пьет и вообще в отношениях с людьми диковат. Самое же интересное, что в день убийства Нестеренко не вышел на ночную смену. Впервые за все время прогулял! Причины прогула объяснить отказался...

— Есть еще что-нибудь?

Капитан Васильев подробно рассказал о своих наблюдениях в столовой и дословно передал разговор Фени с Нестеренко.

— На перекрестке видели женщину с военным, — напомнил Снежко.

— Нестеренко демобилизовался из армии, и у него имеется военный костюм.

— Вы проверили, где провели вечер и ночь Нестеренко и Феня?

— Дома Нестеренко не ночевал. Что же касается девицы, — она живет в шахтном поселке, в маленькой комнате с кухней. Ход изолирован-

ный. Соседей расспрашивать побоялся, чтобы не разболтали и не испугнули эту особу. Я считаю, что после их ареста...

— Одну минутку, капитан! — остановил его Снежко. — Вопросы об аресте мы ставить не можем, не имея веских доказательств их вины. Учитите это!

— Но один их разговор в столовой чего стоит!

— Убийство произвело на всех очень тяжелое впечатление, и вполне понятно, что люди о нем говорят.

— Говорят, но не так! Нестеренко был явно подавлен тяжелыми воспоминаниями и хотел, как он выразился, «залить душу вином». А его дама зажимала ему рот. Потом эта приколка, найденная на месте преступления? Я нарочно обошел все магазины. Нигде подобных приколок нет. Та, что мы нашли, настоящая черепаховая, вычурной формы. Очень хитроумный зажим. Волоски, зажатые в ней, рыжеватые, по цвету как раз подходят к волосам Фени. Конечно, она могла потерять приколку раньше. Но ведь самый вид вещи говорит, что ее обронили недавно. Кстати, в прическе Фени я заметил еще одну такую приколку и такой же черепаховый гребень.

— Простите, — вмешался майор, — я еще не знаком с подробностями дела и, возможно, задаю праздный вопрос. Но мне неясны мотивы, по которым девушка могла бы стать соучастницей этого страшного преступления.

— Ревность или обида из-за того, что ею пренебрегали. Я рассказывал полковнику... Одно время она буквально вешалась на шею Кониги-

ну. Мы даже острили по этому поводу, и он ужасно злился.

— В припадке ревности, пожалуй, — согласился Лысенко, но тут же спохватился. — Я подчеркиваю это слово: в припадке... Феня, однако, вскоре утешилась с этим... как, бишь, его... Кажется, Нестеренко? Да и почему бы ее новый поклонник вздумал мстить Конигину за прежние, неразделенные чувства Фени? Согласитесь, это нелогично!

— Девушка могла использовать Нестеренко в своих целях. Узнав, что тому нужно оружие...

— Опять ничего не понимаю! — воскликнул Лысенко. — О каком оружии речь?

— У Конигина исчез пистолет, — пояснил полковник и многозначительно взглянул на Лысенко.

— Ах, вот в чем дело! — взволновался майор.

Снежко молча кивнул и, вынув из ящика стола листок бумаги, протянул его Лысенко:

— Заключение экспертизы. Как видите, извлеченная пуля была выпущена из пистолета Конигина. Какой вывод вы сделаете из этого, майор?

— Преступник не имел при себе огнестрельного оружия!

— Очень рад, что мое и ваше мнение совпадают. А если продолжить эту мысль?

Лысенко все заметнее волновался:

— Преступнику нужно было оружие. Возможно, и убийство это совершено с целью завладеть им.

Не совсем понимая, почему и полковник и майор так возбуждены, Васильев не вмешивался в

разговор. У него невольно зарождалось чувство обиды. Столько потратил он сегодня сил и такие важные собрал материалы, но о них словно бы забыли, говорят о второстепенных деталях!

Полковник угадывал настроение капитана и круто изменил разговор:

— Вернемся, однако, к вопросу о Нестеренко и Фене. Капитан Васильев собрал ценные данные. Мы знаем, когда выехал лейтенант Конигин, и можем рассчитать, когда он сошел с машины. Приблизительно установлено, что его убийцы — мужчина в военном и женщина. Есть серьезные основания предполагать, что это были Нестеренко и его девица. Именно в тот день Нестеренко совершил прогул; именно в эту ночь не ночевал дома; возле убитого найдена приколка, такая же или похожая на ту, что носит Феня; оба слишком уж взволнованно говорили об убийстве...

По мере того, как полковник перечислял факты, лицо Васильева светлело. После каждой фразы, сам не замечая того, он утвердительно кивал головой.

— Однако, — продолжал полковник, — можно очень легко и опровергнуть каждый из этих доводов. Возьмем основной факт, свидетельствующий против Нестеренко — прогул и то, что он не ночевал дома. С молодым парнем, да еще любящим выпить, такое может случиться. Особенно, если у него связь с женщиной. Второе — у Нестеренко есть военная форма, а на перекрестке заметили именно военного. Так ли необычно, что парень, после демобилизации, сохранил военную форму? Ручаюсь, что у большинства

рабочих, бывших солдат, такая форма бережно хранится, как живое воспоминание о трудном и славном прошлом... Теперь о разговоре в столовой. Действительно, он может вызвать подозрения. Но... психика пьяных отличается от психики нормальных людей. Пьяный часто склонен преувеличивать свои чувства. Нередко у него появляются навязчивые идеи, от которых он не может отрешиться. Подробности убийства, действительно, очень страшные, поразили его воображение, когда он о них услышал, и вот, при опьянении, они снова всплыли в сознании с особой, ужасающей силой. О приколке мы уже говорили. Правда, она не совсем обычна, но и не уникальна! Как видите, каждый из доводов против Нестеренко и его подруги можно отбросить. Не обижайтесь, капитан, из этого не следует, что я отвергаю вашу версию. Я только говорю, что ее надо проверить и тщательно проверить, прежде чем решать вопрос об аресте. Это тем более важно, что исходная точка у вас очень слаба. Речь идет о мотивах убийства.

Васильев облизнул пересохшие губы. Ему самому вдруг показалось нелепым предположение, что хрупкая, хорошенькая Феня спокойно помогает убивать Конигина, пусть даже когда-то он невольно и оскорбил ее женское самолюбие.

Полковник продолжал сосредоточенно:

— Так вот, о мотивах убийства. Слишком уж демонические страсти! Девушка такого темперамента не сидела бы за буфетом, а строила бы свою жизнь по-иному. Ваше предположение, что Нестеренко нужно было огнестрельное оружие, а Феня, учтя это, использовала его как слепое

орудие, — неубедительно. Для чего Нестеренко мог потребоваться пистолет? Он не деклассированный элемент, а рабочий, и хороший рабочий. Правда, выпивает и нрава непокладистого. Но разве один он этим грешит? Вы сами говорили, что в столовой было много подвыпивших! Что же до таких черт характера, как грубость и самомнение, то они могут быть и плодом плохого воспитания, и результатом каких-то жизненных неудач. Правда, такие люди, оторванные от коллектива индивидуалисты, скорее могут стать орудием в чьих-то руках. На их слабых струнках легче играть.

— Что же я должен делать, товарищ полковник? — спросил капитан удрученно. — Снова собирать доказательства?

— Вы должны осторожно допросить обоих, не прибегая к такой крайней мере, как арест. Придумайте для этого любой предлог. Скажите, что опрашиваете всех, кто знал Конигина, или что-либо другое. Рекомендовал бы сначала поговорить с Феней.. кстати, как ее фамилия?

— Чумакова.

— Так вот, рекомендую сначала поговорить с Чумаковой. Женщины зачастую более эмоциональны и поэтому скорее себя выдают. А пока — продолжайте наблюдать за обоими. Раз на них упала тень подозрения, надо либо снять ее, либо доказать их виновность. Завтра же с утра займитесь Феней. Или днем, как будет удобнее. Вызовите ее, когда Нестеренко будет на работе.

— Будет исполнено, товарищ полковник!

— А теперь отдыхайте. Мы с майором тоже сейчас отправимся на покой.

Хрупкая пышноволосая девушка смотрела на капитана Васильева со смешанным чувством удивления и тревожного ожидания.

Как вести себя с Феней Чумаковой, капитан обдумал заранее, но сейчас ему пришла новая мысль, — начинать не с вопросов, а заставить девушку разговориться.

Он не спеша прикурил, потянулся к стоящей на краю стола пепельнице, чтобы бросить в нее обгорелую спичку и, словно невзначай, отодвинул локтем лежащий на столе листок бумаги.

— Моя приколка? — воскликнула девушка и растерянно взглянула на Васильева. — Но... почему она у вас?

Сердце Васильева учащенно забилося: «Выдала себя!»

— О чем это вы? Ах, об этой штучке! — возможно беспечнее сказал он и, словно рассматривая приколку, завертел ее в руках. — Действительно, милая вещичка! Это что, черепаха?

— Самая настоящая! Гарнитур у меня целый, подарок... — Феня вытащила из своих пышных волос вычурно изогнутый гребень. Ее лицо сияло простодушной гордостью.

— Плохо же вы с подарками обращаетесь! — усмехнулся Васильев. — Тем более, что, наверное, поклонник преподнес?

— Это для вас должно быть безразлично. Кто дарил, тому и знать...

— Нестеренко, например? — в упор спросил капитан.

Лицо Фени залилось краской, и в глазах блеснул вызов:

— А если и Нестеренко, так что?

— Ничего особенного. Плохо только, что он из-за вас прогуливать начал! Он с вами был позавчера?

— Может, и со мной.

— Не может, а точно — с вами!

— Похоже, что вы за девушками стали наблюдать? — насмешливо спросила Феня. — Что-то не слышала о такой должности! Или новую завели?..

— Напрасно, гражданка Чумакова, уклоняетесь от прямого ответа. От него многое для вас зависит! — холодно, сразу меняя тон, сказал Васильев.

— Странный разговор вы ведете со мной, начальник! Сказали бы уж прямо, что нужно?

— Я прямо и спрашиваю, только вы уклоняетесь от ответа. Повторяю: где вы были с Нестеренко позавчера вечером и что делали?

В комнату вошел полковник Снежко и присел у одного из столов, делая вид, будто углубился в изучение каких-то бумаг. Феня окинула его лишь мимолетным невидящим взглядом. Взмахнув ресницами, чтобы согнать невернувшиеся слезы, она зло ответила:

— Коли не стесняетесь про такое спрашивать, отвечу: спал у меня Василий.

— Значит, вы признаетесь, что были с ним вдвоем?

— Известно, вдвоем, третий тут, небось, знаете, — лишний!

— А приколку где потеряли?

Лицо девушки быстро менялось, — в светлоресничих глазах все ярче разгорались злые огоньки.

— Вы же нашли пропажу, вам и знать! — отрезала она.

— Я-то знаю, а вот вы припомните.

— И головы ломать не стану! Не одинаково, где обронила? Коли такое стряслось, так и голову потерять было можно!

— Что же, собственно, стряслось? — насторожился Васильев.

Девушка ответила не сразу. Она смотрела на Васильева широко раскрытыми глазами. Ее переплетенные пальцы хрустнули.

— Ой, не могу я об этом и вспомнить! — внезапно всхлипнула она.

Поднявшись из-за стола, полковник сделал капитану Васильеву продостерегающий знак и подошел к Фене со стаканом воды.

— Выпейте, — мягко сказал он, — расскажете, когда немного успокоитесь.

— Да нет уж лучше сразу... все равно перед глазами стоит. Так страшно получилось, что люди и не поверят, если им рассказать... Ведь о Конигине мы говорили, когда на него наткнулись!

— Попробуйте, Феня, рассказать все по порядку, — попросил полковник.

— Ну, переночевал у меня Василий, а утром, только светать стало, я выпустила его, чтобы соседи не видели, и пошла немного проводить. Думала, проведу до конца поселка и вернусь. Только Вася разговор один затеял... — девушка замялась.

— Не стесняйтесь, все, что вы расскажете, останется между нами, — успокоил ее Снежка.

— Чтобы понятно вам было, я про себя, то-

варищ полковник, скажу: дурной какой-то характер у меня получился. Наверное это через жизнь мою неустроенную. Отец и мать умерли, когда я маленькой была, без присмотра и слова доброго у тетки я воспитывалась. Вот и тянет меня на людскую ласку, прилепиться сердцем к кому-нибудь хочется. И так, чтобы всю душу отдать, чтобы никакой неправды не было. Теперь-то я знаю, что мечты эти к жизни неподходящие! Вот, рассказала я Василию, как долго страдала за Конигиным, а ему в сердце будто заноза вошла. Все допытывается про него, все думает, что я от него что-то скрыла... В этот раз тоже так получилось. Сказала я ему, что неаккуратно он ходит, что, лучше бы чем пить, на приличный костюм деньги отложить бы, а он и взбеленился: «Жалеешь, что с рабочим человеком связалась? По тому офицеру своему до сих пор страдаешь?» Ну, и всякие прочие слова. Так, с разговором этим до перекрестка дошли. Василий первый заметил, что у дороги кто-то лежит. Мы еще посмеялись с ним, думали, пьяный. Даже мимо хотели пройти. Но только что-то будто в сердце кольнуло, словно за руку кто взял и повел к месту этому страшному... Не помню уж, как потом бежали, как в аптеку вскочили, чтобы в милицию позвонить. У Васи так звук стучали, что провизорша вместо него в трубку говорила. Вот и все. Что же вам еще сказать?

Тяжело переводя дыхание, девушка умолкла.
— А не припомните ли, Феня, в котором часу вы с Нестеренко шли к себе домой? — спросил полковник.

— Темнеть уже начало, а в каком часу, точно не знаю.

— Какая-нибудь машина вас обогнала?

— Снигирева, экспедиторша, капусту к себе везла.

— А когда мимо перекрестка проходили, там кто-нибудь стоял?

— Мужчина в военном и женщина одна.

— Вы их знаете?

— Мужчина стоял спиной, а женщина отвернулась...

— Почему же вы сказали: «и женщина одна»? Это слово «одна» указывает, что вы ее узнали, даже несмотря на то, что она отвернулась?

— Я ее в лицо только знаю, с другого поселка она.

— Почему же вам запомнилось ее лицо? Вы с нею сталкивались раньше? Припомните, Феня, это для нас очень важно!

— Она с гитлеровцами во время оккупации хороводилась. Шиковала больно — вот и запомнилась.

— А может, вы слышали где-нибудь ее фамилию? — допытывался полковник.

Феня наморщила лоб, стараясь припомнить.

— Лузгина... Лузговская... Помню что-то на «Лу». Ах, да, кажется, Лузинская! А может, и не Лузинская, а что-то похожее, — снова заколебалась она и извиняющимся тоном добавила: — Уж вы простите, устала я сильно, может, потом вспомню...

— Очень вас прошу, если вспомните, сейчас же позвоните, — полковник взял клочок бумаги

и записал на нем номер телефона.— А теперь, я думаю, пора вам и отдохнуть. Есть у вас, капитан, вопросы к товарищу Чумаковой?

— Как будто бы все,— смущенно ответил Васильев, обескураженный, что дело повернулось совсем иначе, чем он ожидал.

— Тогда поблагодарим Феню и извинимся за то, что потревожили ее. И не забудьте вернуть ей приколку, капитан!— усмехнулся Снежко.— Как-никак, а именно эта штучка нам помогла...

Уже поднявшаяся с места девушка удивленно взглянула на полковника.

— Потом, потом, Феня, я вам все объясню! Пока это мой секрет!

Когда Чумакова вышла, полковник, веселый и довольный, повернулся к Васильеву:

— Ну-с, капитан, вы не в претензии на меня за то, что я лишил вас вашего «вещественного доказательства»?

— Приходится подчиняться начальству! — притворно вздохнул Васильев и серьезно добавил:— А знаете, товарищ полковник, какое это приятное чувство, когда с человека снимается подозрение!

— В нашей работе, капитан,— самое приятное! Чем больше честных, хороших людей, тем и работать легче... А теперь давайте пройдем к майору Лысенко. Нужно сегодня же заняться этой Лузинской или как там ее!

В кабинете полковника Снежко не умолкали телефонные звонки.

В разработанной операции время исчислялось не днями, а часами и даже минутами. На выполнение срочных заданий были мобилизованы почти все оперативные работники отдела. Сейчас сведения начали поступать отовсюду.

Как и ожидали Снежко и Лысенко, нити от скрывшегося вражеского агента вели к Лузинской.

Разысканные в оставленных гитлеровцами архивах документы, показания соседей, наблюдения так или иначе сталкивающихся с Лузинской людей, — рисовали ее отталкивающий облик.

Разбираясь во всех этих данных, что потоком текли по телефонным проводам и ложились на стол телеграфными бланками, выслушивая устные информации сотрудников, Снежко и Лысенко отсеивали ненужное, сопоставляли даты, заполняли еще имеющиеся «белые пятна» логическими построениями. И, постепенно, разрозненные мозаичные кусочки начали складываться в одну цельную картину, сначала жалкой, а затем темной и преступной жизни.

— Во время оккупации Таисия Лузинская сожительствовала с неким Ложниковым, не занимавшим никакого официального поста, но имевшим явных покровителей в гестапо. С гестаповцами он и отступил. Вот его фотокарточка, найденная в архивах, и устные описания наружности Ложникова, записанные лейтенантом Островым, со слов помнивших его людей. — Лы-

сенко передал полковнику фото и исписанный листок бумаги, с отчеркнутыми красным карандашом строчками.

— Да, кажется, совпадает с приметам, которые дал задержанный диверсант. Только странно, что этот «Зубр» рискнул появиться в местах, где его несомненно помнили по прошлой его «деятельности».

— А с другой стороны, ему ведь и некуда было податься без денег и без средств связи, когда он убедился, что явки провалены. Только к женщине, в чувствах которой он был уверен. Да и появление его у Лузинской было замечено чисто случайно. Не родился в эту ночь у соседа по дому, Назаренко, дочь, и не возвращаясь он поздно ночью из родилки, никто бы не узнал о госте Лузинской, и ей не пришлось бы потом объяснять соседям, что приехал двоюродный брат. Как он «уехал» от нее, никто не видел, и вообще, во время его официального, так сказать, визита к двоюродной сестрице с ним никто не встречался. Очевидно, запрятала она его надежно. В собственном доме сделать это было нетрудно. Объявив соседям и немногим знакомым, знавшим о госте, что брат неожиданно уехал, Лузинская не вернулась к прежней рассеянной жизни, а стала вести себя еще более замкнуто. Характерно, что она перестала покупать продукты в ближайшем «Гастрономе», как делала это раньше, а ходила за покупками в наиболее отдаленные от своей квартиры магазины, чаще всего в разные. Но в сравнительно небольшом населенном пункте нелегко что-либо скрыть. Слишком часто стала она покупать

спиртные напитки и папиросы, и это не могло не привлечь внимания продавщиц...

— В день убийства Лузинскую видели в обществе какого-нибудь военного?

— Этого установить не удалось. Вернее, пока не удалось. Ведь времени-то прошло так мало!

— И все же бежит оно катастрофически быстро! Вас не тревожит, что от капитана Васильева до сих пор ни слуху ни духу?

— Отчасти меня это радует. Если бы Лузинская исчезла, как мы опасались, он снял бы наблюдение за ее домом.

— Все же, — заметил полковник, — кого-нибудь из своей группы он мог бы прислать с донесением!

Лысенко порывисто вздохнул. Его самого терзали тысячи опасений. Невероятно, чтобы преступники так медлили! Обеспечив себя оружием, они несомненно должны были скорее скрыться. Не для коллекции же они его добыли ценой тягчайшего преступления, а для осуществления каких-то своих планов!.. Что, если эти планы мог выполнить в одиночку таинственный постоялец Лузинской? И вдруг он уже на пути к тому, чтобы их осуществить?

Чем дольше длилось ожидание, тем заметнее нервничал Лысенко, тем чаще и глубже затягивался дымом сигареты Снежка, тем придирчивее проверяли оба каждое свое распоряжение.

В шестом часу вечера от Васильева поступило первое донесение. Он сообщал, что Лузинская дважды выходила из дому и вела себя очень нервозно. Ни с кем из посторонних она не раз-

говаривала и было заметно, что она избегает встреч со знакомыми людьми. Во время первой своей прогулки она зашла в сберегательную кассу и, не закрывая личного счета, взяла с книжки почти весь свой вклад — пять с лишним тысяч рублей. Затем Лузинская отправилась на вокзал, но с полпути вернулась, вышла на главную улицу и остановилась у справочного киоска. Проверкой установлено, что она справлялась о времени отправки поезда на Ригу и стоимости проездного билета. Во время второй прогулки Лузинская купила в универмаге среднего размера чемодан, однако вернулась и заменила его вместительной женской хозяйственной сумкой новейшего фасона. Наблюдения за домом не давали оснований предполагать, чтобы в квартире Лузинской находился кто-либо посторонний...

— Кажется, дело близится к развязке, майор, — удовлетворенно сказал Снежко, прочитав сообщение Васильева.

— Меня тревожат последние строки в донесении капитана. Неужели мнимый двоюродный братец успел ускользнуть?

— Я считаю, что после убийства он не возвращался домой. Это было бы слишком неосторожно.

— Вы думаете, она встретится с ним в пути?

— Где-нибудь на промежуточной станции или на месте назначения. Так или иначе, теперь мы их не упустим из вида. Пошлите в помощь Васильеву еще двух человек. Чтобы сбить со следа возможную погоню, преступники могут прибегнуть в дороге к неожиданному трюку, и

одному Васильеву трудно будет за ними уследить.

— Разрешите приготовиться в дорогу и мне? — спросил майор. — Организовать, так сказать, встречу!

— Как только получим сообщение Васильева о том, что Лузинская выехала именно в предполагаемом направлении, — вылетайте. Вам надо их опередить. Думаю, что преступники не рискнут воспользоваться самолетом — среди огромного количества пассажиров железнодорожного транспорта легче затеряться. Но на всякий случай обеспечьте, чтобы во всех аэропортах, где они могут пересест с поезда на самолет, знали приметы обоих. И, вот еще что...

Телефонный звонок не дал полковнику окончить фразы. Он выслушал информацию, роняя лишь отрывистые слова:

— Так... хорошо... одобряю... Хорошо.

— Васильев? — нетерпеливо спросил Лысенко, как только Снежка положил трубку.

— Не лично, но от него. Капитан просил передать, что Лузинская взяла два билета до Риги, но в поезд села одна. Билета никому не передавала. Для облегчения наблюдения Васильев взял двух оперативных работников своей группы.

— Значит, товарищ полковник?.. — поднимаюсь, спросил Лысенко.

— Значит, в путь, товарищ майор. Ни пуха вам, ни пера!

Самолет уже был готов к вылету, до старта остались считанные минуты, но трапа не убрали: ожидали двух опоздавших пассажиров.

Радио аэропорта непрерывно объявляло:

«Пассажиры Рогов и Гусакова займите свои места в самолете! Пассажиры Рогов и Гусакова...»

Вслушиваясь в эти слова, Лысенко нервничал все больше. Раздражала и слишком большая для его головы фуражка с «крабом» работника гражданского воздушного флота, и жавшая под мышками, с чужого плеча, форма, и чуть хриловатый голос диктора, бесстрастно повторяющий одну и ту же фразу. А, главное, с каждой минутой исчезала уверенность в успехе операции.

«Неужели Ложников и Лузинская что-то заметили?! — с тоской думал он. — Кажется, каждая мелочь была предусмотрена, и силы расставлены так, чтобы комар носа не подточил! Посмотреть на Васильева и Смирнова! Заправские грузчики! Ходят этак вразвалочку, как люди, привыкшие таскать тяжести, суетятся вскруг каких-то ящиков и пакетов, укладывая их на багажную тележку... Каждый жест отработан, как у артистов! Разве послать одного из них к начальнику аэропорта и попросить задержать самолет еще на несколько минут? Пожалуйста, так и следует сделать!»

Майор уже сделал шаг в сторону своих подчиненных, но оба они стремительно бросились вперед, спеша на помощь двум запыхавшимся пассажирам.

— Эх, гражданин, сейчас же сходни поднимут! — укоризненно крикнул Васильев Ложникову и, берясь за ручку его чемодана, с грубоватой любезностью буркнул: «Давайте уж, подсоблю!»

Лузинская значительно отстала от своего дружка, — она сама сунула в руки подбежавшему Смирнову до отказа набитую сумку и умоляюще крикнула:

— Ради бога, скорее! Скажите, пусть не убирают лестницы!

Освободившись от багажа, пассажиры со всех ног бросились к самолету, но майор Лысенко, словно не видя их, ловко убрал трап. Дверки самолета сразу же захлопнулись, мотор взревел.

Девушка, производившая эту посадку, вдруг огорченно вскрикнула и повернулась к опоздавшим.

— Как же так, граждане пассажиры... — начала было отчитывать она и вдруг осеклась, заметив, что происходит что-то необычное.

Два грузчика держали за руки мужчину, а неизвестный ей человек, в форме работника аэрофлота, крепко взял под руку женщину.

— Полет не удался, Ложников! — сказал он с издевкой и уже официальным тоном добавил: — Вы и ваша спутница арестованы!

Пассажир отчаянно рванулся, пытаясь освободиться из крепко державших его рук.

— Вы не имеете права! — завопил он истерически. — Вы будете отвечать...

— А это что за игрушка? — насмешливо спросил один из грузчиков, извлекая из его карма-

на пистолет «ТТ».— Думаете, не знаем, каким путем вы его добыли?..

Арестованный свирепо взглянул на грузчика и больше не сопротивлялся. Из бокового кармана его был изъят и второй пистолет, системы «Вальтер».

Обоих задержанных, в сопровождении «грузчиков», усадили в подъехавшую машину. Лысенко остался на аэродроме один. Он снял фуражку и, вытирая большим клетчатым платком вспотевший лоб, с улыбкой взглянул на изумленную девушку.

— Украли у вас пассажиров, товарищ разводящий? — пошутил он. — Ничего, по месту своего настоящего назначения они будут доставлены!

* * *

Изобличенному в зверском убийстве Конигина вражескому агенту нечего было терять, и он с циничной откровенностью признался, что хотел купить себе свободу ценой жизни всего экипажа самолета. Обученный своими хозяевами искусству пилотажа, он надеялся, выбрав удобный момент, расправиться с пилотом и бортмехаником и перелететь через границу в западную зону Германии.

Для подобной операции старенький «Вальтер», хранившийся у Лузинской еще со времен гитлеровской оккупации, был мало надежен, и преступники решили раздобыть оружие любой ценой.

В ходе следствия была выяснена и картина трагической гибели Конигина. В основном она

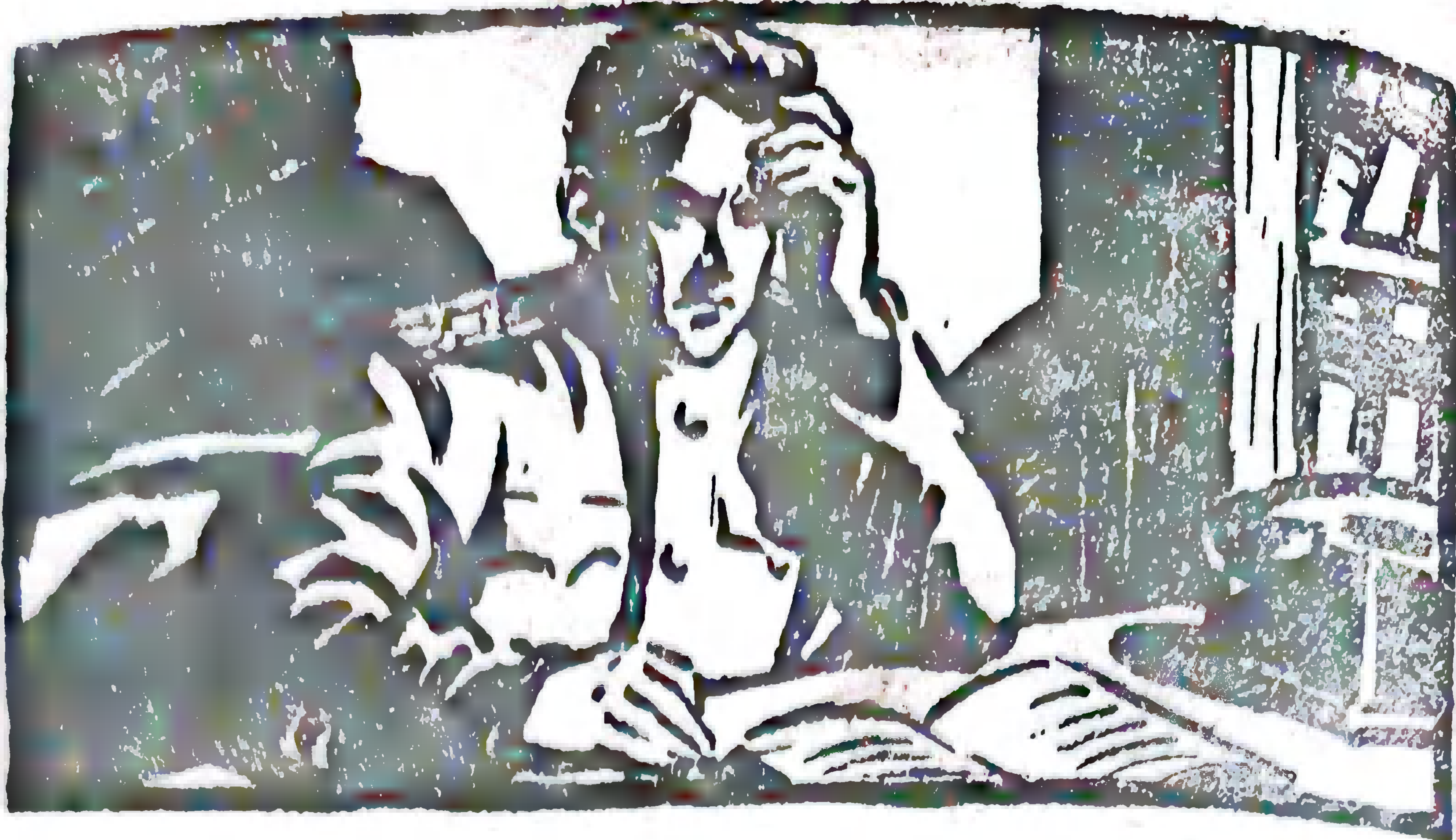
мало отличалась от той, какую нарисовали себе работники отдела госбезопасности. Правда, Конигин явился лишь случайной жертвой — разрабатывая свой план, преступники избрали перекресток именно потому, что надеялись встретить здесь милиционера-орудовца, контролирующего этот участок дороги. Заметив спрыгнувшего с машины лейтенанта, они решили, что это более удобный случай: навязавшись военному в попутчики, они могли совершить задуманное подалее от асфальтового шоссе.

— А ведь они, пожалуй, могли бы осуществить свой план, не оброни Феня возле убитого приколки! — невольно воскликнул при разборе операции капитан.

— Вряд ли! — возразил полковник Снежко. — Нет преступления, которое не оставило бы после себя следа, пусть самого не приметного. Разве нам помогла одна Феня? А десятки других людей, при помощи которых мы собрали все нужные сведения в такой кратчайший срок? Именно эти зоркие глаза и толкнули «Зубра» на такой рискованный шаг.

— Полет в никуда! — рассмеялся капитан Васильев.





ПЕРВАЯ ОШИБКА

Сквозь дремоту Александр Петрович Головин слышал, как в смежной комнате о чем-то препирались жена и сын.

Не оформляясь в отчетливые слова, разговор доносился до него, как назойливое жужжание двух голосов.

«О чем это они?» — вяло подумал Александр Петрович и снова погрузился в то дремотное полузабытье, которое было его обычным послеобеденным отдыхом. Но именно тогда, когда сознание его, казалось, совсем выключилось, в мозгу внезапно из каких-то неведомых глубин всплыло одно короткое слово:

«Ошибка!»

Очнувшись, Александр Петрович прислушался к спору между женой и сыном. Ясное дело, Вовка упрямится, не хочет переписать упражнения, но Анна, как всегда, неумолима. И отку-

да у нее это уменье настоять на своем? Без окрика, без шума, с терпеливой, спокойной ласковостью. Вот и сейчас: уже умолк спор, слышно, как Вовик придвигает к столику стул...

Александр Петрович закрывает глаза. Полежать бы еще минут двадцать. В последнее время ему просто необходима такая короткая передышка между дневной и вечерней работой. По-видимому, сказывается переутомление, да и годы берут свое...

Сквозь опущенную темную штору дневной свет едва просеивается в окно, и комната тонет в мягком полумраке. Этот полумрак действует на Александра Петровича убаюкивающе. Но сегодня сон и дрема бегут от него. Подслушанное слово — «ошибка» — тревожит его и покалывает, как заноза. Словно давно уже сидела эта заноза в его теле, и теперь от одного неосторожного прикосновения пораженное место снова заныло и заболело.

«Ну и что же? Видно, недаром говорится, что не ошибается тот, кто не работает», — попытался успокоить себя Александр Петрович и тут же сам себе возразил: «Но есть и другая истина: «Ошибка ошибке — рознь». Не всякую ошибку можно безболезненно исправить, как исправляет их Вовка в своей тетради. Допустим, ошибся конструктор самолета в своих расчетах. Хорошо еще, если дело обойдется порчей машины при испытании, одними материальными потерями. Но может погибнуть и летчик! А взять ошибку врача у операционного стола? Она может стоить больному жизни. Или рассеянность провизора? Напутал что-то в рецепте,

проглядел какую-то запятую в дозировке, и целебное лекарство, прописанное врачом, становится смертельным ядом... А разве не было случаев во время войны, когда ошибка командира приводила не только к провалу задуманной операции и потере боевой техники, но и к бессмысленной гибели солдат? В любой профессии, в любой области малейший просчет может повлечь за собой совершенно неожиданные по масштабам последствия. Не мешало бы об этом подумать тем, кто всерьез отстаивает «право на ошибку». Посадить бы их этак на год к нам в управление да поставить лицом к лицу с людьми, судьбы которых мы решаем. Хотя бы с этим Санько!»

Перед мысленным взором полковника снова встала картина сегодняшнего допроса арестованного. Побледневшее, исхудалое лицо, густо заросшее рыжей щетиной. Копна растрепанных волос, которых давно не касался гребень. А главное, этот отрешенный от всего окружающего взгляд. Казалось, что арестованный, израсходовав все аргументы в свою защиту, безропотно подчинился неизбежному и с каким-то тупым безразличием ждал решения своей судьбы. Скорее по инерции, чем в сознательном стремлении оправдаться, он на все вопросы неизменно отвечал одно:

— Я никого не убивал. Отпустите меня!

Полковник приказал увести Санько и еще раз внимательно пересмотрел материалы в лежавшей перед ним папке. В свое время заместитель Александра Петровича, подполковник Клебанов, познакомил его с ходом следствия, и

привел веские аргументы, изобличающие Санько. Дело о двойном убийстве в селе Веселом было направлено в суд. Доводы Клебанова казались тогда Головину вполне убедительными. Конечно, в мелкие детали и все перипетии следствия он не вникал, так как смог положиться на своего заместителя, человека опытного и знающего. Головин вообще был противником мелочной опеки, связывающей инициативу сотрудников. И вот, оказывается, переоценив Клебанова, он допустил оплошность. Не так уж было все просто и ясно с этим Санько, как показалось на первый взгляд!

Нетерпеливое желание поскорее разобраться в своих сомнениях заставило полковника Головина вернуться в управление госбезопасности раньше обычного.

— Суд возвратил нам дело об убийстве в селе Веселое на доследование, — сообщил он Клебанову, вызвав его в свой кабинет. — Кажется, мы проявили излишнюю поспешность в своих выводах...

Откинувшись на спинку кресла, Клебанов спокойно прикурил папиросу.

— Посудите сами: за два дня до убийства Санько с кулаками набросился на бригадира и угрожал ему расправой! У того же Санько изъято охотничье ружье, а именно из охотничьего ружья был произведен выстрел. У него найден бабит, из которого изготовлены тули-жеканы. Какие же нужны еще доказательства?

— Однако подсудимый Санько на суде заявил, что в вечер, когда произошло убийство, он находился в соседнем селе...

Клебанов равнодушно усмехнулся.

— Стремясь уйти от наказания, — неохотно молвил он, — преступник всегда ищет какого-нибудь оправдания... В данном случае и оправдания-то были явно несостоятельны. Санько утверждает, что в вечер убийства он находился у своего приятеля, в селе Христовое. А этот приятель, некто Демченко, на следствии показал, что уже с неделю и в глаза его не видал.

— Но жена приятеля, Ефросиния Демченко, на суде заявила иное. Она подтвердила, что обвиняемый в тот вечер действительно был в Христовом. Вы опрашивали жену Демченко?

— По моему вызову она вместе с мужем пришла в сельсовет, но сказала больно, и мне пришлось ее отпустить. Женщина, действительно, едва на ногах держалась.

— И все время, пока шло следствие, она болела?

Благодушное выражение постепенно начало исчезать с лица Клебанова, тонкие его губы вздрогнули и поджалась.

— При вторичном моем приезде в Христовое я разыскал Демченко, — сказал он обиженно, — чтобы поговорить с мужем и женой, так сказать, в интимной обстановке.

— И что же показала женщина?

— Она подтвердила слова мужа. Сначала, правда, пробовала от молчаться. Уж больно она застенчивая, что ли...

— А чем вы объясняете то обстоятельство, что на суде она изменила свои показания?

— Да это же яснее ясного, — оживился Кле-

банов.— Сговор с обвиняемым в том, какие показания давать. Что-нибудь пообещал или просто разжалобил... Знаем мы эти штучки! А в суде не разобрались, что и как. Да и зачем им голову ломать, если гораздо проще — вернуть дело на доследование! Но, спрашивается, что доследовать? Совершенно очевидно, что убийца — Санько. Против него все доказательства.

— А если это просто несчастливое стечение обстоятельств? Бывает же так: на первый взгляд все говорит против определенного человека, все нити ведут к нему, но вдруг выясняется мелкое, побочное обстоятельство, и оно опрокидывает все, что раньше казалось непреложным. Учтите и другое: если у кого-то возникло сомнение в правильности вашей версии, значит, в ней есть слабые звенья. Доследование дает нам возможность подкрепить свою точку зрения и более веско ее обосновать или же... — полковник Головин в упор взглянул на Клебанова. — Или же честно признать свою ошибку и начать все сначала.

Клебанов молча кусал мундштук очередной папиросы. Резким движением руки он погасил спичку и швырнул ее в пепельницу, так и не прикурив. Кожа на его скулах слегка порозовела.

— В правильности своих выводов я глубоко уверен, — упрямо сказал он. — Можете положиться на мой опыт и мое внутреннее чутье. Кажется, я не желторотый юнец, впервые переступивший порог...

— Напрасно вы обижаетесь, подполковник, —

мягко прервал его Головин.— Речь идет не о личном престиже. Наша задача установить истину. Что же касается внутреннего чутья, к сожалению, к делу его не подошьешь.

Поднявшись с кресла, Головин пригладил пряди посеребренных сединой волос. Лицо его было сосредоточенным и задумчивым.

— Придется проверить все с самого начала, подполковник!— сказал он твердо.

Весна пришла неожиданно рано и наступила сразу. Маленькая речка, протекавшая у села Веселое, за день превратилась в многоводную реку. Она затопила огороды и вплотную подошла к крайним хатам села. Освобожденные от зимних утеплений, весело смотрелись они в широкую водную гладь, поблескивая начисто вымытыми стеклами окон. Навозные кучи у сараев слегка дымились. Возле них азартно греблись куры. Выведенные из хлевов коровы лениво жевали сухую солому. Утки выбирались на сушу и, отряхиваясь, старательно чистили блестящие перышки.

В лесу, подступающему к селу с другой стороны, звонко постукивал дятел. Он словно вторил перезвону молотков, доносившемуся с колхозного двора — здесь люди ладили сельскохозяйственный инвентарь. У амбаров готовили к посеву зерно.

Из МТС уже привезли тракторы, и они стояли теперь на сельской площади, готовые выйти в поле.

На высоких пригорках, где уже начала пробиваться трава, затеяла веселую возню детвора. Здесь стоял такой же галдеж, как и у де-

ревьев возле колхозного клуба, на которых грачи начали мостить гнезда.

Подполковник Клебанов вышел из дверей клуба и досадливо поморщился, оглушенный потоком этих звуков. Они мешали ему сосредоточиться, непрошенным диссонансом вривались в строй его мыслей, в ту цепь логических построений, которая так хорошо, звено к звену, укладывалась в его сознание, пока он сидел в клубе.

Опустив голову, Клебанов прошелся вдоль здания, завернул за угол, отмеривая шаги и ощупывая взглядом каждую неровность почвы. Он так углубился в это занятие, что не заметил, как рядом остановился «газик».

— Здравствуйте, подполковник! — окликнул его Головин, выходя из машины.

Клебанов от неожиданности вздрогнул.

— Вы? — удивился он. И тут же, стараясь скрыть охватившее его смущение, поспешно добавил:

— Вот, кожу и еще раз анализирую обстоятельства преступления.

Головин указал на ступеньки крыльца.

— Я бы тоже хотел освежить их в памяти. Может, присядем здесь на солнышке и вместе обсудим?

— Лучше сядем на те доски, — предложил Клебанов, — чтобы место, откуда стреляли, было в поле нашего зрения.

Они прошли к невысокому штабелю досок и уселись на них.

— Вот здесь, в этом направлении, преступник убегал в сторону леса, — указал Клебанов.

— Нет уж, если решили заново восстановить всю картину, то давайте с самого что ни на есть начала. — остановил его Головин. — Итак...

— Было десять часов вечера. В клубе проходило колхозное собрание. Вот в той комнате... видите эти два крайние окна? — за столом, против окон, разместился президиум собрания. Направо, у стены, стоял длинный деревянный диван, на котором сидели колхозницы. У противоположной стены на стульях сидел бригадир колхоза Иванов, рядом с ним доярка Юрко, а дальше еще несколько человек... Середину занимали скамьи, на которых было полно народу. Пришлось даже открыть дверь в соседнюю комнату, так как в первой все не вместились. Окна в это время, естественно, были освещены... и вот...

— Простите, вы сказали: президиум сидел против окон? Как это понять? У стены, противоположной той, где окна?

— Нет-нет, я не точно выразился. Президиум разместился именно у той стены, через окно которой выстрелили... Так вот, доклад инструктора райкома партии близился к концу, как вдруг прогремел выстрел. Бригадир Иванов схватился за левый бок, доярка Юрко вскрикнула и начала сползать со стула. Когда к ней подбежали, она уже кончалась. Заряд, посланный убийцей, как оказалось, был из двух жеканов — самодельных бабитовых пуль. Один жекан легко ранил бригадира Иванова, другой же угодил прямо в сердце Юрко.

— Возможно, убийца целился именно в Юрко?

— Нет, баллистические данные свидетельствуют о том, что стреляли в бригадира колхоза Иванова. Отверстие, образовавшееся в стекле, направление полета пули, положение преступника в момент выстрела, установленное по следам у окна, — все говорит о том, что Юрко пострадала лишь случайно. Пуля была самодельная, заряженная, видимо, в охотничий патрон, с большими зазорами между жеканом и стенками патрона. К тому же следует учесть и возможную неточность прицела, так как головы сидящих в президиуме заслоняли от убийцы намеченную им жертву.

— Какие у вас есть основания для такого вывода?

— Председатель собрания Собко закрывал своей головой сидевшего у стены бригадира. Преступник, видимо, долго стоял, ожидал, пока Собко отклонится в сторону. Об этом свидетельствует и сильно вытоптанное место на земле у окна.

— Крепкие у преступника нервы!

— Убийство имеет явно политическую подоплеку, — уверенно продолжал Клебанов. — Представьте эту картину: собрание колхозников обсуждает план весеннего сева, и вдруг — выстрел! Несомненно, здесь действовал классовый враг: колхоз передовой в области, намеченная жертва — знатный бригадир... Убийца, конечно, рассчитывал на политический резонанс. Возможно и не он, но те, кто направлял его руку. Преступление было, конечно, заранее подготовлено. Об этом свидетельствует тот факт, что место, где стоял преступник, было густо засы-

пано табаком, чтобы собака не могла взять следа...

— Все возможно, подполковник... Однако не будем делать поспешных выводов.

— Я хочу только напомнить вам, что Санько — сын осужденного за связь с оккупантами. А ведь яблочко от яблони не далеко катится!

— Пословицу, как и внутреннее чутье, на которое вы ссылались, тоже к делу не подожьешь, — сухо сказал Головин. — Нужны факты. Где был убит комсомолец, пытавшийся задержать преступника?

— Комсомолец Олексюк стоял за углом клуба, разговаривал с девушкой. Когда прозвучал выстрел, он бросился за человеком, рванувшимся от окна в сторону леса. Возле того дерева Олексюк настиг убийцу, и тот в упор выстрелил в своего преследователя, смертельно его ранив. У места этого второго убийства найден охотничий патрон шестнадцатого калибра.

Головин встал и шагами отмерил метры от окна, возле которого находился убийца, до места, на котором стоял комсомолец в момент выстрела. Затем измерил расстояние от окна до дерева, возле которого Олексюк настиг убийцу.

— Странно, — рассуждал Головин вслух, — очень странно! Олексюк стоял в восемнадцати метрах от окна, от которого побежал преступник, и уже на пятидесятом метре догнал его. Таким образом, он должен был бегать значительно быстрее, чем человек, которого он преследовал. Однако в материалах следствия, насколько я помню, есть сведения о том, что нога у Олексюка была забинтована... Ведь так!

— Медицинская экспертиза установила вывих левого голенного сустава, — хмуро подтвердил Клебанов.

— Почему же, в таком случае, человек, стрелявший в окно, не успел убежать от своего преследователя? Если, как вы утверждаете, убийцей является Санько, этого бы, конечно, не произошло. Санько совершенно здоров, молод — он всего на три года старше Олексюка. К тому же и ростом он выше на целых 13 сантиметров и бегать должен быстрее. Каким же образом случилось, что хромой Олексюк, находившийся от преступника в восемнадцати метрах, все же догнал его?

— Убийца, естественно, волновался... Возможно, у него началось сердцебиение... Да, мало ли какая причина могла ему помешать! Может, он заметался из стороны в сторону? — смущенно пытался объяснить Клебанов упущенную им во время следствия деталь.

— У человека, бегущего от опасности, обычно удесятиряются силы, — напомнил Головин.

• — Но и преследователь в состоянии возбуждения... — начал было Клебанов, но Головин прервал его.

— Вы говорите, что изъяли у Санько охотничье ружье шестнадцатого калибра? — оживленно спросил он.

— Да. И у места, где погиб Олексюк, тоже найден патрон шестнадцатого калибра. Как видите, полковник, улика прямая!

— Улика важная, но... многое все же не ясно. Вы утверждаете, что Олексюк, догнав преступника, схватился с ним. Об этом свидетель-

ствуют следы на месте борьбы. Как же, находясь на таком близком расстоянии от преследователя, преступник мог выстрелить из ружья в упор? Значит, у него было другое оружие, с коротким стволом, например, обрез?

— Санько мог отбросить противника, изловчиться и... — Клебанов выразительно щелкнул пальцами, вскидывая воображаемое ружье.

Полковник покачал головой:

— Весьма сомнительное объяснение. И возникает другой вопрос. Даже самый опытный и хладнокровный убийца не рискнул бы появиться у места задуманного им преступления с ружьем через плечо. Он побоялся бы привлечь внимание. Тем более, что ему, как вы сами утверждаете, долго пришлось топтаться у окна, выжидая удобного момента для выстрела.

— Было уже темно. К тому же он мог спрятать ружье под плащом или пальто, — неуверенно возразил Клебанов.

Глаза Головина возбужденно блестели, казалось, он приближался к решению сложной задачи.

— Согласен с вами, ружье преступник мог спрятать под полую верхнюю одежду. Но объясните мне: что означала фраза, сказанная умирающим Олексюком, когда к нему на помощь подбежали товарищи? Надеюсь, вы помните ее?

— Он сказал, что не узнал преступника.

— Не совсем точно. В протоколе записано так: «Не узнал, он голый...» Слышите, «голый»! — торжественно подчеркнул Головин.

Клебанов недоуменно взглянул на полковника, явно не понимая к чему тот клонит.

— Вы смотрите на меня удивленно? Но в этом определении, на которое вы не обратили внимания, может быть, и кроется разгадка: из какого оружия был произведен выстрел. Что значит, по-местному, это выражение «голый»? Оно означает раздетый, без пальто. Когда мальчишка-озорник в холодную погоду выбежит на крыльцо в одной рубашонке и штанишках, мать ему вслед кричит: «Куда ты, окаянный, голый побежал! Холодно, простудишься!» Поняли вы теперь, почему умирающий Олексюк употребил слово «голый»? Человек, которого он преследовал, был без обычной в эту пору года верхней одежды. В темноте, в пылу борьбы Олексюк не успел рассмотреть его лица.

Клебанов понуро молчал. Он уже понимал, что следствие произвел небрежно, однако все свои промахи считал лишь мелкими упущениями и был подавлен, главным образом тем, что выставил себя перед своим начальником в невыгодном свете.

Чувствуя это внутреннее сопротивление своим доводам, Головин продолжал уже более резко:

— Таким образом, ваше утверждение, что оба убийства были произведены из охотничьего ружья, изъятого у Санько, бездоказательно. В подкрепление своих слов приведу еще один аргумент. Известно, что преступник произвел два выстрела, — в окно и в преследующего его комсомольца. Приблизительно на полдороге до места схватки с Олексюком найден отстрелянный патрон. Как это можно объяснить? Очень просто. Выстрелив и бросившись бежать, преступ-

ник на ходу перезарядил ружье, и первый отстрелянный патрон выпал. Значит, преступник был вооружен обрезом двухствольного охотничьего ружья или другим подобным оружием. Но вы-то изъяли у Санько одноствольное ружье!

— Возможно и так, — неохотно согласился Клебанов.

— Скорее всего так! — жестко поправил его Головин. — Свои умопостроения мы должны делать только на основании фактов. Схватились за то, что лежало, так сказать, на поверхности. К сожалению, вы многое упустили, и даже собранный вами фактический материал не проанализирован со всей тщательностью. Потому и зашаталось сделанное вами построение, стоило только из него вынуть пару кирпичиков.

Сердито хмурясь, полковник Головин подошел к окну, через которое был произведен выстрел, и осмотрел пробитое в стекле отверстие. Клебанов стоял в сторонке и жадно курил.

— Смотрите! — подозвал его Головин. — Окно имеет шторку и, вероятно, было зашторено. Как же преступник мог видеть, что делается в помещении?

— Шторка в месте пробоины была приоткрыта. В образовавшуюся щель хорошо был виден президиум и сидящий у противоположной стены бригадир Иванов.

— Вы проверили, почему шторка оказалась приоткрытой? — взволнованно спросил Головин.

— Я не придавал этому особенного значения.

— А ведь это чрезвычайно важная деталь! — медленно выговорил он с досадой. — Обязательно

но надо было установить: случайность это или сделано преднамеренно? Шторку, прибирая, могла слегка раздвинуть уборщица — тогда это случайность. Но могло оказаться, что преступник присутствовал на собрании, выбрал удобный момент, специально освободил это поле для обозрения, затем вышел и совершил задуманное. Вы улавливаете, какое это имеет значение для направления следствия?

— Вы хотите сказать, что убийцу надо искать среди местного населения? Но ведь и Санько местный житель!

— Анализируя факты, — терпеливо продолжал полковник, — мы пришли к выводу, что самая важная улика против Санько — изъятое у него одноствольное охотничье ружье шестнадцатого калибра — по-видимому, отпадает. Если отпала основная улика, значит, и обвинять его в убийстве мы не имеем права. Возможно, конечно, что обнаружатся какие-то новые факты, подтверждающие его вину. Но пока их нет, и сейчас мы можем твердо и определенно утверждать лишь одно: да, убийцу Юрко и Олексюка надо искать в этом селе.

Уже темнело. В селе постепенно стихало деловое оживление напряженного трудового дня. Не стучал больше молот на колхозном дворе, не урчал трактор, смолкли смех и говор у амбара, разбежалась по домам детвора. Вечер рождал новые звуки, приглушенные и мягкие. Протяжно мычали коровы, с тихим звоном опускались в колодцы ведра на длинных «журавлях», монотонно попыхивал движок колхозной электростанции. Где-то, на дальнем конце села,

нетерпеливый гармонист тронул лады баяна. Обрывок напевной мелодии словно растаял в вечерней мгле. Невольно Головин подумал, как не вязалось событие, которое привело его сюда, с красотой этого весеннего вечера, с умиротворенным покоем уходящего дня. И снова слово «ошибка» напомнило о себе, как заноза. Теперь он уже не сомневался в поспешности Клебанова. Невеселые мысли Головина прервал капитан Григорьев. Он почти выбежал из переулка, стукнул каблуками, козырнул:

— Товарищ полковник, разрешите обратиться? — Головин улыбнулся. Исполнительный, деловитый Григорьев нравился ему.

— Что нового, капитан?

— Порядок, товарищ полковник! Привез ту женщину, что свидетельствовала на суде в пользу Санько. Ждет в сельсовете.

— Порядок, говорите? А сами-то верите, что стрелял Санько?

— Противоречия в деле задержанного, конечно, имеются... Я говорил о них подполковнику.

— Почему же подписали документы перед отправлением дела в суд?

Капитан замялся.

— Подполковник опытнее меня... Я думал, если он настаивает...

— Значит, вы подписали документы, в достоверности которых сами не были убеждены? Так я вас понял?

Краска смущения залила щеки Григорьева.

— Так, товарищ полковник, — сказал он, опуская глаза. — Сознаю свою ошибку.

— Это хорошо, что поняли ошибку, капи-

тан, — несколько мягче сказал Головин, но глаза его по-прежнему смотрели сурово. — Следует сделать для себя выводы и научиться отстаивать свою точку зрения. Мы с вами не шахматные задачи решаем. И человеку дана только одна жизнь. Испортить эту жизнь, — такое преступление, какому и меры не сыскать!

— Я понимаю, товарищ полковник, — тихо проговорил Григорьев. Голос его срывался от волнения. — Надо было, конечно, о своих соображениях доложить вам, а я усомнился... Заглушил собственные сомнения... Да что и говорить!

Клебанов разговаривал со сторожихой и теперь спустился с крыльца. Заметив его приближение, Головин прервал капитана.

— Ну, добро! Посоветуйтесь тут с подполковником о дальнейших действиях, а с Демченко я поговорю сам.

В сельсовете Головин увидел молодую женщину в цветастом платке. Истомленная ожиданием, она нервно кусала губы и то завязывала, то развязывала концы платка. Серые с влажным блеском глаза ее настороженно и испуганно взглянули на Головина, щеки вспыхнули и сразу побледнели.

— Здравствуйте, милая... Александр Петрович Головин, — представился полковник, протягивая женщине руку.

— Феня, — тихо молвила женщина, и щеки ее снова вспыхнули.

Чтобы дать ей время прийти в себя, Головин расспросил ее о работе, о семье, поговорил о родном селе Фени, в котором он был проездом.

Чувствуя дружеское расположение полковника, Ефросиния Демченко заметно успокоилась и стала отвечать на вопросы не так односложно, как вначале.

— Ну, а теперь, когда мы с вами познакомились, давайте поговорим и о деле, ради которого пришлось вас потревожить, — словно спохватился вдруг Головин. — Вы, наверное, догадываетесь, зачем я вас вызвал?

Демченко уклонилась от прямого ответа.

— Вам виднее...

— Хорошо, тогда я вам объясню. Дело касается ваших показаний на суде относительно Санько. Вы действительно видели его в вечер убийства в Христовом?

Демченко затеребила бахрому платка.

— Видела.

— Я бы просил рассказать об этом подробнее.

— А что же такое необыкновенное рассказывать! Был в Христовом и все! Видела я его, на улице встретила... Зря вы человека таскаете, напраслину на него взвели.

— Поймите, Феня, такой ответ не может нас удовлетворить. Вы говорите, что мы зря арестовали Санько. Выходит, вы хотите помочь невинно обвиненному человеку. А рассказать, где и как его встретили, отказываетесь. Как же мы тогда можем поверить вашему свидетельству? Невольно напрашивается мысль, что вы обознались, нетвердо помните, что действительно видели Санько именно в тот вечер. Тем более, что и муж ваш утверждает, что Санько к нему не заходил.

— Муж в этот вечер поздно домой вернулся. Он скот на мясокомбинат гонял, — поспешно сказала Демченко.

— Значит, Санько заходил к вам домой в отсутствие мужа? Почему же вы об этом не сказали на следствии? И только что заявили, будто встретили Санько на улице?

Демченко судорожно глотнула воздух, хотела что-то сказать и вдруг закрыла лицо руками.

— Как же я могла сказать, если у меня муж, дети... Неужели вы не понимаете! — сквозь слезы выкрикнула она. — Ведь позор-то какой, стыд! Никогда бы никому не призналась, кабы не жаль безвинного человека. До самого суда не знала, что пойду, свидетелем объявлюсь. Все от совести своей хоронилась. Да и на суде-то, небось знаете, все путалась, все про встречу на улице говорила.

— Понимаю, Феня, что вам нелегко во всем признаться. И хочу вам объяснить: разбивать вашу семейную жизнь мы не собираемся. То, что случилось, дело вашей совести. От суда вы можете потребовать, чтобы свои показания вы давали при закрытых дверях. О ваших показаниях на следствии никто не узнает. Можете не боясь рассказать все откровенно.

И Ефросиния Демченко рассказала.

Это была повесть о двух запутавшихся, слабовольных людях, стыдящихся и самих себя и своих близких, перед которыми они должны были лицемерить. Однако ее показания со всей очевидностью подтверждали, что в памятный вечер Санько действительно в селе Веселом не был.

Выходя из кабинета председателя сельсовета, где происходила эта беседа, Феня задержалась в дверях. Полковник заметил, — глаза ее просветлели, плечи расправились шире. — словно сбросила она груз, который давил ее непосильной тяжестью.

— Вы теперь, товарищ полковник, конечно, понятия низкого обо мне, — сказала она с робкой улыбкой и остановилась, подыскивая слова. — Только я хочу сказать, словно затмение с меня сошло. Уж так наказилась, уж так намучилась... Вместе бы с кожей сняла с себя позор... Вы не думайте, что я такая... совсем пропащая... нет!

— Ну, что вы, Феня! — дружески улыбнулся полковник. — У вас хватило мужества сознаться и спасти человека. Это многое значит. Поинному будете смотреть теперь на жизнь.

У крыльца сельсовета полковника уже ждали в машине Клебанов и Григорьев. Он уступил капитану первое сиденье и занял место рядом со своим заместителем. По дороге он сухо изложил Клебанову суть показаний свидетельницы, приказал уточнить ряд фактов, о которых она говорила, и в заключение сказал:

— Проверить все утром и завтра же отпустить Санько. Да лично перед ним извинившись. Ежедневно мне докладывать о дальнейшем ходе следствия по делу об убийстве в селе Веселое. О том, что произошло, мы поговорим особо.

Долго в эту ночь не мог заснуть Александр Петрович Головин. Мучительный стыд жег ему душу.

«Как же я не разгадал Клебанова раньше? — спрашивал он себя, ворочаясь с бока на бок. — Не замечал его чванливой самоуверенности, показной возни с бумагами, холодка, с которым он относился к работе? Это его невозмутимое спокойствие я воспринимал, как выдержку, умение владеть собой. Оказывается, за ним крылось равнодушие... И ведь были же у меня основания присмотреться к нему попристальнее. Да, были...»

И Александру Петровичу вспомнилась первая встреча с Клебановым и неприятное впечатление, которое Клебанов тогда на него произвел.

Два года назад, отдыхая в Сочи, Головин как-то оказался случайным свидетелем сцены, которая разыгралась в столовой.

— Чем вы меня кормите! — кричал какой-то «новенький» официантке. — У меня дома собака лучше питается!

Обернувшись на голос, Александр Петрович увидел невысокого, плотного человека, с круглым, по-детски розовым лицом, с большой лысиной, прикрытой начесом волос. Серые глаза незнакомца, почти не затененные ресницами, округлились от возмущения, губы кривила брезгливая гримаса. Официантка что-то негромко сказала ему, очевидно предложила переменить блюдо, но тот с силою швырнул ложку в тарелку. Брызги борща разлетелись в стороны, — на белую скатерть, на передник официантки, на платье сидящей рядом дамы, очевидно, супруги новоприбывшего. Публика в столовой возмущенно зашумела.

— Что же вы стоите? — еще более раздраженно вскрикнул новичок. — Принесите воды! Разве не видите, из-за ваших порядков у жены совершенно испорчено платье!

Александр Петрович почувствовал, как горячая волна прилила к его сердцу.

— Виноваты не порядки в санатории, а ваша невыдержанность, — зло сказал он. — И потрудитесь держать себя приличнее в общественном месте!

— Мой муж подполковник и знает, как себя вести, — с вызовом бросила женщина и надменно вскинула голову, увенчанную какими-то замысловатыми локонами.

Александр Петрович поднялся из-за стола:

— Тем более, он не должен компрометировать своего высокого звания!

Несколько дней отдыхающие сторонились новеньких, но на берегу моря, среди прекрасной южной природы как-то особенно быстро забываются все мелкие дразги. О скандале в столовой никто уже не вспоминал. Да и сам Головин не придавал ему такого значения после того, как новичок, отрекомендовавшийся Клебановым, подошел к нему и извинился:

— Простите меня, дорогой товарищ! Признаюсь, вел себя по-свински. Но, знаете ли, нервы... проклятые нервы! У всех нас они начали сдавать после войны, а тут еще изматывающая, напряженная работа...

Они разговорились и установили, что оба работают в одном ведомстве, и это до некоторой степени сблизило их. А когда спустя два месяца Клебанова назначили одним из заместителей

Головина, Александр Петрович не был ни огорчен этим, ни удивлен.

Только теперь, бессонной ночью, восстанавливая в памяти первые подробности их знакомства и подробности поведения Клебанова на работе, Александр Петрович вдруг, словно через увеличительное стекло, увидел то, что раньше ускользало от его внимания.

«Еще в санатории Клебанов, конечно, знал, что вопрос о его переводе в управление решен и что ему придется работать со мной... Потому и полез со своими извинениями, — думал Александр Петрович. — А я, простофиля, поверил, даже пожалел. Бедняга, мол, переутомился, развинулся... А у него здоровье, как у быка, и нервам каждый может позавидовать. Просто себялюбец, этакий «обтекаемый» человек. Такие ко всему и всем могут приспособиться...»

Беспощадный к самому себе, Александр Петрович начал припоминать, как повел себя Клебанов на новом месте работы. Сначала присматривался, скромненько выжидал. Когда его сотрудники удачно провели несколько дел, сумел все представить так, будто это была заслуга всего отдела и, в первую очередь, его, как руководителя. Но итог был подан с чувством меры, так, чтобы не слишком уж выпячивать себя, чтобы этот вывод сам напрашивался. Незаметно и настойчиво Клебанов старался оттереть трех других заместителей своего начальника, если, конечно, игра стоила свеч. В случаях, когда те выдвигали важные предложения, Клебанов неизменно поддерживал идею в целом, но уничтожающей критикой частных все сводил на нет.

Говорил Клебанов красноречиво, любил, что называется, «заострить вопрос», подвести под него политическую подоплеку, но даже в своих критических выступлениях умел никого не затронуть лично, и поэтому его взаимоотношения со всеми были ровными, часто даже товарищескими.

Александр Петрович припомнил, что и сам он был не прочь потолковать с Клебановым об охоте на уток, о рыбной ловле, не замечая того, что Клебанов просто играет на этой слабой его струнке, чтобы косвенно упрочить свое положение.

«Приспособленец, пустозвон! — с горечью думал Головин. — Но как же я мог это проглядеть? Как мог допустить, чтобы он оставался на важнейшем участке работы? Чтобы расследовал такое важное дело, как убийство в селе Веселое?.. Вот и сегодня я целый день возмущался ошибками, допущенными в следствии, вразумлял Клебанова. Но основную-то ошибку допустил я! Значит, я оказался плохим руководителем, не присмотрелся к человеку, находящемуся в моем подчинении, не изучил его характера и деловых качеств. Именно из-за этого едва не пострадал невинный! Нет, от этого дела Клебанова нужно отстранить!»

Приняв такое решение, Головин немного успокоился, но долго еще с суровым пристрастием корил он и допытывал самого себя.

Время шло. Разговоры об убийстве в селе Веселом постепенно утихли. Каждый день приносил людям и новые впечатления, новые тревоги, заботы и радости.

Время неуловимо работало на преступника, день за днем оно стирало его следы. С тех пор, как Головин отстранил Клебанова от руководства расследованием и взялся за него сам, было собрано много интересных материалов, однако напасть на след убийцы все еще не удавалось. Это тревожило и мучило Головина, как старая наболевшая рана.

«Я допустил ошибку и должен ее исправить!» — упрямо твердил он себе, перебирая все новые данные следствия, анализируя их, прикидывая так и этак.

И сегодня с утра он заново перечитал все протоколы, показания свидетелей, выводы экспертизы и в какой уже раз принялся анализировать известные факты, особо останавливаясь на неясностях, которые еще оставались в следствии.

Например, вопрос о табаке. Преступник специально рассыпал его у окна, чтобы собака не могла взять след. Экспертиза установила, что это самосад, домашнего приготовления, с примесью, для запаха, сухих цветочков буркуна.

Многие в Веселом выращивали на своих огородах табак, однако никто из них не знал свойств буркуна и не примешивал к табаку. По заданию полковника в одно из воскресений Григорьев обследовал в окрестных селах все базары

и только на одном, в районном центре, нашел самосад с примесью буркуна. Его продавал старик, похваставшийся, что знает секрет, как сделать табак «духовитым и пользительным для здоровья». Старик оказался жителем села Песчаное, другого района, каких-либо родственных связей в селе Веселом не имел, и даже не знал о его существовании.

«Как же самосад попал в Веселое? — спрашивал себя Головин. — Вернее, кто его купил у старика? Хорошо, если это постоянный покупатель, тогда старик может его припомнить. А если табак куплен случайно, только потому, что он «духовит»? Именно эта особенность табака должна была заинтересовать преступника... Нужно будет выяснить, кто из весельчан ездил за последние недели в районный центр...»

Обвинение против Санько Клебанов строил на том, что у заподозренного было найдено охотничье ружье и куски бабита, идентичные тому, из которого была изготовлена самодельная пуля-жекан, извлеченная из груди Юрко.

Экспертиза установила, что такая марка бабита применяется в местной МТС для заливки подшипников, а дальнейшая проверка показала, что почти все охотники села Веселое «достают» на машинно-тракторной станции бабит и отливают из него охотничью дробь. Некоторые охотники, выследившие волков и диких кабанов, отливали не только дробь, но и пули-жеканы. Однако проверка показала, что заподозрить в убийстве этих людей нельзя.

Патрон, найденный у места гибели Олексюка, мог подойти к любому ружью 16 калибра. Имен-

но такие ружья были у большинства местных охотников.

Одно обстоятельство привлекло внимание Головина: патрон оказался совершенно новым. Капсюль, разбитый в его гнезде, очевидно, был вставлен впервые. Налет гари на внутренней стороне патрона был таким, каким он и должен быть после одного выстрела. Это свидетельствовало о том, что патрон, возможно, был специально изготовлен злоумышленником.

После выстрела на патроне не сохранилось следов чьих-либо рук. Очевидно, он был подан в ствол автоматически.

Сейчас и этот патрон, и пуля-жекан лежали на столе полковника. Важные вещественные доказательства! Но доказательства пока немые. Как же заставить их говорить, как из безмолвных свидетелей превратить в грозных обвинителей против преступника?

В дверь торопливо постучали, и на пороге показался капитан Григорьев, запыленный, вспотевший, но веселый.

— Товарищ полковник... — возбужденно воскликнул он еще с порога. — Я с важной новостью! Вот, нашли! — он перевел дыхание и положил на стол какой-то предмет, завернутый в газетную бумагу.

— Ракетница? — удивился Головин, разворачивая сверток.

— Двухствольная ракетница, товарищ полковник... Она переделана для заряда охотничьи ми патронами!

Головин взял со стола патрон и вставил в один из стволов ракетницы.

— Подходит! — сказал он, волнуясь. — Где и при каких обстоятельствах вы ее нашли?

— На огороде одного из колхозников. Очевидно, ее бросили в воду еще во время весеннего паводка, когда огороды были затоплены. У меня давно мелькнула мысль, что надо обследовать всю прилегающую к реке полосу. И вот — такая находка!

— Молодец, капитан! Проявили находчивость и инициативу. Именно эта ракетница могла быть орудием убийства. Двухствольное, как я и предполагал, оружие... Итак, еще один шаг вперед на нашем трудном пути. Теперь вы должны выяснить всю родословную этой штучки: узнайте, на каком заводе она изготовлена, куда направлена, где продавалась, вообще, изучите всю ее «биографию». Я — снова в Веселое, хочу побеседовать с бригадиром Ивановым. Насколько мне известно, он уже поправился.

* * *

Бригадир Иванов днями возвратился из больницы. Рана его оказалась неопасной и быстро зажила. Но нервное потрясение, по-видимому, оказалось довольно сильным. По крайней мере, бригадир все еще отсиживался дома.

Все это сообщили Головину в сельсовете, и, постучавшись к Иванову, Александр Петрович чувствовал себя неловко: может быть, не следовало лишний раз тревожить человека?

Вопреки ожиданиям, Иванов выглядел здоровяком.

Он радостно бросился навстречу полковнику, словно давно его ждал и хотел познакомиться.

— Товарищ Головин, верно? Слышал о вас! Очень рад познакомиться. Иванов Михаил Федорович... А это жена моя — Анастасия Филипповна.

Головин пожал его руку, поздоровался с его женой, еще молодой женщиной с грустными, слегка воспаленными глазами.

«Видно, и она немало пережила», — подумал Головин, еще острее испытывая чувство неловкости, — так неприятно являться непрошеным гостем.

— Миша, может, приготовить что-нибудь? — спросила Анастасия Филипповна мужа.

— А как же, Настенька... А как же! — засуетился Иванов.

— Очень прошу вас не беспокоиться, — запротестовал Головин. — Я совсем ненадолго. Должен побеседовать с вашим мужем.

— Ну, тогда я пойду, — сразу же согласилась хозяйка. — У меня уроки.

— Учительницей в школе работает, — пояснил Иванов, когда его жена вышла. — Хотя и чужие дети, а все веселее.

— У вас никогда не было своих детей?

— Да, понимаете, были, только...

Иванов почему-то замаялся и сказал неуместно:

— Живем с ней дружно.

— Как чувствуете себя? Поправились? — спросил Головин, окидывая могучую фигуру хозяина. Он был значительно старше своей жены, но в голове его еще не серебрился ни один волос. Румяное лицо дышало здоровьем, только

глаза смотрели нерешительно и словно с укорядкой.

— Давно бригадиром работаете? — спросил Головин, чтобы завязать беседу.

— Четвертый годок пошел. Другому сказать, подумает, что не так-то уж и много. Только ведь год году рознь, правда? Какую бригаду принял! Разваленную до основания. Попотел, пока порядок навел.

— Хозяйство у вас хорошее. Видел ваши конюшни, свинарник... Недавно построили?

— Пришлось покрутиться. Не один я, конечно, но и моя доля немалая. Как жили раньше? Земли запущенные, урожай низкие, колхозники на трудодни граммы получали... А теперь все зажили в достатке. Второй год бригада держит первенство по области. На сельскохозяйственной выставке павильон свой имеем. Да, трудов положено немало! И вот, за все... благодарность!

Иванов махнул рукой и тяжело вздохнул. Почему-то в жесте его Головину почудилась нарочитость.

Будто вспомнив о своих обязанностях гостеприимного хозяина, он придвинул гостю пачку «Беломора».

— Курите, товарищ полковник!

Головин закурил.

Закурил и хозяин, жадно и глубоко затягиваясь и с силой выдыхая дым.

— Да, случай, конечно, прискорбный, — вернулся к начатой беседе Головин. — Как все-таки вы расцениваете этот выстрел?

— Враждебные элементы распоясались! — от-

рубил Иванов и зло выкрикнул:— Не запугают! Постоим за народное дело! Гитлера сломили, а тут одним выстрелом думают запугать?!

И снова Головину показалось, что в голосе Иванова звучали фальшивые нотки. От слов его отдавало каким-то неискренним пафосом.

«Возможно, это влияние Клебанова?»— остановил себя Головин и, чтобы проверить впечатление, спросил:

— Вы, по всей вероятности, уже беседовали с моим заместителем?

— Несколько раз. Он ко мне в больницу приезжал.

«Так и есть! Это Клебанов его настрополил».

— Вы сказали в враждебных элементах. У вас имеются на примете подозрительные лица?

— Санько мне расправой угрожал. Вообще, личность темная. Жил на оккупированной территории.

— Санько к убийству не причастен. А на оккупированной территории, к сожалению, вынуждены были оставаться миллионы советских людей. Это не порок их, а несчастье.

— Да, да, конечно, это так,— поспешно согласился Иванов.

— А кроме Санько, кто, по вашему мнению, не внушает особенного доверия?

— Трудно сказать. Тонкое дело! Враг с открытым лицом не ходит.. Нет, не прикину в уме, кто бы на такое злодейство мог решиться... Сам не раз задумывался, а вот назвать никого не берусь...

Он уклонялся от прямого ответа. Лицо его было спокойно, но глаза будто хотели ускольз-

нуть, укрыться от пытливого взгляда полковника. Дальнейшая беседа не дала ничего такого, за что можно было бы зацепиться в поисках.

В подавленном настроении Головин шагал по улице села.

«Странно, — думал он, — выдает себя пострадавшим за народное дело, говорит, что в селе есть враждебно настроенные люди, а назвать их не может. И этот бегающий взгляд. И эта самореклама. Словно один он трудился, боролся, строил колхоз...»

Посреди улицы у колодца оживленно судачили о чем-то женщины. Головин подошел к ним.

— Здравствуйте, бабоньки! — сказал он весело. — Можно и проезжему водички напиться?

— Здравствуйте, если не шутите! — озвалась бойкая молодуха. — Водички нам не жаль...

— Не шучу, а водички хочу, — в том же шутиливом тоне продолжал Головин. Он рад был немного побалагурить, чтобы отделаться от своих неотвязных мыслей.

Молодая кареглазая женщина с лукавым изгибом губ указала рукой на два полных ведра, стоявших на срубе, и молвила с мягкой усмешкой:

— Да вы не стесняйтесь, денег не спросим, а коли не хватит, еще наносим.

— Ах и вода! — похвалил Головин. Он отпил через край ведра, еще несколько глотков. — Истинный нарзан!..

Соседки переглянулись и почему-то притихли. Они смотрели на женщину, что неторопливо шла к колодцу от ближайшей калитки.

Он понял ревнивые взгляды соседок, — строй-

ная смуглянка была очень красива. Черные косы ее мягко обвивали голову, ясные черные глаза смотрели радостно и удивленно.

— Добрый вечер! — поздоровалась она. Ей никто не ответил.

Привычными плавными движениями она опустила ведро и зачерпнула воду, коротко взглянув на полковника влажными, как черная смолина после дождя, глазами. Перекинув коромысло через плечо, женщина гордо вскинула голову и так же неторопливо пошла назад, легко и плавно, слегка покачивая бедрами.

— Какая красавица! — невольно вырвалось у Головина.

— Приглянулась? — спросила кареглазая, и зубы ее блеснули в насмешливой улыбке. — Она до вас, мужиков, не гордая. Только занятая сейчас.

— С бригадиром, бесстыдница, путается, — сердито сказала пожилая колхозница и сплюнула.

— С каким бригадиром?

— Так с Ивановым же! — усмехнулась кареглазая.

— С Ивановым? — удивленно переспросил Головин. — У него же есть жена.

— Жена так, для порядку... А гостит у других.

— И жена-то у него третья или пятая, — добавила пожилая колхозница и осуждающе покачала головой.

— А я думал — Иванов хороший семьянин, — с деланным равнодушием заметил Головин.

— Ой, хороший семьянин! — прыснула кареглазая. — Кобель он бессовестный, а не семья-

нин! Не одна горькими слезами от него плакала... Авдотью эту, красавицу, муж из-за него топором хотел зарубить. Отпросилась, клялась и божилась перед всей родней, что будет верная да покорная.

— Притихла что-то последнее время,— задумчиво сказала высокая, средних лет женщина со строгим лицом, обращаясь к подругам.— Раньше, помните, как высоко неслась? Наплакалась от нее на свинарнике. И то не так, и это не по ее норову. Любовница бригадира, чего же не командовать! А теперь тише воды, ниже травы ходит.

— Кто же ее муж?

— Прицепщик. Возле тракторов в МТС работает. Пока не женился — был парень как парень. А теперь такой худющий да страшный! Она-то женщина в соку. Вот и ищет мужика покрепче. А кто виноват, что человек извелся? Она же, бесстыдная! — злобно выкрикнула молчавшая до сих пор болезненного вида женщина с коричневыми пятнами под глазами.

Чувствуя, что страсти не в меру разгорелись, Головин попробовал немного утихомирить женщин.

— Жизнь, бабоньки, прожить, не поле перейти. Случается, что и с дороги человек собьется. Вот бы и помочь такому, правильную дорогу отыскать. И потом, чужая душа — потемки. У каждого свой характер, свои побуждения, своя психология...

— Какая такая психология! — оборвала его пожилая колхозница.— Распутство это, а не психология!

Над улицей за клубилось густое облако пыли, это возвращались со стадом пастухи. Поспешно подхватывая ведра, женщины стали расходиться.

— Спасибо за воду и приятную беседу! — крикнул им вдогонку Головин.

— На здоровьечко! — обернулась кареглазая. Ведра на ее коромысле колыхнулись, и вода выплеснулась ей на ноги. Женщина рассмеялась и быстро пошла вдоль улицы, спеша к своему двору.

Головин повернул к сельсовету, где его ждала машина.

«Что если отрешиться от политической подоплеки и подойти к делу с иной стороны? — подумал он. — Вполне возможно, что в Иванова стрелял кто-то из обиженных мужей?..»

* * *

Листая свой блокнот, капитан Григорьев не раз поглядывал на часы, и как только Головин вошел — быстро вскочил с места и доложил торопливо:

— Ракетница, товарищ полковник, была в продаже в городском спортивном магазине и куплена в воскресенье 10 апреля. Вот чек на ее продажу, изъятый из архива магазина.

— Кто из весельчан был в этот день в городе? — спросил Головин.

— Колхоз организовал выезд на базар автомашиной. Вот список всех, кто ездил десятого в город. — Пробежав глазами протянутый ему список, Головин остановил взгляд на одной фамилии.

— Прицепщик Васько,—вслух прочитал он.—
Вы знаете, какая у него семья?

Григорьев взглянул в свой блокнот.

— Двое детей и жена.

— А ее, случайно, зовут не Авдотьей?—ожи-
вился Головин.

— Так точно, Авдотья,—удивленно ответил
Григорьев.—Вы тоже ее знаете, товарищ пол-
ковник?

— Случайно видел и невольно заметил—кра-
сивая женщина.

— Тогда это она. Разрешите продолжать?

— Пока оставим Авдотью в стороне. Ваши
соображения, капитан?

— Кто-то из приезжавших на базар мог ку-
пить ракетницу и патроны к ней. Старик, тор-
гующий самосадом с буркуном, оказывается, в
этот день был на рынке. Значит, тот, кто купил
ракетницу, мог купить и табак.

— Логика в этом есть... Дальше?

— Еще одно замечание, товарищ полковник.
Экспертиза установила, что патроны были за-
ряжены дымным порохом, магазины же прода-
вали только бездымный. В продаже другого дав-
но не было. Единственный человек в селе, у ко-
го еще сохранился дымный порох—сторож МТС.
Тут выясняется такая интересная подробность:
незадолго перед убийством Васько попросил у
него немного пороху, якобы для своего друга.

— Очень хорошо!

— Что уж хорошего? Если Васько приобрел
в городе ракетницу, купил табак, а у сторожа
попросил порох,—значит, не исключена возмож-
ность, что стрелял именно он!

- Не исключена, капитан!
- Но в чем же мотивы этого преступления?
- Ревность. Иванов сожительствовал с женой Васько. Это единственный мотив.
- Убийство из ревности?
- Очевидно. Подполковник Клебанов предвзято решил, что преступление носит политический характер, он запутался в дебрях собственных измышлений и едва не увлек и нас за собой. Все оказывается гораздо проще и по-житейски объяснимо. Кажется мне, капитан Григорьев, что мы приближаемся к финишу! Однако для полной ясности необходимо...

Он отложил карандаш, закурил и принялся перечислять по пунктам все, что предстояло еще сделать для изобличения преступника.

* * *

Вызванный в управление госбезопасности для допроса Иванов явился точно в назначенный срок. Вид у него был удивленный и несколько встревоженный.

— Повестку мне вручили, чтобы к вам явился,— заявил он хмуро, вертя в руках узенькую полоску бумаги.

— Да, без ваших правдивых показаний нам не обойтись,— сухо сказал полковник. — Садитесь, пожалуйста.

Иванов присел на кончик стула и выжидательно взглянул на полковника.

— Я уже, кажется, все рассказал вам, что знал.

— Я говорю о правдивых показаниях,— подчеркнул Головин.

— Я и говорил правду! За правду, может, и пострадал. Вот, до сих пор рука болит.

— О том, за что вы пострадали, поговорим позже. А сейчас скажите мне такую вещь: в беседах с Клебановым да и со мной вы ссылались на каких-то враждебно настроенных по отношению к колхозному строю людей и сеяли подозрения вокруг Санько... Зачем понадобились вам эти измышления и клевета?

— Я... высказывал предположения... Санько мне угрожал, ну вот и подумал...

— А разве вам никто больше не угрожал? Муж Авдотьи Васько, например?

Иванов побледнел. Он хотел что-то сказать, но осекся, боясь неосторожным словом выдать свое волнение.

— Что же вы не отвечаете? Прицепщик Васько угрожал вам?

— Было такое дело... Теперь припоминаю.

— Расскажите об этом подробнее.

— Зашел я как-то вечером на свиноферму, хозяйство посмотреть, а тут, откуда ни возьмись— Васько. С ножом на меня бросился.

— А что же было дальше?

— Пили с Васько мировую. Вроде бы помирились.

— Значит, вы приходили посмотреть хозяйство? Почему же, в таком случае, набросился он на вас?

— Дурь на человека нашла. Соображение потерял...

— Жена Васько, Авдотья, работает в свинарнике?

— Ну, в свинарнике...— Иванов все больше

терял самообладание, руки его, все еще сжимавшие повестку, дрожали.

— Значит, вы к Авдотье приходили, а не хозяйство осмотреть.

Капитан Григорьев записывал у бокового столика протокол допроса; он выжидательно взглянул на Иванова, но тот молчал.

— Почему же вы не заявили властям о том, что Васько набросился на вас с ножом? — спросил Головин.

— Запомню.

— Не верно, Иванов! Вы прекрасно помнили об угрозах Васько, знаете, кто в вас целился. Почему же вы молчали об этом и распространяли версию о каких-то враждебных элементах? Нашкодили и в кусты? Боялись, что за двух невинно погибших с вас спросят?

Иванов рванул ворот рубашки, мгновение тупо смотрел на отлетевшую на ковер пуговицу, навалился грудью на стол и зарыдал.

С чувством брезгливости Головин смотрел на вздрагивающие плечи этого большого и сильного мужчины.

— Довольно, Иванов! Возьмите себя в руки! — строго прикрикнул он. — Слезами не воскресите убитых. Да и своего тяжелого проступка не смоее.

— Я... я сознаю свою вину. Не думал, что так получится, — бормотал Иванов сквозь всхлипывания. — Я боялся ответственности... Такие жертвы, и я вроде бы как причина... А мой авторитет!..

Немного успокоившись, он рассказал о своих взаимоотношениях с Васько, признался, что с

самого начала подозревал в совершенном преступлении мужа Авдотьи.

— Распишитесь на протоколе ваших показаний, — предложил Головин, когда допрос был окончен. — А за одно и на ордере на ваш арест. Вот санкция прокурора. Вы привлекаетесь к уголовной ответственности за неправдивые показания следственным органам и попытку оклеветать честных людей.

Когда арестованного увели, Головин попросил капитана сесть поближе.

— Ну, а теперь, капитан, давайте рассмотрим наши улики против Васько.

— Я опросил всех ездивших 10 апреля на рынок в райцентр. Колхозник Стеценко напоминает, что Васько заходил в спортивный магазин. Значит, наши предположения, что ракетницу купил он, не лишены оснований. Далее: две женщины помнят, что Васько по дороге домой курил в кузове машины махорку. До этого он всегда курил дешевые папиросы, а тут сделал самокрутку. Обращал внимание и приятный запах табака. Кто-то из девушек даже пошутил: «Васько ароматы раскуривает!» Опять-таки напрашивается мысль, что Васько курил сдобренный буркуном самосад, купленный у деда на базаре.

— Так, дальше!

— На месте схватки преступника с Олексюком мы в свое время сделали слепки следов. Вышли они неудачно, однако каблуки обуви хорошо видны. На них выделяются три гвоздя, расположенные треугольником. Вчера я был в поле, где пашет трактор, на котором Васько работает прицепщиком. Присмотрелся к его следам,

оставленным на сыром черноземе. На них хорошо видны вдавленности трех расположенных треугольником гвоздей, аналогичных тем, которые видны на слепках.

— Очень важное обстоятельство!

— И, наконец, еще одно. Оказалось, что Васько выписал в кладовой МТС новую ножовку. А нам известно, что ракетница переделана для заряда охотничьими патронами именно при помощи ножовки. Что Васько брал порох у сторожа МТС, вам уже известно, товарищ полковник! Да, еще хочу прибавить. Все замечают, что за последнее время он сильно подался и даже характером изменился. Раньше дают ему, бывало, наряд на работу, а он шум подымает, другую требует, повыгодней. Теперь же подчиняется беспрекословно, куда его не пошлют. В работе тоже стал более исполнительный. Словом, старается репутацию себе создать.

Полковник еще раз просмотрел все свои пометки, сделанные во время доклада Григорьева, и прихлопнул их рукой.

— Хорошо, капитан... Сегодня же доложите прокурору и получите санкцию на арест Васько.

* * *

Стоя у открытого окна, Александр Петрович жадно вдыхал свежий утренний воздух. Теперь, когда дело об убийстве в селе Веселое близилось к окончанию, он особенно ощутил перенапряжение последних недель, державшее его в состоянии какой-то отрешенности от всего окружающего. Кажется, совсем недавно каштаны выбро-

сили стройные чашечки соцветий, а теперь белые лепестки пожелтели и уже облетают. Зато каким нарядным, каким зеленым кажется город, особенно если смотреть на него так вот, с высоты четвертого этажа... Прекрасно и всегда неповторимо это буйное пробуждение природы, — вечное обновление и вечное торжество жизни над смертью!

Облокотившись на подоконник, Головин слегка высунул голову из окна. Вдруг мимо него, с писком и чириканьем, взлетели вверх два воробья. Покружившись в воздухе, они комом упали на соседнюю крышу и, подпрыгивая, воинственно попискивая, принялись долбить друг друга клювиками. Оторванные перышки подхватывал и уносил ветер. В азарте боя воробьи сорвались с крыши, камнем полетели вниз и только у самой земли разлетелись в разные стороны. А на ветке каштана самодовольно сидела воробья, клювом расправляя пышные перышки, словно охорашиваясь.

«Тоже ревность!» — рассмеялся Головин и, вернувшись на свое место у письменного стола, снял трубку телефона:

— Капитан? Прошу зайти ко мне!

Через минуту Григорьев уже начал свой ежедневный утренний доклад.

— Васько арестован и обыск произведен. При обыске найден кусок бабита со свежими следами рубки зубилом. Вот этот бабит, а вот и зубило с остатками бабита на лезвии. Очевидно, этим орудием Васько изготовил пули-жекаки. Найдены также охотничьи пыжи из войлока, хотя ружья Васько никогда не имел.

— Важные улики для изобличения убийцы, — заметил Головин, рассматривая вещественные доказательства. — Как ведет себя Васько?

— Волнуется. Руки трясутся...

— Пусть посидит в камере, немного успокоится. Давайте побеседуем с его женой.

В кабинет вошла уже знакомая Головину Авдотья. Сдержанно поздоровавшись, она села на предложенный ей стул и обвела кабинет настроженным взглядом.

— Авдотья Степановна, кажется так? — спросил Головин.

— До сих пор так величали.

— Вы знаете, зачем вас пригласили?

— Не знаю, так скажете, — тем же сдержанным тоном ответила она.

— Расскажите нам, где вы были в тот вечер, когда произошло убийство?

— Дома была. На собрание муж не пустил.

— А муж где был?

— Тоже дома.

— И никуда не отлучался за весь вечер?

— По хозяйству выходил, голый. И скоро вернулся.

— Голый?! — воскликнул сидевший рядом с полковником Григорьев, но, встретив сердитый взгляд Головина, больше ни о чем не спрашивал.

Державшая себя вначале со сдержанным достоинством, Авдотья Васько после вопроса о том, отлучался ли ее муж, стала заметно нервничать. На все дальнейшие вопросы она отвечала запинаясь, иногда после долгих пауз. Было ясно, что она и сама подозревала мужа, догадывалась обо всем после убийства.

Отправив Авдотью домой, Головин вызвал на допрос Васько.

Вид арестованного говорил о его крайнем физическом и душевном изнеможении. С первого же взгляда было понятно, что человек этот уже определил свою судьбу, что воля его сломлена.

— Вы знаете, за что вас арестовали? — спросил Головин.

— Нет, — едва слышно ответил Васько и потупил глаза.

— Ну, что же, тогда давайте вместе разберемся... Вы курите?

— Курю, — так же тихо ответил арестованный.

— Тогда, пожалуйста! — Головин придвинул к нему кулек с самосадам, купленным Григорьевым у старика. Дрожащими пальцами Васько скрутил цыгарку и закурил. По комнате распространился приятный запах буркуна.

— Хороший табак, ароматный, — как бы между прочим сказал Головин. — Вы, кажется, тоже такой покупаете?

Васько захлебнулся дымом.

— Нет, я курю папиросы, — сказал он, откашлявшись. Рука с цыгаркой, упавшая на колено, слегка подпрыгивала, сотрясаемая мелкой дрожью.

— А в воскресенье, десятого апреля, вы же покупали махорку?

— Не помню, может и купил, папирос не хватило...

— Плохая у вас память, Васько! Возможно, вы забыли, что и эту штукюину купили? — Головин вынул из ящика ракетницу и положил ее на стол.

Васько вскочил со стула и попятился к стене. — Садитесь, арестованный! — резко сказал Головин. — Будете дальше отпираться или дадите показания о совершенных вами убийствах?

Васько хотел заговорить, но зубы его выбивали мелкую дробь, в уголках рта запузырилась пена. Головин протянул ему стакан с водой. Обхватив его обеими руками, Васько жадно пил.

— А мастер вы неплохой, удачно приспособили ракетницу для заряда охотничьими патронами, — сказал Головин, чтобы вывести арестованного из состояния нервного шока.

Уставившись взглядом в пол, Васько молчал.

— Вот и кусок бабита, из которого вы сделали жеканы. Узнаете его? Или показать вам пулю, извлеченную из груди Юрко? Есть и патрон, найденный возле убитого вами Олексюка.

Лицо Васько исказило страдание.

— Не хотел я их, гражданин полковник! — крикнул он в страстном порыве отчаяния. — Иванова думал, обидчика своего! Жену он мою опозорил и меня...

И Васько начал давать показания.

* * *

Генерал Романов, сидя за своим рабочим столом, внимательно слушал доклад полковника Головина.

— Так, ошибку Клебанова, говорите, исправили? — спросил он, щуря карие, молодо поблескивающие глаза и отгоняя рукой дым.

— Сделали все возможное, товарищ генерал. Преступника нашли. Невинного Санько освободили.

— А для себя выводы какие из этого сделали? Головин почувствовал, как гулко, размеренно ударило сердце.

— Вы неправильно поняли меня, товарищ генерал. Не Клебанова ошибку я исправил, а свою. То, что я не распознал его и доверил ему такое важное дело...

— Понятно, товарищ полковник! Это я и хотел услышать. Рад за вас!

— Урок для меня был тяжелый, но, думаю...— Головин умолк, словно взвешивая свои слова, и закончил уверенно:— Но и полезный. На всю жизнь запомню!

— Со своими сотрудниками обсудили все происшедшее?— спросил генерал.

— А как же. Провели специальное совещание, на котором проанализированы допущенные в начале следствия ошибки.

— Как же держал себя Клебанов?

— Подал рапорт об отставке, товарищ генерал.

— Значит, ничего не понял человек!— с досадой сказал Романов.— Что же, в таком случае хорошо, что догадался...

Он круто повернулся и подошел к столу.

— Рапорт Клебанова при вас, полковник? Давайте подпишу! Удовлетворю его просьбу!..



СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Под чужим именем	5
Запутанное дело	39
Тайна спичечной коробки	85
Возвращение	113
Мечь врага	138
Полет в никуда	176
Первая ошибка	212

Головченко Иван Харитонович. Записки чекиста.

Редактор **П. Ф. Северов**
Художник **А. М. Девянин**
Художественный редактор **М. Н. Вальчук**
Технический редактор **А. А. Вовк**
Корректор **М. Л. Брандис**

Сдано на производство 5/VII 1958 г. Подписано к печати 8/X 1958 г. Формат 70×92/32. 8¹/₈ физ.-печ. лист., 9,5 усл.-печ. лист., 9,28 уч.-изд. лист. БФ 17191.
Тираж 65000. Зак. 136. Цена в переплете 3 руб. 80 коп.

Издательство «Радянський письменник». Киев,
Красноармейская, 6.

Книжная фабрика Главиздата Министерства культуры
УССР, Одесса, Купальный пер., 5.



72
R.L.



8 руб. 80 коп.

